

МОСКОВСКІЙ
В Ъ С Т Н И К Ъ.

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ.

ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1828.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Москва, Іюля 9 го дня, 1828 года.

*Въ должности Предсѣдателя Сергѣи
Дюковъ.*

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

№ XIII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. СТИХОТВОРЕНІЯ.

При прощаньяхъ три импровизированныя піэсы.

I.

Въ стаканы чокъ !
И въ губы чмокъ !
На долгій срокъ ,
Друзья , прощайте !
Лечу къ боямъ ,
Къ другимъ краямъ ,
Во слѣдъ Орламъ :
Чокъ — выпивайте !
Бышь можете насъ ,
Въ послѣдній разъ ,
Веселый часъ
Собралъ за чашей.
Чтожь ? плакать ? — нѣтъ !
Въ честь прежнихъ лѣтъ ,
Священныхъ бесѣдъ
И дружбы нашей

Но

I *

Въ стаканы чокъ!
 И въ губы чмокъ!
 И вивашъ младость!
 Она была
 Не весела,
 Но всѣмъ дала
 Подъ часъ намъ радость,
 Такъ въ честь же ей
 Стаканъ налей
 И вивашъ младость!

II.

Три стакана Шампанскаго.

Кипишь Шампанское въ стаканѣ,
 Кипишь и блещешь жемчугомъ;
 Мечты вѣюшся надъ моимъ челомъ,
 Какъ чайки бѣлыя въ шуманѣ.
 Налейте мнѣ еще стаканъ!
 Тогда разсѣшся шуманъ
 И яркими чертами свѣта
 Увидишь свѣшлый взоръ Поэта
 Другаго міра чудеса;
 Увидишь новыя шворенья,
 Другія зѣмли, небеса,
 Мечты воспорженной видѣнья!
 Какъ міръ пошь сердцу говоришь!
 Тамъ никогда надежды цвѣшь не вянешь;

Тамъ дружба дружбы не обманеть ,
 Любовь любви не измѣнишь.

Тамъ вѣчная весна , тамъ вѣчно пѣснь звучишь .
 Но здѣсь нашъ вѣкъ ешь вѣкъ чугунный ,
 На мигъ намъ Богъ даешь и юность и весну .

Чшобъ позабышь про мѣръ подлунный ,
 Прибѣгнемъ-ше , шоварищи , къ вину .

Еще спакань ! — и я засну
 Подъ говоръ горнихъ лиръ и арфы шихосструшной .

III.

Ударилъ часъ , прощайте други !

Мнѣ предстоишь далекій путь .

Съ кѣмъ мнѣ шеперь дѣлишь мои досуги ?

При комъ свободно мнѣ вздохнуть ?

Пусть весель свѣпмый край Дуная

И веселы кровавые бои ;

Но вѣрьте мнѣ , шамъ образъ рая ,

Гдѣ съ вами я , друзья мои !

На долго я разстанусь съ вами ;

Но подъ Руссукскими стѣнами ,

На полѣ биввы роковой ,

Подъ спавкою , подъ знаменами ,

Въ мечшахъ вы будете со мной .

Бышь можешь , не вѣнецъ лавровый ,

Кровавый мнѣ гоповишься вѣнецъ ,

Но надъ шобою рокъ суровый

И шамъ , какъ здѣсь , возношится пѣвецъ , —

И шамъ какъ здѣсь, въ послѣднее мгновенье,
 Спокойно улыбнуса я.
 Мнѣ являшя веселыя видѣнья,
 Мнѣ являшя далекия друзья,
 А вы! . . забудете-ль Поэша?
 Въ роскошной, южной шпоронѣ,
 Въ столицѣ шумной, въ вихрѣ свѣща,
 Друзья! вздохнете-ль обо мнѣ?

А. Хомяковъ.

Лотось.

(Съ Италіанскаго) (*).

Когда свѣшило дня свой первый лучъ зажжётъ
 Египша древняго на памяшникахъ тѣмныхъ,
 Тщеславія людей свидѣшеляхъ огромныхъ,
 И благотворный Ниль лазурью обольетъ, —
 Тогда вспаешь и ты, Лотось бѣлорумяной,
 Изъ влажныхъ браша нѣдръ, съ денницею злашой,

(*) Подлинникъ написанъ Графомъ Риччи. Ксшати извѣстимъ нашихъ читашелей, что Гр. Риччи, съ успѣхомъ занимающійся Италіанскою Словесностью, посвящаетъ досуги свои переводамъ образцовыхъ піесъ Русскихъ. Дабы познать Италію съ произведеніями нашего роднаго Сѣвера, онъ намѣренъ издашь Русскую Антологію на Италіанскомъ языкѣ. Многія піесы переведены имъ весьма удачно, а именно: *На смерть К. Мещерскаго*, соч. Державина *Свѣтлана Жуковскаго*, *Демонъ* и *Пророкъ* Пушкина. Переводчикъ умѣлъ сочетать удивительную близость къ подлиннику съ изящствомъ выраженія.

Красуясь бѣлизной невинности слянной
 Съ румянцемъ дѣвственнѣмъ спыдливости молодой!
 И легкій въперокъ къ шебѣ съ лобзаньемъ вѣшся:
 То съ сладосныхъ лисковъ швое дыханье
 пѣшь,

То благовонными кругами разольщся
 И запахъ швой другимъ цвѣшамъ передаетъ.
 Такъ свѣшлая заря, въ часъ ушренній, небрежно
 Раскинувъ локоны по розовымъ плечамъ,
 Спускаешъ ихъ волной къ восшочнымъ берегамъ,
 И ихъ рубинами живописуешъ нѣжно.

Когдажъ приемлешъ царь сапфирнаго чершого
 И свѣшловласаго и пламеннаго бога,
 Ты, влажной родины и слава и краса,
 О дѣвственнѣй врагъ шьмы, любовникъ жаднѣй
 свѣша! —

Тебя не радуешъ безъ солнца небеса, —
 И въ грушномъ сирощствѣ, лишень его привѣша,
 Въ покровы влажные увивши шебель свой,
 Ты возвращаешся къ обшпели родной.
 Такъ дѣва чшшая чело свое склоняешъ,
 Предъ Богомъ принося молишвы ейимамъ,
 И вѣруя, что онъ вознесся къ небесамъ,
 На чшшый ложа пухъ спокойно возлегаешъ.

III.

Вечернее волнованье.

(Ошривокъ).

Какъ я люблю прохладныхъ волнь
 Вечерній шумъ, и плескъ, и шрепеть!
 Люблю, таинственности полнь,
 Въ ихъ томный вслушиваться лепеть!
 Какъ много душу полнишь онъ,
 Прохладныхъ волнь вечерній спонъ!
 Порой — съ налетомъ вѣтерка,
 Въ дубравѣ шумъ, рѣка струится, —
 Луна проходишь облака —
 Гляжу на воды. . . . что-то зрится. . . .
 То чья-шо тѣнь. . . . то легкой чолнь. . . .
 Мелькнушь. . . . и спишь поверхность волнь!

Но снова шумъ! Но снова спонъ!

И кто-шо вновь звѣздой падучей
 Блещишь, горишь! . . . Какъ будшо звонъ
 Несешь съ нимъ волной кипучей!
 И вновь, таинственности полнь,
 Смолкаешь шумъ прохладныхъ волнь! . . .

И. Петровъ.

Красноярскъ на Енисей.

Ранняя смерть.

Поэшь любви, зѣвоты, сна,
 Сказаль, что будешь жишь въ его спихахъ Эльвира.
 Увы, молодая гостья міра!
 Почто такъ рано ты на смерть обречена?

S.

Къ друзьямъ.

Скучно, други молодые,
 Съ вами буйно пировашь
 И лобзанья покупныя
 Опъ красавиць принимашь. —
 Сокъ душистый винограда
 И Вакханки спрасшный взорь:
 Все минушная опрада,
 Къ долгой скукъ приговорь.
 Я люблю искашь забвенья, —
 И забышься не могу
 И въ порывахъ наслажденья
 Предъ своей душою лгу. —
 Винный парь меня покинешь —
 И со мной разсудка свѣшь;
 Поцѣлуй любви оспынешь
 И любви со мною нѣшь.
 За ушѣхами земными
 Пьяный юноша бѣжишь,
 Но какая, въ слѣдъ за ними,
 Дума на сердце лежишь?

Н. П. . . . в. .

П Р О З А.

Отрывокъ изъ Трагедіи Шакспира :

О т е л л о ().*

Третье явленіе 3-го дѣйствія.

Сцена передъ замкомъ.

ДЕЗДЕМОНА, КАССІО и ЭМИЛІЯ (*выходятъ*).

ДЕЗДЕМОНА.

Будьте увѣрены, добрый Кассіо: я сдѣлаю все, что могу.

ЭМИЛІЯ.

Поспайтесь, сударыня; мой мужъ объ этомъ безпокоился, какъ о своемъ горѣ.

ДЕЗДЕМОНА.

Благородный человекъ! — Не сомнѣвайтесь, Кассіо, вы возвратите дружбу моего супруга.

КАССІО.

Великодушная Дедемона! Что бы ни было съ Кассіо, но онъ всегда будетъ вашимъ вѣрнымъ слугою.

(*) Въ прошедшемъ № Москов. Вѣстника изложено было содержаніе сей Трагедіи. Сей отрывокъ помѣщается для того, чтобы яснѣе показать истинныя красота Шакспира, и убѣдить еще болѣе въ томъ, какъ немилосердо искаженъ онъ Дюсисомъ и Русскимъ его подражателемъ.

Д Е З Д Е М О Н А.

Благодарю васъ. Вы любите моего мужа и давно его знаете — и шакъ можете бытъ увѣрены, что онъ на время лишилъ васъ должности, пока потребуешь эшаго приличіе.

К А С С І О.

Правда ; но если эшо приличіе будетъ продолжительно, если опъ постороннихъ обстоятельствъ оно превращишя въ необходимость, если мое мѣсто отдадутъ другому и начальникъ забудетъ о любви моей и заслугахъ....

Д Е З Д Е М О Н А.

Не заботьшесь. Эмилиа свидѣтельница: я порукой вамъ въ вашемъ мѣстѣ. Уже ли сомнѣваетесь, что я не исполню обѣща дружбы? Не дамъ покоя моему мужу ; буду вездѣ подсперегать его, надобмъ ему просьбами. Въ его объятіяхъ, за споломъ буду жужжать ему въ уши про Кассіо. Не печальтесь же: вашъ ходашай скорѣе умретъ, нежели оспавишь ваше дѣло.

(Отелло и Яго показываются въ нѣкоторомъ отдаленіи).

Э м и л і я.

Сударыня, вашъ сунругъ идетъ сюда.

К А С С І О.

Проспите ; Дездемона.

Д Е З Д Е М О Н А .

Поспойте же : послушайте , какъ я буду просить за васъ .

К А С С І О .

Нѣтъ , извините , я теперь не въ духъ , это не согласно съ моимъ намѣреніемъ .

Д Е З Д Е М О Н А .

Ну какъ вамъ угодно .

(*Кассіо уходитъ*) .

Я г о .

А ! это мнѣ не по сердцу !

О т е л л о .

Что ты говоришь ?

Я г о .

Ничего , государь , шакъ . . . я и самъ не знаю

О т е л л о .

Это не Кассіо ли вышелъ ошь жены моей ?

Я г о .

Кассіо ? . . Нѣтъ ! я не думаю , что бы онъ , какъ пресшунникъ , завидя васъ , смаль скривашься . . .

О т е л л о .

Мнѣ кажешся , это онъ былъ .

Д Е З Д Е М О Н А .

Здоровь ли ты, другъ мой? А у меня сей часъ былъ просишель, кошорый въ спрашномъ горѣ опъ швоего гнѣва.

О т е л л о .

О комъ говоришь ты?

Д Е З Д Е М О Н А .

Да о намѣспникѣ Кассіо. Милый другъ! если я мила тебѣ, если сколько нибудь могу тебя пронуть, — по примиришь съ нимъ шеперь: если онъ тебѣ не преданъ, если въ его просшупкѣ ешь умысель, по я не знаю послѣ ашаго кому вѣришь. Позови его, прошу тебя.

О т е л л о .

Такъ это онъ шеперь вышелъ?

Д Е З Д Е М О Н А .

Да, онъ — и въ шакомъ раскаяніи, что у меня даже ошалошь въ сердцѣ его горе. Я сама съ нимъ спрадаю: позови его, другъ мой!

О т е л л о .

Не шеперь, милая Дездемона, въ другое время.

Д Е З Д Е М О Н А .

Но ты скоро просшишь его?

О т е л л о .

Для себя, пожалуй, и скорѣе.

Д е з д е м о н а .

Сегодня до ужина?

О т е л л о .

Нѣтъ, не сегодня.

Д е з д е м о н а .

Когдажь? завтра къ обѣду?

О т е л л о .

Я не дома обѣдаю: меня пригласили спаршины города.

Д е з д е м о н а .

Такъ завтра вечеромъ, или во вторникъ упромъ, ну въ полдень, ну вечеромъ, или рано въ среду. Да прошу тебя, назначь же время, только не далѣе какъ черезъ три дни. Право онъ раскаялся! Конечно, во время войны наказываютъ строже въ примѣръ другимъ; но всё говоряшь, что его вина не большая, что онъ не заслужилъ такого наказанія. Когда же придти ему? Скажи мнѣ, Опелло. Мнѣ такъ спранно бы было не только опказать тебѣ въ желаніи, но даже усумниться въ немъ. Вспомни, что Кассіо для тебя меня свамаль, всегда бралъ прошивъ меня самой швою спорону, — и тебѣ трудно просишь его? Ахъ! я ошиб-

лась, я думала, что просьбы мои сильнѣе.

О т е л л о.

Полно, прошу тебя. Приходи онъ, когда хочешь: я ни въ чемъ не откажу тебѣ.

Д е з д е м о н а.

Но это не подарокъ, другъ мой: это все по же, еслибъ я тебя просила надѣшь перчатки, принять лекарство, беречься холоду: все это въ твою же пользу; нѣшь, еслибъ захошѣла я просьбой испытать на дѣлѣ любовь твою, — о! . . . она была бы гораздо труднѣе.

О т е л л о.

Могу ли въ чемъ отказать тебѣ? Но и я прошу теперь: оставь меня на минушу.

Д е з д е м о н а.

Вопшъ я такъ ни въ чемъ тебѣ не отказываю: проси, мой другъ, если такъ тебѣ угодно.

О т е л л о.

Проси, моя Дездемона. Я сей часъ приду къ тебѣ.

Д е з д е м о н а.

Пойдемъ, Эмилиа! Все будь по твоему: каковъ бы ты ни былъ, я всегда тебѣ послушна.

(Она уходитъ съ Эмилией).

О т е л л о .

Милое созданіе! Адъ возьми мою душу , если я не люблю себя! И когда перестану любить , — тогда солнце попухнешь.

Я г о .

Государь . . .

О т е л л о .

Что ты , Яго ?

Я г о .

Кассіо зналъ ли о любви вашей , когда вы сватались за Дездемону ?

О т е л л о .

Опъ перваго шага до послѣдняго ему все было извѣстно . Но къ чему эшошь вопросъ ?

Я г о .

Такъ , у меня была своя мысль : впрочемъ вы не думайте ничего дурнаго .

О т е л л о .

А что за мысль у тебя , Яго ?

Я г о .

Я не предполагалъ , чшобъ онъ зналъ ее прежде .

О т е л л о .

Какъ же , — онъ часшо бывалъ нашимъ посредникомъ .

Я г о.

А!

О т е л л о.

А? Къ чему это — а? Чшо пы шупшь видишь? Развѣ онъ не чесшень?

Я г о.

Чесшень? . . .

О т е л л о.

Да; чесшень!

Я г о.

Онъ казался чесшнымъ человѣкомъ, сколько я его знаю.

О т е л л о.

Ну чшожь пы думаешь?

Я г о.

Чшо я думаю? . . .

О т е л л о.

Ну да, чшо пы думаешь? Какое глупое эхо! Какъ будто чоршь засѣлъ у него въ умъ, котораго показашь ему спрашно! Чшо нибудь да ешь у тебя на мысли. Сначала пы сказалъ: тебѣ не по сердцу, чшо Кассю вышель онъ Дездемоны. Чшожь шупшь тебѣ не нравился? Попомъ, услышавъ онъ меня, чшо онъ былъ посредникомъ въ любви нашей, пы воскликнулъ: а? — и сдвинулъ свои брови, какъ будто дьяволь-

скія мысли гнѣздяся въ головѣ швоей. Коль любишь, скажи что думаешь.

Яго.

Государь! вы знаете, какъ я люблю васъ.

Отелло.

И я вѣрю тебѣ. Знаю любовь твою и честность, знаю, что у тебя каждое слово не даромъ: вошь почему мнѣ и спрашно, какъ ты зачинаешься. Запинаешься — привычка у плутовъ, у обманщиковъ; но у честнаго человека это знакъ недобрый: онъ самъ себя не господинъ, — у него что на сердце, то и на языкѣ.

Яго.

Что касается до Кассіо, я готовъ присягнуть въ его честности.

Отелло.

И я также.

Яго.

Люди должны бытъ швѣтъ, чѣмъ кажутся. Коль не шакковы они, — къ чему бы имъ и казаться шакими?

Отелло.

Разумейтея, люди должны бытъ швѣтъ, чѣмъ кажутся.

Яго.

Коль шакъ, — то я увѣренъ въ честности Кассіо.

О т е л л о.

Нѣтъ, хитрецъ, шущъ что нибудь да кроется. Прошу тебя, Яго, говори все, что ешь на умѣ, какъ бы тебѣ ни думалось: коль мысль самая дурная, вырази ее самымъ дурнымъ словомъ.

Я г о.

Проспите меня, государь: конечно я обязанъ дѣлать все, что вамъ угодно; но ваша власть не проспирася на свободу моего слова: въ эпосѣ и рабъ имѣетъ свою волю. Скажите, что мысли мои ложны, пусты. Куда, въ какіе чертоги не закрадется пыль или черная гадина? Укажите мнѣ на самое чистое сердце, котораго свѣтлыя чувства ни разу не былибъ омрачены подозрѣніемъ!

О т е л л о.

Нѣтъ, ты умышленяешь пропить друга. Еслибъ ты чувъ замѣнилъ въ немъ безпокойство, то какъ въ шуж минушу не открышь ему своей мысли?

Я г о.

Извините меня: мои подозрѣнія, можетъ быть, слишкомъ ужасны. Я сознаюсь: природа дала мнѣ мучительную способность вездѣ выглядывать зло; часно я вижу шамъ вину, гдѣ вовсе нѣтъ ея. Прошу васъ, не вопрошайте челоуѣка, подверженнаго шакому недоспашку; не основывайте подозрѣній

на моихъ примѣлахъ споль невѣрныхъ. Ваше спокойствіе, ваше благо и моя честность, мой разумъ, запрещающіе мнѣ открывать вамъ свои мысли.

О т е л л о:

Что ты разумьешь?

Я г о:

Доброе имя, государь, есть первое сокровище душевное какъ для мужчины, такъ и для женщины. Похитить золото не велика вещь, бездѣлица! Нынѣ оно мое, завтра его и еще въ милліонѣ рукъ перебивается; но доброе имя. . . а! это другое дѣло. Похититель его, не обогащая себя, у меня все опнивается.

О т е л л о.

Ради Бога, скажи: хочу знать всѣ твои мысли.

Я г о:

Вы не могли бы знать ихъ, еслибъ сердце мое было въ рукѣ вашей; вы не должны, потому что оно у меня во власти.

О т е л л о:

А! ! . . .

Я г о.

Государь мой! спрашивается ревности; это чудовище съ зелеными глазами.

ми само ненавидили ту пищу, которую пресыщаются. Счастливей обманутой муж, когда, узнавъ о горькой судьбѣ своей, онъ любовь опринулъ. Но сколько мучительныхъ минутъ въ жизни считаешь прощъ, кто любитъ и сомнѣвается, кто подозрѣваетъ — и любитъ душою.

О т е л л о,

О горько!

Я г о.

Бѣдность и довольство — вещь богатство наспоющее. Но не бѣденъ ли владычій несмысленнымъ богатствомъ, когда онъ вѣчно спрашивается поперяшь его? О Боже милосердый! сохрани отъ ревности всѣ сердца благородныя.

О т е л л о,

Къ чему это? что это значить? Развѣ ты думаешь, что я всю жизнь буду ревнивцемъ? что подозрѣнїе, какъ гидра, будетъ вѣчно возражаться въ моемъ сердцѣ? Нѣтъ! разъ усумнившись, я приму рѣшенїе. Промѣнай меня на козла, если когда нибудь щопощъ подозрѣнїя испревожитъ мою душу, какъ ты думаешь. Говори мнѣ безпрестанно: жена твоя прелестна, мила въ обществѣ, прекрасно играетъ, поетъ, шумитъ, танцуетъ; эшимъ не введешь меня въ подозрѣнїе; съ добродѣтелью въ

сердцѣ — все это не опасно. Заслуги мои не велики? — и этого не боюсь: она своими глазами меня выбирала. Нѣтъ, Яго! не усумнюсь прежде нежели не увижу; усумнившись, испытаю, — и если убѣдился, все кончено: прочь любовь или ревность!

Яго.

А! теперь я дышу свободнѣе, могу исполнить передъ вами долгъ любви моей и преданности. Но помните, что въ моихъ словахъ нѣтъ еще ничего вѣрнаго. Сморгните внимательнѣе за женой своей; примѣчайте ее и Кассю, — но держитесь середины: не ревнуйте и не доверяйте ей. Ахъ! не желалъ бы я видѣть обманушимъ ваше природное просо-сердечіе! . . . Будьте осторожны! Вы не знаете, какъ думаютъ въ нашемъ отечествѣ. Венеціанки позволяютъ себѣ грѣшить передъ небомъ, лишь бы мужа не знали. Все позволено, только тайно: таково правило ихъ нѣжной совѣсти!

Отелло.

Какъ? не ужели?

Яго.

Не обманула ли она отца, сочешавшись съ вами? Не припворялась ли, что боишься, какъ огня, вашего взора, кошорый всего болѣе любила на свѣтѣ.

О т е л л о,

Да, правда.

Я г о.

Далѣе: если въ юности своей она такъ умѣла припворяться, что обманула зоркіе глаза отца, что отецъ ея видѣлъ въ этомъ колдовствѣ . . . но нѣтъ, нѣтъ! я глупо дѣлаю. Молю васъ, извините великодушно мою любовь чрезмѣрную.

О т е л л о,

Я вѣчно, вѣчно себя обязанъ.

Я г о.

Нѣтъ, нѣтъ, я вижу, что это понимаете у васъ бодрость духа. . . .

О т е л л о.

Нимало! .. Съ чего вы это взяли?

Я г о.

О увѣрьшесь, что я наблюдаю васъ. Конечно знаю, что вы почитаете слова мои внутренними любовію; но вы въ волненіи. Прошу, молю васъ, не выводите изъ нихъ дурнаго: можете быть оспорожнымъ, но не болѣе.

О т е л л о.

Нѣтъ, я не спану. . .

Я г о.

Еслижъ вы меня не послушаете, мой разговоръ можетъ имѣть злыя слѣд-

спвія, на которыя я и не мѣпилъ.
Кассіо мнѣ другъ! . . . О государь! въ
какомъ вы волненіи!

О т е л л о.

Нѣшъ, нѣшъ, ничего . . . я думаю
о томъ, что нѣчего сомнѣваешься въ вѣр-
ности Дездемоны.

Я г о.

О! молю Бога, чтобы она всегда
была вѣрна вамъ, чтобы вы никогда не
измѣняли своихъ о ней мыслей.

О т е л л о.

Но . . . однако . . . Природа какъ ча-
сто заблуждается! . . .

Я г о.

А! въ томъ-то наше и горе. Позвольте
мнѣ говорить откровенно. Многіе женихи
одного съ нею климата, цвѣта и состо-
янія, предлагали ей руку, — и она ихъ
опвергла: не противно ли это склонно-
сти природной? не видите ли вы здѣсь
какой-то ущонченной прихоти, желанія
своеправнаго и неестественнаго? . . Из-
вините меня: я говорю не о васъ имен-
но; но чего не дѣзя спрашиваться? Что ес-
ли ея мысли перемѣнятся, если она
сравнишь васъ съ своими соотечествен-
никами и почувствуетъ раскаяніе? . .

О т е л л о.

Прощай! прощай! Если еще узнаешь
что, вриди, скажи мнѣ. Вели женѣ

своей смопрѣшь за нею. Оспавь меня,
Яго!

Яго.

Просшите, государь.
(Притворяется, что хочетъ идти).

Отелло.

О для чего я женился? Такъ... онъ
знаешь болѣе, гораздо болѣе, нежели
открылъ мнѣ.

Яго.

Государь! прошу, умоляю васъ,
покамѣсь забудьще это дѣло и предо-
ставьще все времени. Вѣдь Кассіо хо-
рошъ для своей должности и весьма
ревностно ее исполняешь; нѣтъ нужды,
что вы на время его удалили: напро-
шивъ, это даешь вамъ средство испы-
тать его, узнашь, какое вліяніе онъ
имѣетъ надъ нею. Примѣчайте, съ ка-
кимъ упорствомъ будешь она требо-
вать ему прощенія; это немаловажно.
Но не забывайте того, что я слыш-
комъ далеко проспелъ свои опасенія...
даже боюсь моей излишней оспорожно-
сти... молю васъ, вѣруйще въ ея не-
винность...

Отелло.

Не забойсья о томъ: я умѣю вла-
дѣть собою.

Яго.

Еще разъ просшите, (Уходитъ).

О т е л л о .

Какая въ немъ честность! Какъ узналъ онъ челоѳчество! Еслибъ она была дикою соколъ, еслибъ привязана была ко мнѣ за жилу сердца, — и тогда я опорвалъ бы ее съ кровью, пустилъ бы на вѣшеръ: пусть гоняется за кѣмъ хочешь. Да . . . это вѣроятно . . . я смугль; я не владѣю, какъ придворный, пріятнымъ даромъ слова; я уже не молодъ . . . но чтоже? если она опрелась опъ меня, если я обманушь . . . ушѣшусь ненавистью. — О проклятый бракъ! для чего мы, владѣя сими нѣжными созданіями, не владѣемъ и ихъ спрашями? Лучше бышь червемъ, лучше жишь въ душной шемницѣ земли, нежели знашь, что другой пѣшь изъ сосуда, шобою любимаго. Но я забылъ, что это мука людей знашныхъ, что эта судьба неизбѣжна для нихъ какъ смерть: въ этомъ они уступаютъ права свои низшимъ. О для чего въ первую минушу любви закрышы опъ насъ муки ревности? . . . Но вопшь Дездемона.

(*Дездемона входитъ съ Эмилией*).

Она обманщица? . . . Нѣшь! небо не лжешь. Не вѣрю!

Дездемона.

Обѣдъ гошовъ, другъ мой. — Благодарные оспровитяне. всѣ пришли на зовъ швой и ждушъ шебя.

О т е л л о .

Я виновашъ. . .

Д е з д е м о н а .

Опъ чего швой голосъ шакъ слабъ?
Здоровъ ли шы, милый?

О т е л л о .

Головная боль шягошипъ меня. . .

Д е з д е м о н а .

Върно опъ шого, чшо шы мало спашъ. Но она пройдешь: дай обвяжу я покръпче голову и черезъ часъ шы будешъ здоровъ.

О т е л л о .

Твой плапокъ очень мадь. (*Онъ беретъ его и бросаетъ на полъ*). Оспавъ, поидемъ, поидемъ со мною.

Д е з д е м о н а .

Другъ мой, меня безпокоишъ швое нездоровье.

(*Отелло уходитъ съ Дездемоной*).

Э м и л и я .

Какъ я рада, чшо эшошъ плапокъ попался мнѣ въ руки. Эшо былъ первый подарокъ Ошелло Дездемонѣ. Мой мужъ, преспиранной, просилъ меня по крайней мърѣ спо разъ украсишь его. Она шакъ любишъ эшошъ плапокъ: Ошелло заклиналъ ее беречь. эго и она съ нимъ не

разспается, цѣлуешь его, даже говоришь съ нимъ. Я вопъ что сдѣлаю: вышью шочно такой же и опдамъ его Яго. Богъ знаешь, для чего онъ ему ну-женъ; но почему не исполнишь прихоти мужа?

Яго (*входитъ*).

Яго.

Что ты одна здѣсь дѣлаешь?

Эмилия.

Да не брани же: у меня есть кой-что для себя.

Яго.

Кой-что для меня? Знаю — вещь обыкновенная!

Эмилия.

Какъ обыкновенная?

Яго.

Да, что обыкновеннѣе глупой жены!

Эмилия.

Хорошо же, а посмотри-ка сюда: что ты мнѣ дашь за эпошь плашокъ?

Яго.

Какой эпо плашокъ?

Эмилия.

Какой плашокъ? — Тотъ самый, который Ошелло подарилъ Дездемонѣ,

а ты такъ часто приказывалъ мнѣ украсишь.

Яго.

Ну чшожь? ты украдала?

Эмилія.

Нѣтъ, ей Богу нѣтъ! Она неосторожно его выронила, а я шуптъ случилась и подняла. Взгляни-ка.

Яго.

Ну, милая, отдай его мнѣ.

Эмилія.

Нѣтъ, скажи, для чего онъ тебѣ нуженъ? Ты такъ сильно наспамивалъ на томъ, чшобъ я его достала.

Яго.

А тебѣ чшо за нужда? (*Вырываетъ у нея платокъ*).

Эмилія.

Если тебѣ онъ нуженъ не для важнаго дѣла, такъ отдай назадъ. Бѣдная госпожа безъ него съ ума сойдетъ.

Яго.

Пришворись, чшо не знаешь. Мнѣ онъ очень нуженъ. Поди, оставь меня.
(*Эмилія уходитъ*).

Пойду и подкину его въ домъ Касіо, пусть онъ у себя найдетъ его. — А для ревнивца бездѣлица, призракъ

воздушный есмь важный доводъ , какъ свидѣтельство изъ Библии. Это произведетъ свое дѣйствіе ! А ядъ мой славно разыгрался въ жилахъ Мавра ; со-всѣмъ другой спалъ ; этъ подозрѣніи имѣюшъ чудную силу ; сначала онѣ не много противны для вкуса , но малый пріемъ ихъ , какъ порохъ , воспламеняетъ кровь — и пошла пошѣха. И шакъ. . .

(*Отелло входитъ*).

Но вопшъ и онъ. Нѣшъ , уже поздно ! Ни макъ , ни опиумъ , ни всѣ усыпительные соки въ мѣрѣ не возвращають ше-бѣ того сладкаго сна , которымъ шы вчера наслаждался.

О т е л л о .

Ахъ ! невѣрна мнѣ ? мнѣ . . . невѣрна ?

Я г о .

Какъ , государь ? Сказано — ни сло-ва болѣе.

О т е л л о .

Прочъ ошъ меня ! Ты даль мнѣ эшой отправки. Клянусь , лучше бышь покры-шу стыдомъ ужаснѣйшимъ , чѣмъ хотя немного знашь о стыдѣ своемъ.

Я г о .

Какъ , государь ? . .

О т е л л о .

Ахъ ! что я чувствовалъ прежде , когда похищаль часы наслажденія ? Я не видалъ ничего , не думаль , не забо-

шился ни о чемъ, спалъ сладко прошлую ночь, былъ воленъ духомъ, весель! Я не вспрѣчалъ на ухахъ ея поцѣлуевъ Кассіо. Похитилъ у богача сокровище, но не говори ему о томъ, — и онъ все также богашъ.

Я г о.

Горько мнѣ это слышашъ.

О т е л л о.

Если бы весь мой лагерь, всѣ мои воины до послѣдняго наслаждались ею, — я былъ бы счастливъ, пока не зналъ объ этомъ. О прости на вѣки миръ и довольство душевное! Прости, прекрасное воинство, пыл, гордая война, дышущая одною славою! Прости, мой звонкій конь, труба побѣдная, звуки барабановъ, окрилявшіе на брань душу, лишавры, пронзавшіе слухъ мой; прости, царское знамя, всѣ пышныя отличія, всѣ великолѣпія побѣдъ порже-слвенныхъ! Прости и пыл, смертоносное орудіе, грознымъ жерломъ своимъ гремящее какъ грома вѣчнаго. . . Простите, простите! Все совершилось для Отелло!

Я г о.

Возможно ли, государь мой?

О т е л л о.

Докажи, плушъ, что жена моя изменница. Да . . . пы долженъ доказашъ

на дѣль, очевидно: *(Онъ хватаетъ Яго за грудь)*. Не по, клянусь вѣчною душою человѣческою, лучше бы было тебѣ родиться псомъ, нежели, возбудивъ гнѣвъ мой, вымолвить еще слово передо мною. . . .

Яго.

Уже ли вы до такой спешени? . . .

Отелло.

Да, чшобъ я видѣль! Или по крайней мѣрѣ докажи шакъ, чшобъ нѣ къ чему было прилѣпить сомнѣнiя; — не по, спрашисъ за жизнь свою.

Яго:

О государь!

Отелло:

Еслижъ ты оклеветаша ея, если понапрасну истерзаша меня; — по не молись никогда Богу, забросъ свою совѣсть, накопи кучи шакихъ злодѣянiй, опъ копорыхъ небо плачешъ; земля содрогаешся; — но все ты ничего не прибавишь къ пому прокляшiю, копорое заслужилъ клеветшою. . . .

Яго.

О милосердый Боже! защити меня! Да развъ вы не мущина? гдѣ душа ваша, гдѣ разумъ? Господь охрани васъ!

Спаньте вы на мое мѣсто! Ахъ, жалкій я глупецъ! Къ чему швоя честность? — къ тому, чшобъ ее вмѣнили тебѣ въ преступленіе? Люди, ужасные люди! Замѣшьте: воптъ вамъ урокъ, воптъ каково бытъ честнымъ и опкровеннымъ. Еще болѣе однимъ опышомъ въ жизни, и за него благодарю я васъ. Нѣшъ! если любовь считаюшъ оскорбленіемъ, нѣшъ! съ эшихъ поръ нѣшъ у меня друга!

О т е л л о.

Полно! . . оспанься имъ: хопъ шы будь честень.

Я г о.

Нѣшъ, пора образумишъся! Честность ешъ глупость: она даромъ шурился.

О т е л л о.

Клянусь тебѣ, чшо жена моя . . . кажешся мнѣ и честною . . . и нѣшъ, чшо шы самъ . . . мнѣ кажешся и честнымъ . . . и нѣшъ. Докажи! . . . Ея имя, прежде спольже свѣшное какъ мѣсяцъ ясный, шеперь очернено, замарано . . какъ лицо мое! Нѣшъ . . . не могу сношшъ болѣе . . . ешъ пешля, ножъ, огонь, ядъ, море . . . О докажи, докажи на дѣлѣ!

Я г о.

Вижу, чшо спрашъ уже сильно шерзаетъ васъ. Каюсь въ шомъ, чшо

я возбудилъ ее. И пакъ вы желаете доказательствъ?

О т е л л о.

Желаю? . . . Хочу, жажду!

Я г о.

Можете имѣть ихъ. Но скажите ясное: чего вамъ хочется? ужели хотите вы видѣть на дѣлѣ . . . своими глазами? . . .

О т е л л о.

О вѣроломство! смерть! адъ!

Я г о.

Кажется, трудно бы было уловить такое зрѣлище. Вы не повѣрите сами себѣ: имѣть, тогда лишь прокляните ихъ, когда чужіе глаза, кромѣ вашихъ, увидятъ измѣну! Но что я говорю? гдѣ же доказательство? Вамъ невозможно этого видѣть, даже если бы они были беспыдны какъ овцы, жарки какъ обезьяны, сладострастны какъ волки бышеные, просны какъ глупость пьяная. Имѣть, есть другія средства, которыя приведу къ той же истинѣ и удовлетворяю васъ.

О т е л л о.

Но дай мнѣ покажеть какое нибудь живое доказательство измѣны . . .

Я г о.

Не весело мнѣ исполнить вашу просьбу; но если ужъ дѣло пошло на

шо, если ужь разъ проговорилась моя глупая честность и любовь — нечего дѣлать, продолжаю. — Недавно я ночеваль у Кассіо, и опь зубной боли не могъ заснуть цѣлую ночь. Есть привычка у иныхъ людей во снѣ болшашь о томъ, чшб на яву ихъ занимаешь: Кассіо шакого же свойства. Вдругъ, слышу, въ просонкахъ онъ говоритъ: „Милая Дездемона! будемъ оспорожны, скроемъ любовь нашу.“ Тушь, въ бреду онъ схватилъ мою руку, сжалъ ее и воскликнулъ: „милый другъ мой!“ Потомъ съ такимъ жаромъ цѣловаль меня, какъ будшо съ корнемъ вырывать поцѣлуй, приросшіе къ ушамъ моимъ, крѣпко меня обняль, вздыхаль, цѣловаль и воскликнулъ: „Прокляшая судьба и прокляшь Мавръ швой!“

О т е л л о.

А! чудовище, чудовище!

Я г о.

Но эшо было во снѣ!

О т е л л о.

Да, эшо сонъ но какое сильное подозрѣніе! . . .

Я г о.

Правда, онъ подкрѣпляетъ всѣ другія, менѣе важныя.

О т е л л о.

На часши разорву ихъ!

Яго.

Гдѣ же благоразуміе? Мы еще ничего не видали. Она можешь бышь невинна. Скажите мнѣ: не замѣчали ли вы у нея въ рукахъ плашка, шипаго малыновыми цвѣтами?

Отглаго.

Я самъ ей подарилъ его: это былъ мой первый подарокъ.

Яго.

Этого не зналъ я; но мнѣ было извѣстно, что это плашокъ жены вашей, и нынѣ я видѣлъ, что Кассіо имъ ушпиралъ лицо свое.

Отглаго.

Если это пошь же самый...

Яго.

Если это пошь же самый, или другой, но пошько ея плашокъ, — то и это сильное при другихъ доказательствѣ.

Отглаго.

О! будь у него милліонъ жизней! Нѣшь, одной мало для моего мщенія. Такъ, все вижу, вижу истину. Смотри сюда, Яго, (*дуетъ въверху*), видишь: вошь шакъ разлетѣлась на воздухъ глупая любовь моя! Ея нѣшь! Черное мщеніе! выдь изъ твоего адскаго вершепа! Прочь любовь! Ненависть, возь

ми вѣнецъ и пресполь въ моемъ сердцѣ.
Воздымайся грудь моя подь бременемъ:
въ шебѣ шипящъ змѣинья жала.

Я г о.

Прошу васъ , государь , успокой-
тесь.

О т е л л о.

Крови , Яго ! крови !

Я г о.

Терпѣніе ! молю васъ . Можеть бышь ,
вы еще перемѣните мысли .

О т е л л о.

Нѣтъ , Яго , никогда . Подобно Чер-
ному Поншу , копорато хладныя , неудар-
жимыя волны не знаютъ никогда ров-
наго покоя и вѣчно спремяшся къ двумъ
морямъ сосѣднимъ , — такъ моя , крови
жаждущая мысль въ своемъ порывѣ не
оглянешся назадъ , не унизится до люб-
ви , пока мщеніе не поглотитъ ее въ
океанѣ крови . Да ! клянусь въ помъ
симъ мраморнымъ небомъ , и подь спра-
хомъ казни , съ благоговѣніемъ къ свя-
шой присягѣ (*преклоняя колѣна*), про-
изношу здѣсь мое кляшвенное слово . . .

Я г о (*также преклоняя колѣна*).

Не вставайте ! . . вы свѣшила , вѣч-
нымъ огнемъ пламенѣющія ! вы спихія ,
насъ окружающія ! будьте свидѣтели ,

что Яго предаешь главу свою, руки и сердце въ услуженіе оскорбленному Отелло. Онъ повелишь, — и я готовъ покорствовашь, хошя бы онъ прѣбоваль крови.

О т е л л о.

Не пустою благодарностію буду ошвѣчать тебѣ на любовь твою. Я ее приѣмлю, и сей часъ даю тебѣ дѣло. Черезъ три дни дай мнѣ знать, что Кассіо нѣшъ въ живыхъ.

Я г о.

Умершвишь друга? . . . Его не будешь, коль ты сего желаешь; но ей . . . позволь еще жить.

О т е л л о.

Проклятіе измѣнницъ! Поди, поди сюда, за мною. Хочу заранѣе найти скорыя средства — погубишь это прекрасное чудовище. Ошнынъ ты мой намѣспникъ!

Я г о.

Я вѣчно слуга вашъ!

(Они уходятъ).

Н А У К И.

*Исторія.**Разсужденіе объ идеѣ Всемирной Истории соч. Кине.*

(Продолженіе).

Какойже подвигъ совершилъ Неаполитанецъ Жіамбашиспа Вико? — Онъ первый уснатовилъ всеобщіе законы челоѳчества. Онъ представленія онъ возвышался до идеи, онъ явленій до сущности. Пораженный началомъ шождественной природы всѣхъ націй, Вико собралъ во едино явленія, свойственныя каждой изъ нихъ, и, спирая съ нихъ опдѣльный цѣль и особность, онъ составилъ понятіе цѣлостное, исторію опвлеченную, схему идеальную, опносящуюся ко всѣмъ временамъ, ко всѣмъ народамъ, не напоминая преимущественно ни одного. (Видимое нами въ печеніи племень, въ ихъ рожденіи, развитіяхъ, въ ихъ величіи и паденіи, естъ полько выраженіе связи рода челоѳческаго съ эпохой несокрушимою державой. Она нисходитъ до него и кладетъ на него свою печать; опсюда неопредѣленное послѣдствіе развалинь, возникающихъ царствъ, падшихъ проновъ, перемънь, оппашковъ, копорые всѣ имѣють свои представленія въ безусловномъ.) Народы, въ порядкѣ дѣль,

слѣдуя одни за другими, входящѣ съ нею въ сношенія, водворяются въ ея вѣчной оградѣ; они расписываютъ ее своими красками, и, покаместъ существующѣ ею и въ ней, придаютъ ей какое-то мнимое движеніе, облачаютъ безсмертную всѣми эмблемами времени, влачатъ нѣсколько минуць свои бѣдствія и славу по ея непоколебимымъ изворотамъ; мимоходомъ оглашаютъ стопами скорби, кликами радости ея молчаливые своды, и когда погибаютъ они, она непогибаетъ: отрясаешь бранный прахъ развалинь, и, лучезарная, снова горитъ въ спранѣ идей.

Но гдѣ искать сихъ неплѣнныхъ лѣтописей, копорыхъ ни одна рука не написала, ни одно преданіе не донесло до насъ? — Въ ходѣ Провидѣнія, осуществленномъ на землѣ законами мысли человеческой. Въ этой системѣ разумнія, вездѣ себѣ пождественной, заключены начала, образующія бышіе народовъ и формы ихъ жизни. Погруженные въ настоящее, народы кипятъ, сшибаются, исчезаютъ въ волненіи времени; а начала оспаютъ твердо, въ невозмущаемомъ покоѣ. Когда-бы все сперлось съ лица земли: Имперіи, памятники, разсѣянные имена, кровавые слѣды, они-бы, не смотря на то, существовали, и эта исторія, содержащая

общую схему ихъ, не была бы ни меньше полна, ни меньше возможна; ибо, если событія и опытность входяшь въ ея составъ, то входяшь просто какъ символы, подтверждающіе истину, не служа ей основаніемъ (1).

Вообразите себѣ методу, во всемъ противоположную методѣ Вико — это будетъ метода Гердера. Если первый опираетъ ряды дѣйствій человеческихъ на высшей сущности мысли, впорый восходитъ отъ самаго грубаго явленія бытія вещественнаго; онъ соединяетъ въ одно понятіе, вездѣ постоянное и вездѣ измѣняемое, пространство, заключающее силы творенія, и время, которое совершенствуетъ ихъ развитіемъ. Отъ расшенія прозябающаго, отъ птицы свивающей гнѣздо свое, до организма самаго возвышеннаго — состава общественнаго, все казалось ему стремящимся къ раскрытію цвѣта человечества: для того и міры образовались изъ хаоса, и существо живое приготовило постепенными измѣненіями сущность, кою овладѣли вѣка, чтобы выработавъ ее въ свою очередь. Какимъ дивнымъ законамъ многообразныя формы созданы одна для другой!

(1) Vico. *scienza nuova d'intorno alla commune natura delle nazioni*. 1725.

Въ этой безконечной цѣпи всѣ промежушки заняты, и существа смѣшанныя служатъ переходомъ между свойствами, совершенно разными. Здѣсь каждый исполняетъ долгъ свой, развивая свои способности, производя все, что только можешь произвести. Но это движеніе вещей не есть личное спеченіе силъ, взаимно себя ограничивающихъ и измѣняющихъ, не производя господствующей идеи, которую всякая шваръ проявляетъ въ своей сферѣ: если ни одна дѣятельность не опдыхаетъ, ни одна не опстааетъ. По глубокому шождеству онъ всѣ спремяетъ опъ низшей формы къ высшей, опъ камня до растенія, опъ растенія до живошнаго. Преслѣдуя такимъ образомъ перерожденіе вещей, Гердеръ замѣчаетъ мимоходомъ аналогіи, представляемыя ему разными степенями шворенія; и, когда наконецъ, съ увѣренностью доходишь безпрепятственно однимъ и тѣмъ же путемъ до челоѣка, онъ не дивится его чудесамъ; онъ узнаетъ въ немъ существо, приготовленное, возвыщенное развитіемъ и сліяніемъ всѣхъ предыдущихъ формъ и инстинктовъ.

Едва достигнута первая ступица челоѣчества, и вдругъ система принимаетъ видъ необыкновенно новый и смѣлый. Отсель швореніе распадается

на два міра. Недвижный подобно пространству, гдѣ онъ дѣйствуетъ своими силами, одинъ напрасно измѣняешь свои виды, свои климаты, свои кары и блага: пождешвенное самому себѣ, это мнимое движеніе есть не иное что, какъ вѣчный покой. Другой, живущій во времени, вмѣстѣ съ нимъ измѣняешься безпрестанно. Онъ летишь на крылахъ его, заблуждаешься, дробишься, вновь составляешься, рождаешься, убываешь. Если вы послѣдуете за его безконечно-разнообразнымъ бѣгомъ, вы упоминетесь въ суетныхъ изворотахъ, не достигая, по видимому, ни какой цѣли; отвратите ли взоры, скоро вы не узнаете его: такъ быспро увеличиваются вѣтренныя его силы! Гердеръ производитъ сіи два міра одинъ отъ другаго, или, лучше сказать, онъ почищаетъ ихъ однимъ и тѣмъ же существомъ. Если законы физическіе соорудили вещественную вселенную, то законы человечества соорудили міръ испорціи. Но, поелику челоуѣкъ, въ своей многоразличной природѣ есть самое полное сокращеніе, средоточіе всѣхъ органическихъ условій, поему и законы его рода не иное что, какъ общіе законы творенія, копорые со всѣхъ сторонъ въ него сходятся и обнаруживаются соопвѣтственными формами. Если природа силилась сквозь

тысячу измѣненій возвыситъ произведе-
 ніе свое до способности мыслящей;
 мысль, въ свою очередь, пробѣгаетъ
 спезю совершенствованія сквозь волне-
 ніи вѣковъ и народовъ. Въ эпоху непре-
 рывной цѣпи соотвѣтствіе явленій ос-
 новано на единствѣ закона.

Отсюда Гердеръ не вдругъ перехо-
 дитъ къ движеніямъ исторіи. Онъ начи-
 наетъ изучать сцену, прежде нежели
 она наполнится лицами, прежде смяте-
 нія произшествій, кошорое всегда мѣ-
 шаетъ распознавать въ точности слу-
 чайныя свойства мѣстоположеній. Оби-
 щель человѣка опредѣляетъ уже сосѣд-
 ними обстоятельствомъ привычки,
 спановящіяся мало по малу законами.
 До совершенія на землѣ перваго дѣйствія
 человѣческаго, цѣпи горъ, слои почвы,
 извивы рѣкъ, рисовали уже неизгладимы-
 ми чертами будущую фізіогномію
 исторіи. Съ неподражаемымъ искус-
 ствомъ, Гердеръ слѣдуетъ за направле-
 ніемъ горъ, рѣкъ, проникаетъ въ сте-
 пи, осматриваетъ всю внушрренность
 страны, желая опыскашь въ мірѣ внѣ-
 шнемъ первое условіе наклонностей и
 нравовъ народныхъ. Среди природы
 юной, гдѣ еще не пробито ни одной
 пропсы, ходъ его такъ вѣренъ, краски
 такъ живы и ярки, что описанія сіи
 мевольно напоминаютъ первые дни рож-

дающейя вселенной, когда Вѣчный показывалъ человѣку Эдемское жилище, научая его именамъ живописныхъ и цвѣшовъ, къ коимъ плешворное дыханіе еще не прикасалось. Одинъ изъ самыхъ славныхъ нашихъ путешественниковъ (*) ссылается на Гердерову картину поясовъ земныхъ, какъ на превосходный образецъ географической вѣрности и краснорѣчія живописнаго. Понятно, почему въ самомъ дѣлѣ должно бытъ много сродства между геніемъ, вникающимъ въ нравственную физиогномію народовъ, уже несуществующихъ, и геніемъ, постигающимъ естественныя приличія и видъ такой спраны, копорую онъ не посѣщаль.

Но гдѣ существо, долженствующее оживитъ это поприще? Земля еще пуста и ненаселенна; человѣку надо родиться изъ среды силъ, въ ней заключенныхъ, и мы не спанемъ ни на минушу перьяшь изъ виду цѣли, ему предшествующей, и служащей для насъ опорой. Безъ сомнѣнія, въ немъ содержащаяся начала особья, законы собственыя, заблаговременно объясняющіе долгую Драму, копорую суждено ему играть на планетѣ. Не лзя высказать, какую занимательность пріобрѣшаешь

(*) Гумбольдтъ.

физиологическая картина способностей человеческих опъ такой почки зрѣнія: силы человѣческа еще въ бездѣйствіи, правда; но уже видно въ дали смущенное движеніе, видна бурная сцена, ими предвѣщаемая; Анапоміа посредствомъ сего восходишь до высшей Философіи, облакается въ самыя блестящія ризы краснорѣчія. Съ необыкновеннымъ вниманіемъ прислушиваешься къ біенію сердца, слѣдуешь за направленіемъ фибръ, за всѣми подробностями организма, когда постигаешь сродство сихъ явленій, по видимому столь ограниченныхъ, съ высшими законами, раскрывающимися въ переворотахъ стольшій. Часто до Гердера описывали вообще врожденныя склонности человѣка. Но дѣлая гения, мысль творческая, превышающая всѣ измѣненія наукъ, была мысль — шѣсно соединить эпо описаніе съ развитіемъ Исторіи, такъ, чтобы оно могло служить основаніемъ для сей послѣдней. Отсюда Гердеръ начинаешь обозначать предѣлы человѣчества и сферу его дѣйствій; ограждаетъ его силами неизмѣнными, прикрываетъ законами общими, соотвѣтственными всѣмъ обстоятельствомъ, указываетъ ему дорогу долгаго сиротства, потомъ, слѣдуешь взоромъ за его печеніемъ по

земль твердой, коей все свойства и извороты напередъ ему извѣсны.

Сколь ни смѣлы сїи методы, но, поелику онѣ уже неопредѣленно разлиты въ умахъ, и вѣкъ годовъ провозгласить ихъ; то мы теперь менѣе удивляемся яснымъ, обширнымъ выводамъ ихъ, нежели ограниченной славѣ, копорою пользовались у насъ гени, ихъ открывшіе. (Ходъ вещей таковъ: когда время созрѣло для произведенія великой мысли, впереди вѣковъ, будто поперянный въ своихъ мечтаніяхъ, одинъ человекъ принимаетъ ее въ свое разуміе, назначаетъ ей предѣлы, воздвигаетъ ей памятникъ въ пустынь; послѣ чего ему должно умереть: но за нимъ и ниже его идутъ поколѣнія, безмятежно продолжающія свое шествіе, пока не вспрѣпятъ невѣдомыхъ слѣдовъ тамъ, гдѣ думали оставить только свои; они начинаютъ удивляться, спрашивать, какимъ образомъ такія силы могли пройти среди нихъ безъ шума и свѣпныхъ знаменій; перебираютъ разныя догадки, подобно страннику, испуганному видомъ чужихъ слѣдовъ на песокъ необитаемаго острова.

Когда, вышедъ изъ постепенныхъ приготовленій творящаго естества, родъ человеческій, подобно спану Пигмаліона, началъ оживляться и дышать

въ нѣдрахъ органическихъ силъ, онъ, подобно ей, имѣлъ сперва темное чувство своего бытія, еще слишаго со всѣми окружающими предметами и безусловно покорнаго ихъ законамъ. Не въ соспояніи будучи мупнымъ взоромъ различилъ предѣловъ собспвенной природы, человекъ почишалъ судьбу предметовъ собспвенной своей судьбой, ихъ сущность своей сущностью. Поперянный въ громадѣ шварей, онъ не имѣлъ Испоріи, или, скажемъ вѣрнѣе, она соспавляла часнь Испоріи физическаго міра; все оканчивалось описаніемъ недѣлимаго, куда не входили ни различія времянь, ни послѣдованіе поколѣній, ни обспояшельства первобытной жизни искусствъ, ошкрываемыхъ и возникающихъ какъ-бы случайно; шамъ не упоминалось о кровопролитныхъ браняхъ, о внезапныхъ сборищахъ людей. Законъ, выведенный Гердеромъ, чтобы возвыситься надъ такимъ положеніемъ вещей — слѣдующій: *человѣчество, сообразно съ духомъ времени и мѣста всегда и вездѣ было всемъ, чѣмъ только оно могло быть.* — Если допустимъ сей законъ безъ ограниченія, то движеніе по видимому кажешся невозможнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ понятно, что коль скоро судьба человека мыслию или дѣй-

спвіемъ опдѣлилась опъ судьбы міра, онъ, не только вышелъ изъ сферы, куда уже не долженъ былъ возвращаться, но до извѣстной степени заключилъ въ себѣ все помѣштво народовъ и царствъ. Слѣдовавшее по стопамъ его поколѣніе, ободренное первымъ успѣхомъ, обнаружило систему отличную опъ предыдущихъ; между симъ поколѣніемъ и предметами, не входившими въ составъ его, существовало отношеніе, котораго предшественники не знали, и потому не могли выражать: такъ законъ его, зависящій опъ обстоятельствъ; и, когда законъ сроднился съ поколѣніемъ, сдѣлался съ нимъ одинакимъ и пождественнымъ, тогда и поколѣніе спало не похоже на то, что было прежде него. Изъ смѣшенія собственныхъ его силъ съ преданіемъ произошло новое слѣдствіе, завѣщанное вѣкамъ грядущимъ; вѣка, въ свою очередь, измѣнили сіе соединеніе, и произведеніе опъ нихъ оставшееся, было ни первобытное преданіе, ни наслѣдіе опцовъ, но преній результатъ, составленный изъ двухъ предыдущихъ.

Напрощивъ того, прежде нежели сдѣланъ былъ сей первый шагъ, когда человечество, облеченное самыми грубыми формами, въ настоящемъ смыслѣ не существовало, и, когда скованное

узами чувства, оно еще не совершило ни одного усилия дабы освободиться отъ унижительной неволи, тогда, говорю, человекъ, безъ слова, безъ религии, безъ общества, имѣлъ единственныи преданіемъ вѣчный законъ природы внѣшней, который онъ воспроизводилъ непрерывно, не подвигаясь ни на шагъ впередъ. Онъ былъ необходимымъ слѣдствіемъ міра вещественнаго, и дѣйствіе его ограничивалось, отражая въ себя образъ сего міра: подобно отражаемому, непоколебимый среди мнимаго движенія, онъ вмѣстѣ съ нимъ росъ или убывалъ, одушевлялся или коснѣлъ. Ничего не прибавляя къ міру, ничего у него не отнимая, эгоистъ образъ былъ самъ міръ въ другомъ видѣ. Выказывался ли онъ, или пропадалъ — общая система вещей оставалась пою же. Встрѣчая сей образъ, позднѣйшія поколѣнія встрѣчали міръ, и, обращаясь въ одной сферѣ, осужденныя размножаться, никогда не увеличивая своего достоинства, ихъ темныя льпописи выражали только опіошеніе всегда пождественное.

Сіе первое побужденіе не произошло отъ природы внѣшней, не произошло и отъ человека, ею порабощеннаго; напроивъ, все заставляешь думать, что оно родилось отъ вліянія силы,

чуждой какъ той, такъ и другому: вопль слѣдствіе; выведенное Гердеромъ. Чувствуя невозможность сообщить движеніе существу сему; столь тѣсно имъ связанному съ организмомъ; вездѣ, гдѣ замѣтна стихія совершенствованія; — какія нибудь религіозныя обряды; языкъ еще грубый; первая степень образованности; — Гердеръ называетъ преданіе виною сихъ чудесъ; здѣсь разумѣется немѣстное преданіе, развивающееся въ каждомъ народѣ; ему исключительно принадлежащее, но преданіе коренное; основное; копорое; явившись въ извѣстномъ мѣстѣ и времени; отсюда; въ тысячи разныхъ видахъ раздѣлось по всѣмъ племенамъ. Самые грубые народы начинаютъ имѣть о немъ понятіе; лишь только достигаютъ закона нравственнаго; языка и начальнаго образованія: досель ихъ способности; какъ-бы впрочемъ велики ни были; погружены въ глубокой сонъ; и образъ божественной мысли; шускло мерцающей въ существѣ ихъ; напрасно прорывается освободить себя и проявиться наружу рядомъ дѣйствій; причастныхъ совершенствованія.

И такъ; необходимо есть почка въ проснранствѣ; минула во времени; когда Богъ указалъ человеку; указалъ сему заблудшему сыну путь;

по которому должно было ему следовать; Творецъ отдѣлилъ его отъ прочихъ существъ, обратилъ на спезю истины, одарилъ словомъ, вручилъ ему свѣшпильникъ вѣры, возвысилъ его на первую степень образованія, предоставляя собственнымъ силамъ челоуѣка совершить остальное.

Но, взгляните на сцѣпленіе вещей! Если это первое положеніе недоспапочно, должно-ли Вышнему зиждителю безпре- станно разливать новый духъ жизни на свое твореніе, всегда гошовое осла- бѣвать, и челоуѣчество, выведенное на блиспашельное поприще дѣяшельности, должно-ли каждый разъ терять воспо- минаніе о своемъ соприкосновеніи съ Су- ществомъ существъ, не находя какъ прежде оправданій въ младенческомъ безсиліи? Гдѣ средство, послѣ этого, изъяснить систему поступательныхъ силъ, развивающихся отъ формы самой грубой, до самаго высокаго проявленія? Гердеръ говоритъ: есть только одинъ законъ, одна мысль, одно существо, кошовое совершенствуясь, идетъ раз- ными путями; но время наспаетъ, когда должно сказать, что міръ не удовлетво- ряетъ самому себѣ. Послѣ ряда перерож- деній, касающихся способностей высо- кихъ, безсиліе его обнаруживается яв- но; онъ оспанавливается и спребуешь,

дабы могущество оныхъ него не производящее и въ него не возвращающееся, извлекло его изъ недѣлятельности, замѣнило его истощенныя силы; и какое могущество! безъ предѣловъ, безъ измѣненій, всегда свѣжее, которое не имѣеть выраженія на языкахъ нашихъ, которое смущаетъ и спрашиваетъ нашъ разумъ. Вошь что водворилось между міромъ органическимъ и первыми явлениями человѣчества! Не ужели эта середина не дѣлается изъ шворенія бездушнаго и шворенія послушающаго двухъ различныхъ міровъ? Какъ произойти имъ одному изъ другаго? — Между ними безконечность.

Напрошивъ, обнявъ цѣлый кругъ событій, пусть углубится въ эту Метафизику, которая начертана на гробѣ народовъ; пусть выслушаетъ до конца медленное полкованіе вѣковъ, и все объяснится просто.

Исторія, съ начала до конца, есть позорище свободы, борьба рода человѣческаго противъ міра вишняго, шоржество безконечнаго надъ конечнымъ, жизнь ума, царство души: еслибы изсякла свобода, исторія остановилась бы. Подвизаемый невидимой Десницей, родъ человѣческой не только разломилъ печать вселенной и вышелъ на поприще, дошолъ неизвѣстное, но онъ шор-

жеспиуешь надъ самимъ собою, избѣгаешь собственнѣхъ своихъ путей, и безпрестанно измѣняя формы и кумиры, каждое усиліе доказываешь, что природа оспанавливаешь и спѣсняешь его. Напрасно Веспокъ, засыпающій подлѣшнію своихъ символовъ, думаешь удержашъ его въ шаинспвенныхъ сѣшяхъ; напропивоположномъ берегу возникаетъ народъ-младенецъ, которѣ спанетъ и грашъ его загадками и задавишъ его при пробужденіи. Напрасно личность Римская все приняла въ себя, все поглотила; среди безмолвія Имперіи — не обольщеніе ли слуха, не поэпическѣ ли призракъ? — вдругъ, изъ дремучихъ лѣсовъ Сѣвера раздается шумъ, не похожѣ ни на шелестъ листвьевъ, ни на крикъ орла, ни на рыканіе звѣрей дикихъ? Такимъ образомъ, заключенное въ предѣлы вещества, безконечное порываешь сокрушишъ свои оковы, и человекешво, въ себѣ его носящее, охваченное какъ вихремъ, въ присупспвіи нѣмага міра, переходишъ съ развалинъ на развалины, не находя мѣста успокоенія. Это спранникъ шоропливѣй, шоскующѣ по своей родинѣ: на зарѣ покинувъ Индію, едва опдохнулъ онъ въ оградѣ Вавилонской, — Вавилонъ исчезаетъ, — и, онъ, оставшисъ безъ пріюта, бѣжишъ къ Персамъ, къ Ме-

динамъ, въ землю Египта. Вѣкъ, часъ, — и рассыпающся надъ нимъ сѣньны Екватаны, Пальмиры, Мемфиса. Всегда разрушная обитель, его пріавшую, онъ мѣняетъ Лидіанъ на Эллиновъ, Эллиновъ на Эпрусовъ, Эпрусовъ на Римлянъ, Римлянъ на Гетовъ, Гетовъ — но какъ знашь, что́ будешь? Какое сѣльное стремленіе! Кто возбуждаетъ его? Какъ онъ не упоминаешь? Ахъ! если въ древней Эпопее мы съ живымъ участіемъ слѣдуемъ по морямъ за непоспояннымъ жребіемъ Улисса, и неперпѣливымъ взоромъ провожаемъ его до возлюбленнаго острова, кто скажетъ намъ, когда кончатся приключенія сего дивнаго странника, и когда вдали задымятся для него кровли его Итаки?

(Продолженіе впрелъ).

К Р И Т И К А.

Русскія книги.

Манфредъ, Драматическая Поэма въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Лорда Байрона. Перевелъ съ Англійскаго М. В. С. Пешербургъ. Въ Тип. Медич. Департ. Министерства внутрен. дѣлъ, 1828. въ 8 ю д. 64 стран.

Эшо произведеніе принадлежишь къ числу немногихъ пріятныхъ лишшерашурныхъ явленій, особливо въ настоящее время, когда на нашу Словесность нашло какое-то мертвое, непонятное бездѣйствіе. Но ропшашь ли на эшо? — Въ шишинѣ созрѣваюшь бури и всѣ великіе феномены природы. Будемъ ждашь, надѣяшься, а между тѣмъ обратимъ прилежное вниманіе и на шо, чшо шеперь намъ предлагаюшь умы дѣятельные, шрудолубивые.

Любители Словесности, вѣрояшно, уже знакомы отчаспи съ симъ спихотворнымъ переводомъ Манфреда по шѣмъ опривкамъ, кошорые помѣщены были въ Московскомъ Телеграфѣ прошедшаго года. Принесемъ благодарность Переводчику за прекрасный шрудъ, равно и за шо, чшо онъ не долго заставилъ насъ ожидашь его.

Высокая, драматическая мистерія Байрона: *Манфредъ*, извѣсна многимъ изъ Французскаго перевода въ прозѣ. Въ семъ произведеніи Поэшь преимущественно являешся философомъ, чшо видно какъ изъ самой идеи, кошорую онъ хотѣлъ

олицетворить въ Манфредѣ, такъ изъ другихъ частныхъ признаковъ.

Нѣкогда, къ случаю, сказали мы, что въ наше время существуютъ два противоположныя направленія Поэзіи, ясными и рѣзкими чертами обозначенныя. Одинъ родъ ея изображаетъ жизнь человѣческую съ ея спихіями, какъ-то: характеристиками, дѣйствіями, случаями, чувствами, и проч., до малѣйшей подробности, до послѣдней черты, едва замѣнной для простаго глаза. Другая Поэзія употребляетъ происшествіе однимъ средствомъ, одною рамкою, для того только, чтобы вмѣстѣ съ нею идею высокую или сильное чувство или нѣсколько богатыхъ минушъ жизни, минушъ, въ которыхъ мы живемъ всѣми силами души нашей. Эта Поэзія не любитъ мѣлочей; ея черты огромны, возвышенны, смѣлы; колоритъ ея шепель, туманель; предметы въ немъ перяютъ свою вещественность; все живое, сущее является однимъ призракомъ, тѣнью, облакомъ; все перемѣнно въ ней, все мгновенно, кромѣ одной мысли или чувства, надъ всѣмъ господствующаго и всему дающаго душу, согласіе, опредѣленность, единство.

Всѣхъ Поэтовъ и всѣ произведенія нашего вѣка можно раздѣлить по симъ двумъ направленіямъ Поэзіи. Къ первому роду отнесутся Гете, Валтеръ Скоптъ, Ирвингъ-Вашингтонъ, Куперъ, Манзони, нашъ Пушкинъ. Ко второму Шиллеръ,

Байронъ, Муръ, Жуковскій, Мицкевичъ, Раупахъ. Нѣкошорые изъ упомянушыхъ нами умѣли соединить сіи два направленія, и преимущественно Гёте, кошорый своимъ Гёцомъ, Вильгельмомъ Мейстеромъ, Германомъ и Доросеею принадлежа къ первому роду, Фаустомъ опносится ко второму. Шиллеръ также въ Валленштейнѣ частію измѣняетъ своему постоянному направленію. Нашъ Пушкинъ въ Кавказскомъ Пльнникѣ и Бахчисарайскомъ Фонсанѣ переходить во второй родъ; но вспомнимъ, что въ сихъ произведеніяхъ онъ является болѣе подражателемъ, нежели оригинальнымъ Поэтомъ.

Манфредъ ясно подтверждаетъ нашу мысль. Въ немъ происшествіе служитъ только средствомъ для представленія идеи. Поэтъ не знакомитъ васъ ни съ подробностями жизни своего героя, ни съ его происхожденіемъ; даже не описываетъ вамъ ясно того злодѣйства, имъ совершеннаго, кошорое стягошитъ его душу; онъ не предметъ собственно, не происшествія изображаетъ вамъ, а слѣды этихъ происшествій, впечатлѣнія и чувствованія, отъ нихъ на душѣ оставшіяся. Такъ Музыка въ своихъ звукахъ не предметъ представляетъ, а чувствованія, производимыя предметами. По сему не непонятно будетъ, если мы скажемъ, что характеръ Поэтин Байрона есть *музыкальный*.

Вошь почему Манфреда, не смотря на драматическую форму онаго, которая употреблена Авшоромъ какъ средство, — не лзя назвать произведеніемъ драматическимъ, пажке какъ Орашорію Гайдена, не смотря на шо, что поюшь въ ней разные голоса. Въ Манфредѣ нѣтъ ни развитія одного *частнаго* (индивидуальнаго) характера, ни страсти, ни происшествія, постепенно возбуждающаго участіе читателя. Самый герой не есть лицо историческое, изъ жизни обыкновенной взятое; нѣтъ, это лицо генерическое, лицо, принадлежащее одному міру Байрона, или, лучше сказать, одно воплощенное чувство или мысль, которою одушевлено все произведеніе.

Какая же мысль одушевляетъ Манфреда? Расскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ предметъ Поэмы, и, можетъ быть, это приведетъ насъ къ разрѣшенію вопроса. Манфреда мучитъ тяжкое преступленіе; онъ любилъ существо, связанное съ нимъ узами крови, и былъ виною его гибели. Онъ наслаждался нѣкогда, но опъ всѣхъ наслажденій жизни ему оспалось одно горькое раскаяніе, которое наполняетъ пустошу души, оправляетъ все прошлое, все настоящее, и мрачитъ грядущее.

Манфредъ ищетъ забвенія и ни въ чемъ его не находить; онъ давно бы нашелъ смерть, еслибъ зналъ, что она даетъ его. Онъ прибѣгнулъ къ силѣ знанія, къ наукѣ волшебства, и чарами

вызываетъ духовъ, проситъ у нихъ забвенія ; но они, предлагая ему всѣ сокровища міра, отказываютъ въ этомъ ; онъ проситъ смерти, если она даетъ желанное, но бессмертные, они не умѣютъ отвѣчать ему. Манфредъ въ гордой власти надъ духами находитъ еще послѣднюю оправду, ибо это одно только убѣждаетъ его въ томъ, что онъ не совѣтъ утратилъ силы жизни. Свобода и власть души еще свидѣтельствуютъ ему объ его могуществѣ. Онъ повелѣваетъ духамъ явиться въ образѣ плѣсномъ; одинъ изъ нихъ является ему въ видѣ прекрасной женщины, имъ прежде любимой. Онъ хотѣлъ обнять ея, но привидѣніе исчезло, — и въ душѣ его пробуждается ужасный голосъ раскаянія, и собственная душа спавищя ему адомъ.

Опчаянный Манфредъ, блуждая по горамъ, ищетъ смерти; въ послѣднюю мину слаботи, онъ хотѣлъ броситься со скалы, но охотникъ его удерживаетъ. Онъ открываетъ ему свою душу, и щеславившись своими страданіями. На Альпахъ вызываетъ онъ духа горъ; сей предстаетъ ему въ видѣ дѣвы; онъ рассказываетъ ему повѣсть своей жизни, какъ съ малыхъ лѣтъ питалъ онъ ненависть къ людямъ, какъ любилъ одно существо и погубилъ его, какъ мука совѣсти терзаетъ его душу, и что одно только средство осталось къ его спасенію: или вызвать изъ гроба умершую, или умереть ему самому. Дѣва горъ отказываетъ спра-

дальцу въ смерти; но предлагаешь средство — покорись ей. Свободный духомъ, онъ отвергаетъ его. Силою власи надъ духами онъ проникъ въ чертоги Аримана, вызвалъ Асшаршу; но она не дала ему желаннаго отвѣта о пайнахъ надземныхъ, а возвѣстила завтра часъ кончины. Аббать предлагаетъ Манфреду покаяніе, какъ средство къ спасенію; онъ говоритъ — уже поздно, и отвергаетъ его предложеніе. Предъ минутой смерти душа Манфреда спала покойнѣе; къ нему снова являешь Аббать. Но еще мигъ, и все кончено. Духъ Манфреда предскажетъ ему и велишь за нимъ слѣдовать. Свободный прошившись силъ всѣхъ духовъ — и велишь имъ исчезнуть. Онъ умеръ, сохранивъ до конца независимость, непокорство души своей, нося съ собою и всѣ радости жизни и весь адъ мученій.

Человѣкъ, духомъ непризнающій никакой независимости надъ собою, желающій принадлежать одному себѣ, заключить въ душѣ своей весь міръ, жить въ себѣ и для себя, или Эгоистъ въ высочайшей степени, — вотъ идея Манфреда. Отъ сего эгоизма происпекаетъ въ немъ ненависть къ людямъ. Разъ измѣнилъ онъ своему спремленію, разъ почувствовалъ влеченіе сердца къ предмету постороннему, разъ въ жизни принесъ онъ дань чувству человѣческому, и не безнаказанно. Судьба казнила его душу вѣчною, неиздѣлимою раной; не имѣя и не могши имѣть друга-цѣлителя,

онъ однимъ только утѣшался: перплливо смотрѣлъ на кровь, непрестанно текущую изъ его раны, и зналъ; что онъ *отъ себя* спрадаешь и *съ собою* носишь адъ свой.

Спросяшь: существуюшъ ли въ природѣ такіе опшверженцы; съ врожденною ненавистью къ челоувѣчеству, съ любовью къ одномуъ себѣ? — Нѣтъ, Манфредъ не можешь существовать въ мѣръ обыкновенномъ; Манфредъ не челоувѣкъ; но одна олицетворенная злая половина души челоувѣческой, одинъ опдѣльный Эгоизмъ; копорый разлишь по всей твари, во всѣхъ сердцахъ живущихъ; по вездѣ расшворенъ другими сладкими чувствами; копорые роднятъ насъ со всею природою и со всѣмъ челоувѣчествомъ. Онъ-то источникъ всякаго блага. Манфредъ есть чистое зло; и потому не челоувѣкъ. Его обьяшя однажды только для любви опшверзлись; — но и то для любви нееспешивенной. Высшее его чувство, копорое намъ, какъ челоувѣкамъ, можешь въ немъ нравиться, есть та свобода, та самобытность души, посредствомъ коей зло въ челоувѣкѣ связуется съ добромъ. Одну тѣнь Манфреда мы можемъ только видѣть въ людяхъ настоящихъ; каковы были Каины, Нероны, Калигулы, Ричарды.

Нечего сравнивать Манфреда съ Фаустомъ. Въ нихъ два противныя направленія, двѣ вредныя крайности. Манфредъ, опшвергши все, хочешь жить въ самомъ себѣ; Фаустъ, опшвергши и пре-

давши себя въ руки демона, хочешь жить въ одной внѣшней жизни. Они въ одномъ только сходятся: оба погибають.

Перейдемъ къ переводу. Если одно изъ первыхъ достоинствъ перевода состоишь въ вѣрности и близости къ подлиннику, то, говоря вообще, сей переводъ Манфреда заслуживаетъ въ этомъ отношеніи совершенную похвалу. Весьма немногія мѣста мы можемъ привесть въ упрекъ Переводчику. Ихъ замѣшимъ послѣ.

Но со стороны изящества, мы не скажемъ того же. Здѣсь къшаши представимъ наши мысли о поэтическихъ переводахъ, которыми надѣемся отчасти оправдать нашего трудолюбиваго переводчика.

Кромѣ переводовъ, которые можно назвать перифразами и образцы коихъ всего болѣе встрѣчаются у Французовъ; есть собственно два рода переводовъ для изящныхъ произведеній: поэтическіе и ученые. Первые не могутъ быть вѣрны и близки; Поэтъ, передавая изящное произведение, не столько заботится о вѣрности въ частяхъ, сколько о томъ; чтобы сообщить читателямъ тоже изящное чувство, которое производитъ подлинникъ. Для достиженія этой общей цѣли онъ жертвуетъ нѣкоторыми частностями; точность и близость приноситъ въ жертву изяществу выраженія, уважая часто своеправіе языка своего и народа. Ученые переводчи-

ки, напрошивъ, вѣрности и близости все приносить въ жертву; иногда насильственно поступающъ съ языкомъ своимъ и почнымъ выраженіемъ всѣхъ мѣлочей, даже иногда сохраненіемъ погоже порядка словъ, старающа достигнуть общей цѣли. Такова большая часть переводовъ; Нѣмецкихъ; шаковы на пр. ученые переводы Фосса, новый переводъ Шакспира, сдѣланный Бендою, который можно поставишь въ противоположность поэтическому переводу Шлегеля, переводы Калдерона и другіе. Наши прежніе переводы большею частію состояли въ перифразахъ. Мерзляковъ и Жуковский, первые, показали у насъ образцы переводовъ поэтическихъ. Ученыхъ, *Нѣмецкихъ* переводовъ у насъ еще не было, — и къ нимъ-то можно отнести новый переводъ Манфреда, въ которомъ достоинство поэтическое уступаетъ вѣрности и точности, въ чемъ и состоитъ его главный характеръ.

Мы ни въ какой Литтературѣ не можемъ еще найсти совершеннаго образца перевода, въ которомъ бы въ равной степени соединялись оба сіи достоинства. Поэтическіе переводы производящъ на насъ почти тоже изящное дѣйствіе, какое получаемъ мы отъ оригинальныхъ произведеній Поэзіи. Они знакомятъ насъ болѣе съ общимъ характеромъ иноземнаго писателя. Ученые переводы, кромѣ пользы для языка, который приучающъ они къ возможной гибкости, знакомятъ насъ болѣе съ

частностями въ какомъ нибудь писателѣ. Конечно, чтеніе оныхъ не можешь принести намъ свободнаго, изящнаго наслажденія; но за то изъ онаго мы болѣе учимся. И если такова польза отъ вѣрныхъ и близкихъ переводовъ для Словесности; то всѣ благомыслящіе единодушно пожелають успѣха Г-ну В. Съ нестерпимымъ ожидаемъ переводовъ Шакспира, имъ же обѣщанныхъ.

Не смотря на то, что общій характеръ его Манфреда, какъ сказали мы, есть превосходство вѣрности и близости надъ прочими достоинствами, встрѣчающія многія мѣста поэтически-прекрасныя, особенно хоры духовъ. Приведемъ для примѣра нѣкошорыя.

Пѣснь втораго духа.

страницъ 3.

На тронѣ гранишномъ, издревле
 Лдяною короной вѣнчанъ,
 Сидишь опоясанный боромъ,
 Одыанный шучей Монбланъ.
 Царь горъ недосступныхъ, лавину,
 Какъ скипшрь, онъ въ десницѣ подьялъ:
 Я слово реку — и повергнешь
 Ее онъ въ ущелія скаль.

Я двигаю снѣга и глыбы
 Въ нагорныхъ ледникахъ;
 Велю — и запрепещуть горы
 На каменныхъ корняхъ;

И долу снѣжныя вершины
 Преклоняшъ съ высоты:
 Чего отъ духа, горь владыки,
 Желаетъ, смертный, ты?

Первый голосъ.

Сыран. 3а:

Похищитель престола
 Низринувшій въ прахъ,
 Позабышій всѣмъ міромъ,
 Томился въ цѣпяхъ;
 Я отвергла шемницу
 И царственнѣйшій санъ
 Возвратила злодѣю —
 Онъ снова пирань!
 Онъ въ жертву мнѣ цѣлый народъ принесеть
 И самъ на развалинахъ царства падеть. —

Второй голосъ.

Величавый корабль быстро по морю плылъ;
 Но теперь въ корабль ни снастей, ни вѣтриль,
 Ни руля при кормѣ, ни доски на ребрахъ,
 Ни пловца пожалѣшь о погибшихъ пловцахъ;
 Упустила лишь смерть изъ всѣхъ одного:
 Я за вѣлошь, какъ плылъ онъ, держала его.
 Сей одинъ — онъ съ душою злодѣйской рожденъ,
 И злодѣйствомъ воздастъ за спасенье мнѣ онъ.

Въ нѣкопорухъ мѣстахъ, Переводчикъ, желая
 быть излишне близкимъ и почтенымъ, жертвовала
 ясностію, или дѣлала непозволенные натяжки про-
 шивъ языка, или грѣшила прошивъ гармоніи. Край-

ности вездѣ вредны. Вотъ примѣры, подтверждающіе наши замѣчанія.

Мы всѣ игрушка времени и страха :

Дни наспають и дни уходяшь — мы

Живемъ съ *всегдашней* ненавистью къ жизни

И страхомъ смерти; и въ шеченье дней *сихъ*

Мірскаго ига, рабства, въ коемъ сердце

То млѣешь въ скорби, *то трепещеть въ мукахъ*

Иль радости, въ унынье проходящей

Иль изступленье, въ прошломъ и грядущемъ —

Здѣсь ишь намъ настоящаго — какъ мало,

Какъ mente тѣмъ мало шѣхъ часовъ,

Когда душа предъ смертью не трепещеть.

Спран. 29 и 30.

Бышь посѣдлымъ въ горесии, подобно

Дубамъ симъ, жертвамъ *нѣкой краткой бури*

Нагимъ шеблямъ на проклятыхъ корняхъ,

Гниющимъ, какъ непопробенный шрупъ ;

Быть такъ и вѣчно такъ, не бывъ такъ прежде.

Спран. 14.

Есть и другія мѣста, свидѣтельствующія истину нашего замѣчанія; но всѣ ихъ выписывать считаемъ за излишнее. Прибавимъ, что мы выбрали мѣста не самыя слабыя. Къ сему же недоспащку относятся насильственныя сокращенія словъ, какъ на пр. *найболъ, наибольшіе, исчезните, клубяцагось*; неправильныя перемѣны удареній, какъ на пр. *скѣлахъ* вмѣсто *скалахъ*, *пролитъ* вмѣсто *прдлитъ* и другія; частое употребленіе мѣсто-

именія *кои* во всѣхъ падежахъ, непозволенное въ разговорномъ слогѣ; вставки слова *лишь* весьма нерѣдкія; многіе слишкомъ прозаическіе или противные языку обороты и проч.

Теперь остаётся замѣтить послѣдній недостатокъ, нѣкошорыя опшупленія опъ подлинника, кошорыхъ весьма немного.

Стран. 3.

Смершнй! гласъ услыша швой,
Зову дерзкому послушнй.

Дерзкому — слово, не шолько лишнее прошивъ подлинника, но и прошивное смыслу. Духи, покорные Манфреду, не могутъ шакъ говорить.

Стран. 4. На днѣ Океана, гдѣ вѣшры

Безвѣстны съ начала вѣковъ,
Гдѣ чуда морскія гнѣздятсѧ
На лонѣ недвижныхъ валовъ.

Гнѣздятсѧ на лонѣ — нѣшь въ подлинникѣ, да это и неправильно.

На стран. 7. духъ говоритъ:

Ты намъ назвался равнымъ.

Въ подлинникѣ: *Если, какъ ты сказала, существо твое (т. е. душа) равно нашему.* Здѣсь нужно бы было для смысла сохранить сей опшѣнокъ.

Стран. 9. . . . въ мѣрѣ семь ничшо

Ни *страшно*, ни прекрасно для меня.

Въ подлинникѣ *безобразно.*

Весьма жаль, что голосъ, произносящій заклинанія надъ Манфредомъ, переведенъ ялбомъ,

а не хореемъ, какъ онъ до половины написанъ въ подлинникѣ. Послѣдній размѣръ приличнѣе своими поржественными звуками. Въ этомъ опривкѣ есть большія опшупленія опъ оригинала. На пр. описание отравы надо бы было передать ближе и штъмъ сохранишь силу стиховъ.

Спран. 11 Одѣнешъ землю ночи штънь —

И ты восхощешь видѣшь день.

Въ подлин. и нога откажетъ тебѣ въ покоѣ своего мрака.

Спран. 56 и среди обломковъ

Кусты въ сердцахъ (!) монарховъ ко-
реняшся.

Это было бы слишкомъ спранно: *hearth* значить не сердце, а очагъ; Переводчикъ смѣшаль эшо слово съ *heart* сердце. На той же спран. *ivy* переведено *ива*, а *ivy* значить плющъ, который обыкновенно спедешся по развалинамъ, погда какъ *ива* растешъ болѣе на мѣспахъ влажныхъ. Много бы было высчишывашъ всѣ мѣлочи: ихъ увидишь самъ переводчикъ при разсмотрѣннн пруда своего, болѣе внимательномъ.

Вспомнимъ, что эшо первый опышь Г. В. и пошому недосшашки *весьма* извинишельны. Радуюсь душою его первому успѣху, искренно пожелаемъ ему бѣльшаго и бѣльшаго усовершенспво-ванія въ заняшнхъ, сполько полезныхъ и даже необходимыхъ для нашей Словесности.

Нынѣшнее состояніе Турецкихъ Княжествъ Молдавіи и Валахіи Россійской Бессарабской Области, съ каршою; изображенное въ письмахъ, съ историческимъ и статистическимъ описаніемъ сихъ земель, нравовъ, обычаевъ и домашняго быта тамошнихъ жишелей, съ росписями всѣхъ бывшихъ донынѣ въ Молдавіи и Валахіи Государей, и съ объясненіемъ разныхъ чиновъ и ихъ должностей. сочиненіе Игнатія Яковенка. Санктпетербургъ Въ Типографіи Александра Смердина. 1828.

Литтература Русская въ первой половинѣ сего 1828 года не можешь, правда, похвалишь сочиненіями блистательными; но можешь указать на нѣсколько дѣльных и полезныхъ, копорыя на долго сохраняшь свое достоинство. Къ числу ихъ безспорно принадлежишь объявляемое описаніе. Мы не поминаемъ только, почему Авторъ упомянулъ въ своемъ заглавіи о Бессарабіи; ибо въ книгѣ не говоришь почти ничего о ней. Тоже можно сказать и о Молдавіи, въ копорой только описано отчасти правительство: сіи двѣ страны (Молдавія и Валахія) можешь бышь сходны между собою, но все же вѣдь не такъ какъ двѣ капли воды, и, описывая одну, нельзя прикладывать описанія къ другой во всѣхъ отношеніяхъ. — Но это мимоходомъ. —

Описаніе Валахіи очень удовлетворительно, и публика должна благодарить издателя, что

онъ воспользовался случаемъ собрать и обнародывать всѣ сіи извѣстія. (*)

Валахія, страна, обильная всеми дарами природы, въ благораспоренномъ климатѣ, на выгодномъ мѣстѣ, обладающая удобными путями сообщенія съ Европою, служить яснымъ доказательствомъ, что всѣ вещественныя преимущества ни чего почти не значатъ передъ нравственными, и только тамъ могутъ приносить пользу, гдѣ оживворяются просвѣщеннымъ разумомъ челоуѣка. Слѣдствіемъ ига Турціи при правителяхъ-наемникахъ, бѣдные жители Валахіи со всѣмъ богатствомъ природы ни какъ не могутъ вознестись выше удовлетворенія потребностей физическихъ, и остаются на одной и тойже, очень низкой, степенн гражданственности.

Исчисляя разныя злоупотребленія въ Валахіи, вошь что Г-нъ Яковенко говоритъ о тамошнемъ Духовенствѣ (с. 73):

Всѣ вообще монастыри Валахскіе благодаря усердію Князей и частныхъ гражданъ обладаютъ имѣніями чрезвычайными, распоряжающъ деревнями, пользуются обширнѣйшими землями, лѣсами, горами, рѣками и озерами, и составляютъ вмѣстѣ богатство неисчислимое.“ „Продолжая разговаривать о духовной власти въ Валахіи, пишетъ

(*) Желательно чтобы наши чиновники воспользовались Высочайшимъ позволеніемъ издавать статистическія извѣстія, даннымъ въ новомъ Уставѣ о Цензурѣ.

Авшоръ (75), я спросилъ у своего собесѣдника: приносишь ли какую либо ощушительную пользу для націи Валахской, или по крайней мѣрѣ въ особенности для нѣкоторой части бѣдныхъ людей, все богатство и изобиліе, обладаемое монастырями? — Онъ съ величайшимъ прискорбіемъ ошвѣчалъ мнѣ, что почта никакой, но что, напроливъ, употребляется оно не столько для пользы Церкви, или для благоугодныхъ дѣяній, сколько для насыщенія одного лишь корыстолюбія Государей и самыхъ членовъ духовенства. Архимандриты и Игумены, вмѣсто соблюденія скромности и смиренія, и вмѣсто того, чтобы спараться заслуживать священное званіе посредствомъ истинно добрыхъ и богоугодныхъ дѣяствій и строгаго исполненія правилъ церковныхъ, — взошли на поприще интригъ, преступили предѣлы своихъ обязанностей, старались преслѣдовать одинъ другаго и употребляютъ различныя пронырства для пріобрѣтенія власти надъ монастырями, плаща значительныя суммы денегъ или Государямъ, или приближеннымъ ихъ, или власцамъ въ Турціи, отъ коихъ монастыри зависяшъ. Но болѣе всего можешь оскорблять санъ духовный и священную обязанность онаго то, что и самые Митрополишы начали цокупать равномерно имѣща свои за деньги, и вмѣсто того, чтобы показывать примѣръ добродѣтели, занимались однимъ лишь предметомъ корыстолюбія. Всѣ почта имѣ-

нія, монашьярямъ принадлежація, и въ управленіи Мишрополита, Епископовъ, Архимандритовъ и Игуменовъ состояція, обременены чрезвычайными долгами, происшедшими наиболее отъ того, что плашмы были ими разнымъ властямъ за мѣста свои значительныя суммы денегъ. Занимая время отъ времени для сего предмета деньги у частныхъ людей съ чрезвычайными процентами, довели достояніе монастырей до столь разстроеннаго положенія, что не только малые, но и самыя богатѣйшіе монастыри принуждены были лишиться своихъ имѣній и продавати оныя на уплату долговъ, столь несправедливо накопленныхъ. И теперь еще состоятъ на нихъ въ долгу чрезвычайныя суммы денегъ, выплата коихъ можетъ быть также учинена не иначе, какъ посредствомъ продажи церковныхъ имѣній, хотя впрочемъ никакому сомнѣнію не подвержено, что всѣ сіи долги употреблены не въ пользу Церкви, или въ пособіе бѣднымъ, но для однихъ только личныхъ выгодъ начальниковъ оныхъ. Множество изъ прекраснѣйшихъ монастырскихъ деревьевъ обмѣнены на незначущія имѣнія, для пользы начальниковъ монастырей и для того, чтобы, по удаленіи отъ оныхъ, имѣть карманъ свой наполненнымъ и вести жизнь совершенно роскошную.

Духовныя особы, опрекшіяся уже отъ всѣхъ мірскихъ суешностей и посвятившія себя одному лишь душеспасенію, содѣлывающія вышензьяснен-

ными поведѣіемъ не только грѣшными предъ Богомъ, но и близкими къ пошеряніюшой довѣренности, коею должны бы они вообще ошъ духовной паствы своей пользовашься. А вмѣстѣ съ тѣмъ, не исполняя и обязанности, которая лежишь на нихъ по шочному смыслу духовныхъ завѣщаній начальныхъ соорудителей монастырей, имѣвшихъ единственною цѣлю ушъшеніе скорбящихъ душъ и оказаніе пособія спраждушему челоувѣчеству, не исполняя и сей священной обязанности, содѣлываютъ совершенно бесполезными всѣ богатства, коими монастыри обладаютъ, и изъ коихъ, при хорошемъ и благоразумномъ управленіи, по истинѣ, можно было бы оказатъ величайшую и самую богоугодную пользу цѣлой націи Княжества Валахскаго.“

По всей Валахіи считаешься

Монаштырей большихъ	— — — —	99
Мешоховъ или меньшихъ монастырей		122
Скишовъ	— — — — — — — —	4
Церквей	— — — — — — — —	3084
		<hr/>
		3,309.

Жишелей въ Валахіи считалось въ 1812 году, кромѣ Бояръ и жишелей городовъ Бухареста и Краіова, Грековъ и Армянъ, 609831. На 200 чел. — церковь? —

Весь доходъ въ Валахіи, вмѣстѣ съ принадлежащимъ Господарю, увеличенный злоупотреб-

леніями и самопроизвольными налогами, прости-
рался до 10,225,000 левовъ, (Лев. почти 20 к. сере-
бромъ). Въ 1818 г. уничтожены многія злоупотребле-
нія, и доходы уменьшились до 5 и 6000000 левовъ.

Тягло Валахское плашшь нынѣ, какъ видно
изъ извѣстій Авшора на 110 с., около 59 левовъ.

(Желательно было бы видѣть таблицу нало-
говъ, плашимыхъ жителями разныхъ Государствъ:
изъ такой таблицы мы увидѣли бы, что плашшь
Правительству Англичанинъ, Русской, въ сравненіи
съ Французомъ, Нѣмцемъ, Сѣв. Американцемъ.)

Наконецъ вопъ что Авшоръ говоритъ о
боярахъ Валахскихъ:

„Бояре дѣйствительно вознесены на вы-
сочайшую степень изобилія, богатства и
роскоши, но сельскіе жители низвержены въ
крайнее уничтоженіе и величайшую бѣдность. —
Привилегіи Бояръ хотя и предоставлены имъ
древними хрисовулами Господарей, но не да-
вали оцнюдь никакого права обременять на-
родъ новыми угнѣщеніями, введенными наиболее
съ того времени какъ Дворники и Логофешы,
Спашари и Вистіары, позволили себѣ продавать
всѣ подчиненныя имъ мѣста за неумѣренныя сум-
мы денегъ. Покупщики оныхъ, пріобрѣтая такимъ
образомъ право ко всѣмъ несправедливостямъ и
злоупотребленіямъ въ уѣздахъ, продолжаютъ при-
тѣснять бѣдный народъ съ давняго уже времени.
Господарь, дѣйствуя большею частію къ одному

лишь насыщенію своего корысполубія, позволяя Боярамъ производить различныя испорженія для того единственно, чтобы и они не препятствовали ему въ незаконномъ приобрѣтеніи; а Бояре подобную волю предоставляли подчиненнымъ своимъ, чтобы сіи успѣли возвратить тѣ суммы денегъ, кои за мѣста свои имъ заплашили: и такимъ образомъ система злоупотребленій, возрастающая время отъ времени, преисполнила наконецъ многихъ изъ Бояръ столь неприличными чувствованіями, что они, вступая въ службу правительствѣ, не слѣдуютъ болѣе прямому долгу благороднаго человѣка, обязаннаго покровительствовать бѣдныхъ беззащитныхъ жителей, но уподобляются, такъ сказать, обыкновеннымъ промышленникамъ, разными способами къ удовлетворенію сребролюбія изобрѣтающимъ, и продаютъ подчиненнымъ не какую-либо собственность свою, но цѣлое спокойствіе несчастныхъ собратій, подвергая ихъ различнымъ изсязаніямъ Запчѣвъ и Вашаровъ, Полковниковъ и Капишановъ и другихъ подобныхъ онымъ уѣздныхъ служителей.“

Вообще, повторяю, описаніе Валахіи въ статистическомъ отношеніи очень удовлетворительно. Особенно благодарить должно Автора за объясненіе всѣхъ шерминовъ, до управленія относящихся. — Не мѣшало бы для облегченія расположенія сіи шермины и въ азбучномъ порядкѣ, и что важнѣе, показать официальность извѣстій.

Историческое воспоминаніе (кроме списка Господарей) маловажно и необработано по Крипическимъ изслѣдователямъ; — да и форма его обвѣщала (Авторъ воспоминаеть Исторію, пока чинили его коляску). Нелюбопытны также нѣкопорыя пушечныя мѣлочи. Гдѣ столько говорится дѣла, тамъ ненужно прибѣгаешь къ натяжкамъ. — Слогъ — большею частію правильный, и сообразный съ предметомъ; замѣшимъ только что встрѣчающіяся часто періоды слишкомъ длинныя.

М. П.

Письмо къ издателю М. Вѣстника.

Какъ продолженіе письма моего къ вамъ отъ 2 Мая (*Москов. Вѣстн.* 1828, No 9 стран. 70) пишу, по обѣщанію моему, слѣдующее:

Въ Московскомъ Телеграфѣ текущаго года помѣщены двѣ архео-Дипломатическія спашья, принаровленные къ обстоятельству настоящаго времени. Въ No 8 стран. 476, *Nota о Турецкихъ и Персидскихъ дѣлахъ, поданная въ 1728 году, Императрицѣ Екатеринѣ I-й, какимъ-то знаменитымъ Россійскимъ Дипломатомъ*; а въ No 9 стран. 104, *Письмо Турецкаго Визиря къ Графу П. А. Румянцову, отъ 1 го Іюня 1778, съ отвѣтомъ на оное Гр. Румянцова*. Визирь убѣждаетъ его Сіясельство, прекращая кровопролитіе, склонить Императрицу къ миру; а Графъ гошовъ на то и другое. Вотъ содержаніе переписки, занимающей съ небольшимъ одну страницу.

Нашедъ такіа диковинки въ какихъ нибудь *Запискахъ*, посвященныхъ диковинкамъ, я насмѣялся бы досыща и бросилъ книжку; но, когда прочиталъ ихъ въ Московскомъ Телеграфѣ (признаюсь откровенно), шо меня поразили какой-шо грустный сплинь. Чшо значашь, думалъ я, всѣ наши знанія, вся наша мудрость? Давно ли мы читали въ вашемъ Вѣстникѣ, чшо Московскій Телеграфъ есть украшеніе нашей Липшерашуры? Давно ли Издашеть сего журнала, какъ выпренній геній, обнималъ все, ошъ безконечно - великаго въ наукахъ до безконечно - малаго въ костюмахъ и мебели? Давно ли раздавался голосъ сего неумолимаго кришика, въ одно время и съ равнымъ успѣхомъ объяснявшаго: Физикамъ и Медикамъ силы природы, Естешикамъ шайны романшизма, Філософамъ глубину любомудрія, Юристамъ извилистый лабириншъ законовѣденія, Книгопродавцамъ систему составленія азбукъ? И сей великій журналистъ, великій кришикъ, великій etc., (увы!) сдѣлался жершвою мистификаціи какого нибудь юноши-дипломаша, для кошораго Исторія и Хронологія *темна вода во облацяхъ!!* Не истинно ли грустныя думы? —

Quis nescit, primam esse historiae legem, ne quid falsi dicere audeat, deinde ne quid veri non audeat, ne qua suscipio gratiae sit in scribendo, ne qua simultatis. Ешо сказалъ еще Цицеронъ. Но въ пасстоящій вѣкъ романшизма кшо вѣришь урокамъ Римскихъ пасшавниковъ? Пусть издашеть Московскаго Те-

леграфа заглянешь въ новѣйшихъ Историко — кришниковъ; и глубокомысленный Нѣмецъ, и вѣрный Французъ, и важный Англичанинъ, всѣ равно носовѣшуютъ ему бытъ правдивымъ въ разсказѣ и не вводятъ въ заблужденіе, пиша наобумъ и безъ справокъ. Я незнакомъ съ Edinburgh Review, споль прославляемымъ онъ издашеля Телеграфа (ибо не постигаю шайны чипашъ на языкахъ, коимъ не учился); но твердо увѣренъ, что и памъ эню дѣлается какъ должно (*).

Кшо печатаешъ какой-либо историческій акшъ, или оффиціально-дипломатическую спашью, шопъ долженъ наблюдать возможную шочность и *отгетливостъ*. Издашель Телеграфа не профанъ въ исторической Кришникѣ: ему должно бытъ извѣстно это правило. Почемужъ, помѣщая въ No 8-мъ своего журнала *Ноту о дѣлахъ Турецкихъ и Персидскихъ*, онъ не сказалъ: откуда, или чьимъ посредшвомъ, получилъ ее? По одному сему, люди свѣдующіе могли бы положишельно судишъ объ ея достовѣрности, безъ копорой оффиціальный акшъ не шолько бесполезенъ, но и вреденъ для исторической истины. Также не довольно было сказать, что та нота сочинена знаменишымъ Россійскимъ Дипломатомъ, но не-

(*) См. *Москов. Телегр.* 1828, No 6. стран. 250. Тамъ рекомендушся разныя статьи изъ Edinburgh Review, будшо бы занимательныя для Русской публики. Не понимаю, почему наши журналисты не воспользовались досель совѣтомъ издашеля Телеграфа и не перевели хотя одной изъ нихъ; на примъ: *О ливонскихъ кабакахъ въ Англии*!

премѣнно слѣдовало наименовать сіе лице; въ противномъ случаѣ дипломатическая знаменитость, подъ покровомъ шайны, крайне сомнительна. Непривычные къ фантасмагоріи *высшихъ взглядовъ* ропщуть на издателя Телеграфа и за то, что онъ оставилъ безъ объясненія, по ихъ мнѣнію, немаловажное общіошительство: какимъ образомъ знаменитый Россійскій Дипломатъ, въ 1728 году, представилъ Ноту Императрицѣ Екатерины 1й, когда Ея Величество 6 Мая 1727 года преселилась ошь сея жизни въ вѣчность?

Не менѣ сомнѣній рождаетъ и переписка Визиря съ Графомъ Румянцовымъ, помѣщенная въ No 9 Телеграфа. Когда я приступалъ къ чтенію письма перваго, мое воображеніе само-собою настромилось на тонъ того *востознаго словозвѣтія*, въ духѣ котораго писались (и шеперь пишущся) ошзвыы Азіатскихъ дипломатовъ и начальниковъ. Эшо было ешественно; ибо, по роду моей службы и заняшій, я перечислалъ ихъ очень довольно. Могъ ли я не удивиться, когда вмѣсто восточныхъ выраженій, оборотовъ, фигурности, мнѣ представились: Европейскій слогъ, фразы на манеръ Французскихъ, тонъ не Паши Турецкаго, но какого нибудь вишязя въ родѣ Баярда? Воля издателя Московскаго Телеграфа, но и здѣсь навѣрно мисшификація: эшо не письма оригинальные, а експрактъ изъ нихъ, рассказанный какимъ нибудь авшпоромъ, и, безъ сомнѣнія, иностраннымъ. Не такъ легко постигаю оплошность уче-

наго Журналиста, пропустившаго прекрасный случай выказать во всемъ блескъ ошмѣнныя свои знанія: о прекращеніи какого кровопролитія переписывался Визирь съ Графомъ Румянцовымъ въ 1778 году, когда еще 10 Іюля 1774-го заключень былъ славный Кучукъ-Кайнаржскій миръ, послѣ котораго дружжелюбное согласіе Россіи съ Оштоманскою Порпою не нарушалось болѣе принадлежати льшь?

Нѣкоторыя Журналисты — виновать Г. Журналистъ — имѣють такую *повадку*: когда случится кому замѣшишь грубую ошибку, или несообразность, ими сдѣланную, они съ горделивымъ презрѣніемъ возглашають: *это опечатка* (хотябъ и въ полстраницы); прибавля иногда обвѣщанья и плоскія шушки. Такой изворощъ, сказывають, называется у нихъ: *молодецкая стратегема*. Не ужели издашель Телеграфа, кошорый во всемъ высокъ и необыкновенень, прибѣгнешь къ подобной уловкѣ мѣлкихъ умовъ, для разрѣшенія приведенныхъ мною загадокъ Хронологіи? Ошъ его изобрѣшательности я имѣю право ожидать что нибудь новое, соразмѣрное его выпренности и шаланшамъ. Съ моей стороны я объясняю какъ сіи, такъ и другіе (къ сожалѣнію довольно нерѣдкіе) промахи Московскаго Телеграфа, такимъ образомъ: подробности наукъ суть предметы слишкомъ мѣлкіе для людей, приучившихъ свое зрѣніе ко *взглядамъ высшимъ и общимъ*; имъ необходимъ

хорошій микроскопъ знаній и опыта, когда изъ міра фаншасмовъ они обращаютъ его на юдоль существеннаго и шочнаго.

Еще недавно издатель Московскаго Телеграфа (1828, No 6, стран. 251) написалъ: „публика прѣбуешь отъ журналишовъ пестроты, „разнообразія, аншикришикъ, сказокъ, стиховъ, „мелочей. Она хочешь играть журнальными книжками, а не чипать.“ Вы, Г. Журналистъ, лучше насъ аншикваріевъ знаете дѣла современныя; не откажись просвѣшить мое недоразумѣніе: не ужели все это сущая правда? Нѣтъ ли тушь замысловатой мистификаціи малознанія и неопытности? Что это за публика, которую можно угощать всякимъ вздоромъ? Отъ чего читатели Телеграфа играютъ книжками, а не читають ихъ? Сколько грановъ знанія Исторіи можно предполагать въ Журналистѣ, у котораго въ 1728 году дипломаты подносятъ ноты Императрицѣ Екашеринѣ I; а въ 1778-мъ Визирь и Россійскій Полководецъ переписываются объ унятіи кровопролитія, прекращеннаго Кайнаржскимъ миромъ? Хотя нынѣ вѣкъ чудесъ и романшизма, но воля издателя Московскаго Телеграфа: изъ оффиціальныхъ статей не лзя составить полишическаго лопо и ребячьи рассказы не Полишика.

До будущиъхъ промаховъ въ журналахъ, вашъ etc. с.

П. Строевъ.

Юля 2. 1828:

Иностранныя книги.

Filosofia della statistica. Философія Статистики. Соч. Мельхіора Джіойи, Автора началъ Философіи. 2 тома въ 4 ку. Миланъ, 1826.

Въ этой книгѣ читатель часто встрѣчаетъ сближенія и сравненія между разными Экономическими явленіями одного рода, случившимися у разныхъ народовъ или въ разные эпохи, — такъ что сіе можно назвать сравнительною Статистикою.

Авторъ старается между прочимъ постановить твердыя правила сравнивать состояніе промышленности одного рода въ разныхъ странахъ. „Сумма выгодъ, какія можетъ получить страна, сравненная съ суммою выгодъ, какія она получаетъ, — служишь средствомъ измѣрять промышленность или бездѣйственность народовъ: если обѣ суммы равны, промышленность находится на высочайшей степени (*ad maximum*); различіе ихъ указываетъ на меньшія степени или недостатки.“ Изъ приложенія сего правила Авторъ извлекаетъ множество сравнительныхъ слѣдствій. Въ сочиненіяхъ Г-на Джіойи по удивительно, что ученость, которую онъ обнаруживаетъ и которая у другихъ ученыхъ бываетъ часто такъ безплодна и утомительна, у него дѣлается обильнымъ источникомъ доказательствъ и опытовъ. Симъ средствомъ онъ оправдываетъ свои правила и примѣненія. Вотъ что напримѣръ, говоритъ онъ, о признакахъ невѣжества у какаго либо народа.

Онъ видить его въ какой нибудь ложной мысли, уважаемой Правительствомъ, или значительными лицами въ обществѣ, — или служащей правиломъ въ присущственныхъ мѣстахъ; онъ почитаетъ знакомъ его обычай звонить въ колокола во время бури; онъ судить о немъ по числу умершихъ отъ оспы, по расходу нѣкоторыхъ книгъ о чудесахъ, по успѣхамъ лошадей, по числу шарлатановъ всякаго рода, по богатству прибѣжищъ суевѣрія, по храненію многобожія, по нешеримости, по конфискаціи имѣній и проч. — Авторъ пересматриваетъ попомъ признаки просвѣщенія; они суть: первоначальныя школы, типографіи, журналы, ученыя заведенія, Университеты, Библіотеки, Академіи, и пр. — Авторъ рассуждаетъ о многихъ важныхъ предметахъ, напр. какъ составляется законъ? Какіе признаки публичнаго правленія (*administration publique*), болѣе или менѣе хорошаго и дурнаго, при всякой формѣ верховной власти? Онъ показываетъ, какъ должно быть внимательну и проницательну, чтобъ оцѣнить по достоинству явленія Спятистическія духовныя (*тогах*), и опредѣлить ихъ настоящія причины, и проч.

Въ заключеніе, для ясности, Г-нъ Джіойя представляеть три большія синоптическія таблицы часпей и предметовъ Спятистики, какъ ихъ располагали Г-нъ Циціусъ (*Zizius*) въ 1810, г. для Германіи и Вѣны; Г. Ферюссакъ, въ 1819 г. для Франціи и Парижа; и самъ Г-нъ Джіойя, въ

1808 г. для Шпалли и Милафа. Сравнивая сіи таблицы, Авторъ, кажется, удостоверяется, что его планъ Спашисшики, какъ онъ раскрылъ его въ двухъ послѣднихъ таблицахъ, гораздо полнѣе плановъ Г. Ферюссака и Циціуса. (*Изъ Р. Е.*)

Мы имѣли удовольствіе въ началѣ прошлаго года, познакомить Русскую публику съ Дюпенемъ, — очень рады, что имѣемъ шеперь случай сказать нѣсколько словъ и объ Шпаліанскомъ Спашисшикѣ. — Спашисшика у насъ находится еще во младенчествѣ. До сихъ поръ мы довольствуемся только кучею цифръ, не разбираемъ ихъ такъ, чтобъ можно было легко обнять, не выводимъ никакихъ результатовъ, и не пользуемся приложениями новыхъ ученыхъ, разлившихъ много свѣту въ темное царство этой молодой науки.

М. П.

Napoléon en Egypte, poëme héroïque en six chants par Barthélémy et Méry. Наполеонъ, поэма героическая въ шести пѣсняхъ, соч. Бартеlemi и Мери.

Въ *Morgenblatt* воздають большія похвалы сему новому произведенію эпической Поэзии во Франціи. Спранно, какъ два человека могутъ прудиться надъ однимъ поэтическимъ произведеніемъ и согласись такъ свои вкусы, мысли, чувства, образъ стихосложенія, что ничто не разрушаетъ единства въ цѣломъ. Сіи два Французскіе Поэта особенно извѣстны національными саширами на разные случаи. Предлагаемъ читателе-

лямъ описаніе Мюрата изъ первой пѣсни, подъ названіемъ Александрія, кошорое особенно поправилось издашелямъ Morgenblatt.

Quel est ce cavalier sur la selle affermi
 Qui déjà tout armé demande l'ennemi,
 Et d'un triple panache ornant sa noble tête
 Semble accourir ici comme aux jeux d'une fête ?
 C'est Murat ; dans les rangs d'un léger escadron
 Jamais plus brave chef ne chaussa l'éperon ;
 Des modernes combats dédaignant la tactique ,
 Il marche indépendant, comme un guerrier antique,
 Et souvent, loin des siens , isolant ses exploits ,
 Provoque tout un camp du geste et de la voix ;
 Partout on voit briller , dans la poudreuse lice
 Son casque théâtral , sa flottante pelisse ;
 Le costume pompeux qu'il revêt avec soin
 Comme un but éclatant le signale de loin ,
 Et debout , dans le choc des luttes inégales ,
 On dirait qu'il a fait un pacte avec les balles,
 Va , les champs des bataille où tu sèmes l'effroi
 Seront contre la mort un refuge pour toi,
 C'est ainsi que , vingt ans , ta vie aventurière ,
 — — — — — — — — — — (*),
 Achille de France , et le lâche destin
 Réserve à ta poitrine un plomb napolitain !

Сраженіе при пирамидахъ составляющъ содержание второй пѣсни. Биваки войска, вѣщаніе въ Каирѣ, пѣснь Могоммеданскихъ священниковъ во славу Бонапарша, разлишя Нила, содержащяся во

(*) Здѣсь пропущенъ стихъ въ Нѣм. Журн., откуда взятъ сей отрывокъ.

второй пѣсни; но не смотря на то, она уступила чешвершой, гдѣ изображены степи. Пятая и шестая еще не кончены. Парижскій книгопродавецъ, Dupont, купилъуже сіе произведеніе за 16,000 франковъ, и гошовишь для него богашое изданіе съ шестью картинами работы лучшихъ художниковъ.

~~~~~

Lord Byron and some of his contemporains, etc. Лордъ Байронъ и нѣкоторые его современники, соз. Лейга Гунта, 1828.

Сіе сочиненіе получило большой успѣхъ въ Англии, и по вѣсѣмъ правамъ оно того досшойно. Въ немногихъ книгахъ, касающихся до великихъ мужей намъ современныхъ, найдеша сполько любопытныхъ анекдотовъ. Портретъ Байрона начертанъ разительна и обличаетъ смѣлую руку мастера. Тѣ обманушь, которые захошашъ найши въ сей книгѣ изображеніе частной жизни Лорда Байрона, такъ какъ получаемъ мы о немъ понятіе изъ его швореній; Авторъ Чайльда - Гарольда являеша здѣсь своенравнымъ, неприступнымъ эгоистомъ, который подверженъ вліянію тысячи мѣлкихъ предразсудковъ. Да не подумаютъ, что это вымыселъ. Богатство матеріаловъ, собранныхъ Г. Гунтомъ, свидѣтельствуетъ противное. Изъ прочихъ современниковъ занимательны біографіи Кольриджа и Шеллея. Последняя часть содержитъ записки, относящіяся до самаго Г. Гунта. Изложеніе весьма привлекательно.

~~~~~

С М Ъ С Б .

Приключенія Хаджи Бабы ().*

(Если шѣ Романы для насъ пріятнѣе, копорые описываютъ намъ людей всякаго состоянія и всѣхъ возрастовъ, по какое же удовольствіе должны приносить намъ шѣ повѣствованія, въ коихъ авторъ переходить самъ въ людей, совершенно для насъ новыхъ и чуждыхъ образованія Европейскаго, и заставляешь ихъ самихъ по своему высказывать чувства при видѣ предметовъ, насъ окружающихъ и намъ обыкновенныхъ. Образованный Европейецъ, счастливый наследникъ сокровищъ просвѣщенія, пышущійся собранныхъ, читая такое повѣствованіе, походитъ на спрѣвника, который слышитъ чужой рассказъ о побѣжденных имъ уже трудностяхъ, но самъ не достигъ еще цѣли; здѣсь одна черта болѣе скажешь истины, чѣмъ цѣлыя разсужденія; обыкновенный читатель позабавится тонкими шутками, копорыя Автору внушаетъ самое положеніе, имъ избранное. Съ тѣхъ поръ еще, какъ Персидскія письма Моншескье привели въ восторгъ цѣлую Францію, съ тѣхъ поръ какъ Парижскіе книгопродавцы всякому вспрѣчному писателю говорили поминутно: „да напишите, сударь, Персидскія письма,“ — съ тѣхъ поръ еще на этотъ родъ сочиненій не было совершенно счастливыхъ подра-

(*) Эта книга совершенно новая и только что переводится въ Германіи.

жашелей. Новое Англійское сочиненіе въ семь родѣ Морье, который два раза пушешествовалъ по Персіи, обнаруживаетъ великое познаніе національнаго характера ея жшителей, и хотя въ цѣломъ у него нѣтъ послѣдовательности, но въ частяхъ есть черты превосходныя.

Уже съ давнихъ временъ не было Персидскаго посольства въ Франкшанѣ. Шахъ, „защипа вселенной“, вознамѣрился черезъ посланниковъ принести дары своему брату, Шаху Англии, и увѣрить его въ своемъ дружествѣ. Мирза Фирузъ назначенъ былъ посланникомъ; Хаджи Баба, изъ черни вышедшій въ любимцы Визиря, секретаремъ посольства и снарядилелемъ нужныхъ даровъ. Главное вниманіе свое онъ обратилъ на невольниковъ рѣдкой цѣны; и большими трудами удалось ему наконецъ добыть черную невольницу, которая почти отвыкла отъ сна, и уroda мужескаго пола, — сокровище для гарема; прочіе подарки, какъ то: лошади, богатые платья, шапки, драгоценные камни, и проч., были мигомъ доставлены, и письма Шаха и его Бану (первой супруги) къ Королю и Королевѣ Англии скоро изгшовлены. Роспись даровъ предшавлена была Англійскому Эли; сирѣчь Посланнику, и какъ удивились Персіане, для коихъ Шахъ безъневольниковъ походить на шѣло безъ ногъ и безъ рукъ; — когда Эли рѣшительно отказался принять невольниковъ и объяснилъ имъ Англійскіе зако-

ним. Прочіе подарки онъ утвердилъ съ удовольствіемъ. Къ посольству причисленъ былъ въ званіи шолмача молодой ученый изъ невѣрныхъ, который, по словамъ Хаджи Бабы, сколько разумѣлъ по Персидски, сколько надо было для того, чтобы все перевирашь по своему. Когда все было готово, караванъ отдалъ грустное прощаніе минарешамъ Тегерана и повернулъ своихъ коней къ странѣ невѣрныхъ).

Совершивши довольно длинный и скучный путь по Турціи, повѣствуешь Хаджи Баба, послѣ многихъ непріятныхъ ссоръ на каждой почтовой станціи, чѣмъ еще болѣе усилилась въ насъ ненависть къ приверженцамъ Омара, мы узрѣли наконецъ главы и минарешы столичнаго города Кровопійцы, (*) обширнаго и великолѣпнаго Константинополя. Турецкіе чиновники приняли посланника съ надлежащими обрядами и знаками уваженія, и указали ему и его свитѣ большіе покои въ Скушари. Юный невѣрный, сопутникъ нашъ, довольно сносно разумѣвгій нашъ языкъ, оставивъ насъ, отправился къ своимъ землякамъ, а потомъ пошелъ впередъ въ городъ, именуемый Джауръ Исмиръ или невѣрная Смирна, съ намѣреніемъ приготовить намъ заранѣе корабль для нашего отъѣзда въ Англію.

*) Такъ обыкновенно называютъ Персіане Турецкаго Султана.

Скоро по его отбытіи, Посланникъ посѣщилъ Верховнаго Визиря и знавшійшихъ Турецкихъ чиновниковъ по порядку; многіе изъ нихъ обнаружили къ нему большую пріязнь и, по видимому, находили удовольствіе въ его бесѣдѣ. Хотя это ему и очень льстило, но онъ не могъ одолѣть врожденной ненависти къ Туркамъ, и не пропускалъ ни одного случая, гдѣ ему только можно было, съ соблюденіемъ приличія, ее выразить. Въ искренней бесѣдѣ съ Верховнымъ Визиремъ, при коей я получилъ милосливое позволеніе присутствовать, сей Министръ, двоедушный Мусульманинъ, говорилъ вообще о силѣ Франковъ, ихъ учрежденіяхъ, упрямой привязанности къ ихъ вѣрамъ, и наконецъ воскликнулъ, обращаясь къ Посланнику: „О другъ мой! когдаже очистишься міръ отъ сего проклятаго рода невѣрныхъ! Чтб бы для этого сдѣлать?“ — „Я вамъ скажу,“ отвѣчалъ Мирза, „Алла долженъ это сдѣлать, ибо, между нами будь сказано, я не думаю, чтобъ вы когда нибудь успѣли въ этомъ.“ При другомъ случаѣ, а именно когда онъ былъ у Муфши, сей мощный начальникъ законовъ, пожалѣвъ о бѣдственной участи посланника, обязаннаго изъ страны истинной вѣры переселиться въ страну безвѣрія, сказалъ: „много нечистоты на васъ накопится, прежде нежели вы возвратитесь. Какимъ же средствомъ вы отъ нея очистишь?“ — „Иншалла!“ возразилъ мой начальникъ, „пошли

намъ только Небо не проѣзжашь черезъ Константинополь на пуши возвращномъ!“ — Посланника пригласили однажды въ веселое общество, гдѣ пили вино, играла музыка и пѣли пѣсни. Это подало поводъ говорить о красотѣ Турецкой и Персидской Музыки, и одинъ молодой Эффенди, который щеславился остроуміемъ, сказалъ довольно громко, такъ что мы могли его слышать: „Что касается до дѣйствія, которое ваша музыка производить, мы знаемъ, что когда запоешь Персіанинъ, то ужь вѣрно будетъ дождикъ.“ — „А мы въ Персіи постоянно замѣтали,“ возразилъ Посланникъ, „что, когда запоешь Турокъ, то всѣ ослы, кругомъ его стоящіе, въ одинъ голосъ ему отвѣчаютъ.“ (*)

Когда Посланникъ получилъ извѣстіе о томъ, что уже готовъ корабль для спранствія его и его свиты въ Лондонъ (такъ именуется подножіе Англійскаго престола), то мы отправились въ путь такимъ же образомъ, какъ прибыли изъ Персіи.

Прѣбавши два города, Брузу и Мансію, и еще спрану, снабженную всѣмъ что потребно къ счастью и довольству человека, достигли мы наконецъ мѣста нашего назначенія, которое лежитъ на прекрасномъ заливѣ и называешияся градомъ невѣрнымъ, пошому что тамъ множество

(*) Удивляемся, какъ недогадливый Турокъ не могъ возразить на пошлую остроуму Персіанина. *Прим. Пер.*

Европейскихъ купцовъ, Грековъ, Армянъ, кошорые шамъ живутъ, ошкрышо пьютъ вино и свинымъ своимъ позволяють бѣгать по улицамъ. При въѣздѣ въ городъ мы дули себѣ за плечи, чшобъ отврашиться отъ насъ нечистому жипелей, и заняли домъ, нарочно по повелѣнiю Турецкаго правишельства приготоовленный для прiнiятiя посланника.

Въ разстоянiи на парасангъ отъ города, вспрѣтили насъ молодой Англичанинъ, кошорый въ званiи Мемандара уѣхалъ впередъ отъ насъ изъ Констаншинополя; онъ извѣстилъ посланника, что два корабля гошovy: одинъ по его описанiю большой, принадлежащiй Шаху его спрашны, — для посланника, а другой, наняшпый у купца, — для перевоза лошадей. Онъ увѣриль насъ, что все уже гошово къ прiнiятiю насъ, и всѣ запасы уже на корабляхъ, какъ шо: овцы для нашихъ Кабобовъ, козы для молока, куры, гуси, ушки, порохъ и большое количество воды. Ему хошѣлось еще узнать отъ посланника: угодно ли будешь ему спать въ шакой постелѣ, кошорая могла бы, по его словамъ, качаться взадь и впередъ, или въ просшой, неподвижной?

Наше невѣжество въ устройенiи корабля и во всемъ, что касается до морской жизни, прiвело насъ въ большое затрудненiе, какъ опвѣчать на эшотъ вопросъ. Сначала мы изумились немножко шому, что корабль по его описанiю по-

ходилъ на хлѣвъ, въ которомъ могли содержаться всѣ жившныя, имъ высчитанныя; но эта задача, какъ человекъ могъ по волѣ своей и лежать и качаться взадъ и впередъ, была для насъ непоспима; пошому Посланникъ весьма благоразумно оспавиль дѣло до времени, когда мы сами въ сосшояннн будемъ разсудншь о немъ по опышу.

Для Посланника весьма важнымъ дѣломъ было съсшь на корабль въ благопрнпный часъ, и объ ашомъ-шо онъ совѣшовался съ своимъ Церемонн-мейстеромъ, Могаммедомъ Бегомъ, кошорый учился у славнаго Испаганскаго Мурзы Коссина и имѣлъ огромныя свѣдѣння въ знаменованнн звѣздъ. Онъ не могъ предполагашь никакого благопрнпнаго спечення планешъ на будущей недѣлѣ, и пошому мы спокойно и шерпѣливо рѣшнлись курншь свои шрубкн, какъ вдругъ на другое утро по прнѣздѣ нашемъ въ Смирну, когда уже все наше имущество было уже уложено, Мемандаръ и Капншанъ корабля прнходящъ доложнть намъ, что все гошово и вѣшеръ благопрнпшшествуетъ, и что мы сей часъ должнн вхашь. Но это не пронзвело никакого влнння на нашего Посланника, и онъ рѣшнтельно сказаль, что съ мѣсша не шронешся. „Благопрнпная мннуша,“ сказаль онъ, „ешъ важное дѣло, и что нн думай другнє люди, но онъ слншкомъ дорого цѣнншь жизнь свою и бороду, и пошому не ошважнтся на такое опа-

сное дѣло, ш. е. ѣхать на корабль, принадлежащемъ невѣрнымъ, въ страны невѣрныя, пока не соизволяшь на то его звѣздочешы. „Могаммедъ утверждалъ его въ эшомъ намѣреніи, и основываясь на своихъ познаніяхъ неба, доказывалъ, что это было бы совершенное безумство отправишься въ путь по одному желанію невѣрнаго; кошорый воображаетъ, что одного благопріятнаго вѣпра весьма достапочно для благополучнаго пуши. Тщешно Капитанъ и Мемандаръ увѣряли его, что попушный вѣперъ ешь счастливая минуша, что если онъ измѣнится, шо имъ никакакой не будешь возможности пляшь; ничшо не могло его убѣдиль, и они уже въ опчаяніи хотѣли уйши, какъ вдругъ къ великому счастью Посланнику два раза чихнулось. Каждый ему здравствовалъ, и онъ сказалъ: „Вотъ добрый знакъ! Еслибъ къ тому да звѣзды благопріятствовали, шо счастливейшей минушы для опѣзда желать не лзя.“ Въ шуже минушу и Могаммедъ Бегъ чихнулъ шоже два раза. Мы всѣ стояли въ изумленіи. „Слава Богу и хвала Аллѣ!“ воскликнули всѣ въ одинъ голосъ, и никто не прошиворѣчилъ; знакъ былъ поданъ; сомнѣній уже не было, и Посланникъ потчасъ же объявилъ свое соизволеніе на опѣздъ.

(Продолженіе впредь).

О кометѣ 1832 года.

Нѣкоторые изъ Нѣмецкихъ журналовъ, говоря о кометѣ, которая должна явиться въ 1832 году, предсказываютъ что она сдѣлаешь сильный ударъ въ нашу бѣдную землю. Почитаемъ не излишнимъ, сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этой ложной астрологіи. Можно вспомнить народный ужасъ въ 1773 году, произшедшій отъ одной или двухъ фразъ знаменитаго астронома Лаланда, худо истолкованныхъ. Тогда также нѣкоторые люди вѣрили, или показывали видъ, будто вѣряшь, что земля разрушится; люди малодушные шепетали отъ ужаса, а женщины, говоряшь, выкидывали, между тѣмъ какъ люди хитрые умѣли воспользовашся страхомъ малодушныхъ. Невѣроятно, чтобы подобныя безразсудства нынѣ возобновились, не смотря на слова одного мудреца „что глупости отцовъ дѣшми забываюшся.“ Во всякомъ случаѣ, слѣдующія подробности могутъ послужить доказательствомъ, что если нѣтъ другой причины опасаться разрушенія земли, то мы можемъ надѣяться пережить еще многими годами появленіе грознаго свѣшила, которое черезъ четыре года подойдетъ къ землѣ.

Комета, которая явилась въ 1832 г., есть комета въ 6 л. $\frac{3}{4}$, орбита коей вычислена во Франціи однимъ изъ первыхъ Астрономовъ (Да-

муазо), членомъ Академіи наукъ. Все, сказанное въ Германіи о сей кометѣ, основано на резульшатахъ, полученныхъ въ Парижѣ. Но по сѣмъ резульшатамъ не лзя опасаться, чшобы случил- ся переворотъ на землѣ. Комета 1832 г., въ са- момъ ближайшемъ разстояніи отъ земли, будешь находиться отъ нея болѣе нежели на 16 милліо- новъ миль; еслибъ она и въ тысягу разъ ближе подошла, шо все опасаться было-бы нечего. Въ 1770, одна комета отстояла не болѣе какъ на 750,000 миль (почти въ 9 разъ ближе луны) Лаландъ полагаешъ въ 15,000 миль разстояніе, на которомъ комета можешъ произвеспи чув- ствительныя перемѣны на землѣ.

На чѣмъ же основываются опасенія журна- листовъ Нѣмецкихъ? Безъ сомнѣнія, только на томъ, что сія комета пройдетъ близъ земнаго пуши (на 4 діаметра съ половиной, на 13 или 14 тыс. миль); шакъ что въ самомъ дѣлѣ, еслибъ земля вошла въ шу почку пуши своего, которая будешь на одно мгновеніе въ сосѣдствѣ съ коме- той, шо послѣдующъ нѣкоторыя неблагопріят- ныя явленія. Но эшотъ случай едва ли можешъ произойти въ 1832 году.

Не нужно говорить, что въ такомъ гру- бомъ подозрѣніи не участвоваль ни одинъ астро- номъ. Одно только изъ объявленій, сдѣланныхъ на сѣй счетъ въ Германіи, заслуживаешъ уваже-

ніе : эшо письмо *Ольберса*, въ коемъ сей ученый извѣщаетъ о результатахъ, выведенныхъ Г-мъ Дамуазо ; и вѣроятно пошому шолько, что нѣкоторые малосвѣдущіе люди увидѣли въ эшомъ письмѣ, что одна комета въ 1832 году подойдетъ очень близко къ *земной орбитѣ*, сшали опасашься, чтобы земля съ ней не встрѣсилась.

Мы выше замѣтили о вліяніи, произведенномъ нѣкогда разсужденіемъ Лаланда. Сей аспрономъ сдѣлался невинною причиною общаго ужаса, объяшаго народъ въ 1773. Вошь какъ произошло дѣло :

Нюшонъ, говоря о слѣдствіяхъ встрѣчи кометы съ землею, сказалъ, что Провидѣніе такъ все расположило, что невозможно имъ сполкнуться.

Лаландъ не соглашался на эшо мнѣніе. Правда, не было извѣстно ни одной орбиты, кошорая встрѣчалась бы съ землею; но планетныя шагшнїя могутъ однако чувствительнo измѣнять орбиты. Пришомъ пуши кометъ были совсѣмъ почти неизвѣсны; не должно-ли же почешь дерзкимъ предположеніе, что ни одна изъ орбитъ, еще не опредѣленныхъ, не встрѣчается съ орбитой землею и что изъ числа извѣстныхъ ни одна никогда шолько не измѣнилась, чтобы наконецъ пересѣкла земную? Всѣ сіи замѣчанія Лаланда были очень справедливы, время подшвердило ихъ ; ибо орбита нашей кометы, 6-ти лѣтъ и $\frac{5}{4}$, шакъ

близко идешь къ земной, что малая пертурбація можешь засхавишь ихъ пересѣчься. Но, чтобы случился важный переворошь, не досташочно того, чтобы встрѣшились орбиты; надобно еще чтобы оба шѣла въ одно время сошлись въ точку пересѣченія, и весьма вѣроятно, что эшаго не будешь.

Такъ думалъ Лаландъ. Онъ о семъ предметѣ написалъ разсужденіе для публичнаго зазданія въ Академіи; но шакъ какъ ему назначили чипать послѣднему, и не достало для сего времени, то разсужденіе и не было прочтено. Заглавіе: *мысли о кометахъ, могущихъ приблизиться къ землѣ*, предувѣдомляло о предметѣ, занимательномъ для большей части слушателей. Начались разспросы, что въ этомъ разсужденіи написано? узнали, что дѣло шло о слѣдствіяхъ, копорыя можешь произвеспи комета, когда ударится въ землю. Разстѣались слухи, что явился скоро комета, что Лаландъ предсказалъ ее. Мопершюи, въ своихъ письмахъ о томъ же предметѣ, разсуждалъ рѣшительнѣе и гораздо страшнѣе, а никшо эшаго не замѣшилъ; но Мопершюи не считался важнымъ Астрономомъ, не издавалъ Альманаховъ, не печаталъ въ журналахъ показаній о всѣхъ явленіяхъ астрономическихъ. Ужась, наведенный мнимымъ предсказаніемъ, всюду распространился, шакъ что начальникъ полиціи пошребовалъ, чтобы дали ему прочесть разсужденіе, и, не нашедши ничего, что бы

могло причинить такія опасенія, велѣлъ его немедленно напечатать. Когда его издали, по нѣкому не повѣрили: думали, что Авторъ исключилъ изъ него роковое предвѣстіе, чтобы не усматривать объявленіемъ о угрожающей бѣдѣ, избѣгнуть кошорой не было никакого средства. Тѣ же опасенія возобновлялись въ разныя другія времена, но гораздо слабѣе; и всегда приписывали честь эшаго Лаланду, кошорый и не говорилъ о томъ ни слова.

Теперь, кометы не составляютъ такого общаго предмета для ужаса. По мѣрѣ того, какъ народъ просвѣщается, менѣе опасными спановящаяся всякаго рода предубѣжденія. Соединенія (conjunctions) планеть, наводившія прежде гораздо большій еще ужасъ, — замѣтныя, такъ долго раздѣлявшія съ кометами право *устрашать народы міра*, найдены неспособными производить тѣ дѣйствія, кошорыя имъ приписывались. Изъ всѣхъ сихъ ужасовъ, остається для кометь только возможность встрѣпиться съ землею, такъ мало правдоподобная, что никакой благоразумный человекъ не можеть на сей счетъ бытъ непокоенъ.

Сверхъ сего, относительно кометь не лзя оставить безъ замѣчанія еще и того, что новыя выводы объ ихъ устройеніи весьма измѣняютъ понятія, кошорыя обыкновенно составляли о елѣдствіяхъ удара ихъ объ землю. Дѣйствительно, еи свѣшила, плотность коихъ полагали прежде

въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе земной, составлены вообще изъ веществъ столь легкихъ, что можно видѣть сквозь нихъ звѣзды первой и второй величины. Быстроша движенія кометъ есть также обстоятельство, могущее успокоить насъ на счетъ несчастій, которыя могли бы причинить онѣ; ибо изъ нея слѣдуетъ, что время, въ продолженіи котораго комета можетъ на насъ дѣйствовать, весьма коротко, и не можешь простирашься, какъ доказалъ Діонисій Дюсежуръ, болѣе двухъ или трехъ часовъ. Впрочемъ, все, относящееся до сего предмета, раскрыто въ последнемъ томѣ *Исторіи Астрономіи*, соч. Деламбура, недавно изданной Г-мъ Машье.

(Изъ *J d. v.*) P.

Объ актѣ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

Сего Юля 5 го числа былъ торжественный актъ Императорскаго Московскаго Университета. Въ 12 часовъ по утру, въ великолѣпной Университетской залѣ, въ присутствіи Военнаго Генераль-Губернатора, Князя Д. В. Голицына, Попечителя Генераль-Маіора А. А. Писарева, постороннихъ любителей просвѣщенія, и членовъ Университета, открылся актъ хоромъ, коста слова сочинены Профессоромъ А. О. Мерзляковымъ, а музыка А. И. Кашинымъ. За симъ го-

ворены были рѣчи: Русская, о пророчествахъ вѣщаго Завѣша, Профессоромъ Богословія и Церковной Исторіи, Священникомъ Терновскимъ, и Латинская *de regimine infantum quod medici est*, Профессоромъ повивальнаго искусства М. В. Рихтеромъ, сыномъ незабвеннаго для Университета и Москвы В. М. Рихтера. Въ заключеніе нашъ извѣстный Профессоръ Астрономіи, Д. М. Первошиковъ, прочелъ за отсутствующаго Секретаря Совѣша, другаго нашего почтеннаго Математика, П. С. Щепкина, краткую Исторію Университета за прошедшій академическій годъ.

Изъ сей Исторіи, основанной на документахъ, всякій, кто только захочетъ вникнуть въ дѣло, а не судить о немъ по слухамъ и догадкамъ, долженъ удостовѣриться въ великой важности Московскаго Университета, и великой пользѣ, имъ приносимой отечеству: въ Университетѣ обучается до 800 человекъ (Студентовъ, Кандидатовъ, Магистровъ, Лекарей), въ его округѣ слишкомъ 12,000 человекъ. Нынѣшній годъ выпущено Студентовъ, кончившихъ курсъ ученія, и вступающихъ теперь въ Государственную службу (кромеъ лекарей) 90 чел., изъ коихъ 36 оказали отличные успѣхи и удостоены степени Кандидатовъ. Какъ не порадоваться такому богашому выпуску!

Всѣ главнѣйшія наши правительственныя мѣста, въ Москвѣ и Петербургѣ, въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ наполняются Универси-

пешскими воспитанниками, и мы видимъ ихъ тамъ на мѣстахъ важныхъ, пошому что ихъ поколѣнiе начинаеть уже получаеть численную значительность (*). Слѣдствiя сего очевидны, и прислушиваяся къ опзывамъ Начальниковъ, смѣло сказашь можно, что дѣла отъ того пошли успѣшнѣе. Дѣйствительнo самой слабой Спудентъ прежнихъ выпусковъ, когда экзамены для привлеченiя бѣльшого числа учащихъ, были не такъ еще строги, самой даже слабый Спудентъ, говорю, уже знаеть Русской языкъ, уже яснѣе понимаетъ дѣло, удовлетворительнѣе исполняетъ приказанiя высшаго начальства, и знакомъ, хотя бы и некорошко, со всѣмъ, имѣющимъ отношенiе къ просвѣщенiю, убѣжденъ въ его важности и благодѣтельности. — Это объ Унив. воспитанникахъ въ гражданской службѣ. — Посмотримъ теперь другiя отношенiя Моск. Университета. — Почти всѣ наши писатели, всѣ наши грамотнѣи, (съ весьма немногими исключенiями) получили въ немъ свое образование (**). Во всѣхъ учебныхъ заведенiяхъ

(*) По указу 1809 года не позволяется давать чины 8 класса не кончившимъ курса Университетскаго; современемъ можетъ быть вовсе не будущъ принимашь въ службу, по крайней мѣрѣ въ высшихъ Присутственныхъ мѣстахъ, безъ аттестатовъ Университетскихъ.

(**) Прочiя наши учебныя заведенiя еще слишкомъ молоды, и кругъ ихъ дѣйствiй не можетъ сравниться съ кругомъ дѣйствiй Моск. Университета.

въ Москвѣ, находящихся подъ другимъ вѣдомствами, обучаютъ Члены Мос. Университета. Наконецъ, сколько учебныхъ дѣльныхъ книгъ во всеобщее наставленіе издано Университетскими Профессорами, изъ которыхъ иные сдѣлали бы честь знаменитѣйшему Европейскому Университету! Пусть посмотрятъ на длинный списокъ сихъ изданій, вышедшихъ только въ нынѣшнемъ году.

Университетъ, кажется, принимаетъ всѣ нужныя мѣры для того, чтобы познакомить съ собою публику: экзамены производятся публично, диссертациі, за которыя онъ даетъ ученые степени, печатаются, теперь даже и тѣ, за которыя Студенты получаютъ медали и награждаются Кандидатскими дипломами (*). — Пусть невѣрующіе поспѣшатъ разсмотрѣть сіи *документы*. Мы надѣемся, что Университетъ выиграетъ при всякомъ внимательномъ изслѣдованіи.

Впрочемъ — да не подумають читатели, чтобы мы представляли себѣ Университетъ стоящимъ на высшей степени совершенства; — нѣтъ, — мы очень согласны, что онъ имѣетъ еще много недоспѣшковъ, на пр. не всѣ Профессоры издали руководства для своихъ слушателей, — есть много наукъ, которыя не преподаются въ Университетѣ, — еще больше такихъ, которыя преподаются

(*) Мы слышали о некоторыхъ диссертацияхъ, относящихся до Математики, Русской Исторіи, и пр. которыя, говорятъ, принесли бы честь и опытнымъ ученымъ.

въ весьма тѣсныхъ гимназическихъ предѣлахъ, — число Магистровъ и Докторовъ безъ всякой соразмѣрности бѣдно въ сравненіи съ числомъ Студентовъ, потому что отъ начала экзамена въ Магистры до утверженія въ сей степени проходили иногда по четыре года, и никогда почти меньше двухъ, — Профессоры, получая малое жалованье, развлекаются посторонними занятіями, и часно не могутъ слѣдовать за успѣхами своихъ наукъ въ ученomъ мѣрѣ, — Студенты весьма много зашрудняются при полученіи учебныхъ пособій, даже книгъ изъ Библіотеки, при томъ очень бѣдной, — нѣкоторые рабочіе люди не получаютъ нужнаго ободренія и пособія въ трудахъ своихъ, — Московская Гимназія слишкомъ малочисленна въ высшихъ классахъ, и проч., (*) — мы очень еогласны, повшоряю, что улучшить можно многое; — и хотѣли показать здѣсь только великое участіе которое принимаетъ Университетъ Московскій въ системѣ Государственнаго управления; хотѣли намекнуть только, что онъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, которые безпрерывно исправляются, по крайней мѣрѣ не уступаетъ ни одному мѣсту въ Имперіи относительнаго достоинства.

N. N.

(*) Въ свое время, пользуясь Высочайшимъ позволеніемъ, „(всѣ сужденія объ улучшеніяхъ по части Народнаго просвѣщенія дозволяются Ценсурю, если только сіи сужденія не противны общимъ ея правламъ см. новый уставъ о Ценсурѣ.)“ мы скажемъ о нихъ подробно и откровенно. —

Извѣстія изъ Симферополя.

Первая въ Симферополѣ ярманка въ Юрьевъ день — была довольно удачно. Нельзя не чувствовать признательности къ мѣстному начальству, которое позаботилось объ учрежденіи въ семь городѣ двухъ годичныхъ ярмонокъ (2 я должна быть 1 Окш.).

27 Апрѣля здѣсь происходило торжественное открытіе учрежденнаго при Таврической Гимназіи *угманскаго отдѣленія для образованія Татарскихъ учителей.*

Къ сему № принадлежитъ драматическое прибавленіе, № 3; къ прежней же Части № 1 и 2.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

№ XIV.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

*Отрывокъ изъ комедіи: Благородный
Театръ.*

(Въ домъ Любскихъ собираются дѣлать репетицію вдругъ пріѣзжаютъ гости и мѣшаютъ хозяйсамъ приняться за ихъ дѣло. См. содержанія комедіи благородный Театръ въ М. В. № 9).

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ VI.

Любской, Любская, Наташа, Посошковъ,
Бирюлькинъ, Кутермина, 1-я Племянница
и 2-я Племянница.

КУТЕРМИНА.

Любской, *Любскому.*
Здорово, машушка! — А, здравствуй, Федоръ Львовичъ! *Бирюлькину.*

Каковъ ты, мой ошець? — Ты здѣсь, Максимъ
Петровичъ?

Не стыдно ли! совсѣмъ изволилъ насъ забыть.

(Любской, представляя племянницъ).

Племянницы мои! прошу ихъ полюбить.

Они собирались къ вамъ вчера, да поздно встали;

На дежѣе дансанъ всю ночь прощанцовали;

Пригуньи страшныя!

Л ю б с к а я.

Давно ли здѣсь?

К у т е р м и н а.

Дней пять;

Л ю б с к а я.

Повѣришель? Гляжу и не могу понять,

Какъ можно выросъ шакъ!

К у т е р м и н а.

А что, вѣдь не узнаешь.

Вошь Софья, старшая. — Ну, чтожь не присѣ-
даешь?

Вся въ мамушку свою, привычками, лицомъ,
Ну, словомъ: сходства нѣтъ съ покойникомъ
ошцомъ —

Предобрая! — А вошь меньшая, Катерина,
Не правдаль, что въ ошца? — Красавецъ былъ
мущина,

А дочка вся въ него.

1-я ПЛЕМЯННИЦА.

И, полноше, ma tante!

КУТЕРМИНА.

Когда бы знали вы, какой у нихъ талантъ?
 Да вошь, на энихъ дняхъ, заѣдимъ къ вамъ по-
 ранше

И вы услышите! Большія музыканши:
 Вездѣ ошъ ихъ пѣнья всѣ были безъ ума;
 Объ этомъ изъ Москвы писала мнѣ кума,
 Глафира Савишна; а кумушка не лгунья;
 Ты знаешь, чай, ее?

Л ю в с к о й (въ сторону).

Прокляшая болшунья!

(Громко).

Я звалъ васъ на вечеръ и очень буду радъ....

КУТЕРМИНА.

А, кшапи! Чшо у васъ сего дня? Маскерадъ? ..

Л ю в с к о й.

Театръ, сударыня.

КУТЕРМИНА.

Да, почно—виновата!

Не знаю ошъ кого, а, помнишся, ошъ свапа,
 Андрея Карпыча я слышала.... иль нѣшь!
 Ошъ Ленской, кажешся, чшо вы не по балешъ,
 Не-шо прагедію, а чшо-шо дашь хошите.
 Да дѣло не о шомъ — племянницы, просите,
 Чшобъ мнѣ позволили и васъ съ собой привезшь.

Л ю в с к о й.

*(Въ сторону).**(Громко)*

Ну, шакъ! я эшо зналъ!... Мы вѣрно бы за
чесшь

Почли себѣ и намъ конечно очень лестно,
Чшо вы. . . . Но, я боюсь, не будешь ли имъ шѣ-
сно

К у т е р м и н а, *Любской.*

Я васъ, мои друзья, счишаю за родныхъ;
Однакожь все-таки хошѣла, прежде ихъ
Представишь вамъ сама.

Л ю в с к а я.

Напрасно вы прудились.

К у т е р м и н а.

Помилуй, мамушка! На чшобъ онѣ годились,
Когдабъ учшivosti не спали наблюдашь?
А нынче, нѣчего — лишь спшибишь волю дашь,
Тошчасъ нагрянушь всѣ — и даже ешь нахамы,
Которые вездѣ вшираюшся на балы,
Хошь не былибъ ни кѣмъ шуда приглашены.
Вошь я шакъ нѣшь! люблю держашся спарины
И долгъ мой не счишаешь за вѣжливостъ пущую.
Всегда, какъ слѣдуешь, сперва рекомендую,
А шамъ и привезу — и шрудноль въ первый разъ
Съ визитомъ побывашъ? Сего дня я приказъ
Моимъ племянникамъ дала, и очень шпрого,
Чшобъ имъ. . . . Ты знаешь ихъ?

Л ю б с к о й.

У васъ родныхъ шакъ много....

К у т е р м и н а.

Опець ихъ, Пусшельгинъ, двоюродный мой брашь.
Я знала напередъ, что шы имъ будешь радъ;
Однако же сюда прѣѣхашъ имъ велѣла.

Л ю б с к о й.

Помилуйше! на что?

К у т е р м и н а.

Я просшо бы не смѣла
Ихъ на вечеръ привезшь.

Л ю б с к о й, (въ сторону).

Да что же я молчу?

(Громко).

Позвольше вамъ сказашъ....

К у т е р м и н а.

И слушашь не хочу!

Л ю б с к о й.

Вы беспокоили племянниковъ напрасно.

К у т е р м и н а.

Эхъ, башюшка, повѣрь, ихъ баловашъ опасно.

Какъ разъ зазнаюшся, повадку шолько дай!

Нѣшь! дружба дружбою, а долгъ свой наблюдай!

Л ю б с к о й.

Не спору, машюшка — все эшо справедливо....

КУТЕРМИНА.

О; я на эшошь счешь ошмѣнно щекошлива;
 Невѣжу не пуцу къ себѣ на полдвора.
 Да чшожь они? Давно-бѣ приѣхашь имѣ пора,
 Миѣ кажешся: я къ нимѣ сего дня до разевѣша
 (*Смотритъ въ окно*)

Ошправила слугу.... А вошь и ихѣ кареша!
 Приѣхали!

(*Идетъ къ дверямъ*).

ЛЮВСКОЙ *Посошкову.*

Вѣ ней нѣшь и на волосѣ спыда.

ПОСОШКОВЪ.

Какой вѣ ней спыдѣ!

КУТЕРМИНА.

Сюда, голубчики! сюда!

ЛЮВСКОЙ.

Ну, можно ль бышь кому безспыднѣй и наглѣе!

КУТЕРМИНА.

Андрюша, Ваничка! Сшупайше же скорѣе!

Я В Л Е Н І Е VII.

ТѢ ЖЕ, 1-й ПЛЕМЯННИКЪ и 2-й ПЛЕМЯННИКЪ.

КУТЕРМИНА.

Вошь, башюшка, они! съ рукѣ на руки сдаю.
 Племянникѣ мой, Андрей, — ошь васѣ не пошаю,
 Ощовской фаворись.

Л ю б с к о й .

О , въ эпомъ я увѣренъ !

К у т е р м и н а .

Да по бѣда , служилъ онъ въ конницѣ намѣренъ ,
И вопъ , какъ видите , усы ужъ оппустилъ .

Охъ , эша молодѣжь ! Опець его просилъ ,

Мы всѣ : „Андрюшинька , убьюшь!“ — Такъ нѣтъ !

все даромъ —

Рѣшипельно сказалъ , что хочеть бышь гусаромъ ,

И служба спашская ему , какъ оспрой ножъ .

Вопъ Ваничька , совсѣмъ на браша не похожь ,

Ученой человекъ и даже былъ Сшуденшомъ .

Племянникъ не сочшеть конечно комплименшомъ ,

Когда при всѣхъ ему скажу въ глаза , что онъ

Чушь-чушь не философъ , ученъ , переученъ ;

Науки нѣтъ такой , гдѣ-бъ онъ не опличился ,

Все знаешь мой опець и — Физикъ учился .

П о с о ш к о в ъ .

Да этой болшовнѣ не будешь и конца .

К у т е р м и н а .

Со свѣчкой поискашь такого мудреца .

П о с о ш к о в ъ , тихо Любскому .

Опдѣлайшесь скорѣй !

Л ю б с к о й .

Я крайне сожалю ,

Что не могу никакъ . . . и даже ихъ не смѣю

Сего дня пригласить . Я очень бы желалъ

Имѣшь ихъ у себя; но нашъ пеапръ шакъ малъ,
 Ко мнѣ же назвалось госпей конечно въ двое,
 Чѣмъ могъ я ожидашь. . . .

КУТЕРМИНА.

И, бапюшка, пустое!
 Два гостя лишніе не значашъ ничего.

ЛЮБСКОЙ.

Клянусь вамъ, не могу. . . .

КУТЕРМИНА.

Яжъ мѣста одного

(Показывая на другаго племянника).

Для Ваничьки прошу; объ эпомъ, мой почтенной,
 Прошу не хлопашъ: вѣдь онъ полу-военной —
 Прощрешся какъ нибудь.

Посошковъ, Любскому.

Охоша жъ время длишь!

Рѣшишесь поскорѣй.

ЛЮБСКОЙ.

Извольте, шакъ и бышь!

КУТЕРМИНА.

(Племянникамъ).

Спасибо, мой опець! — Ну, чтожъ? Благодарите!

ЛЮБСКОЙ.

Бышь можешъ, господа, въ дверяхъ вы поспоише —
 Впередъ вамъ говорю.

Чшожь дѣлать, мой отецъ! Ужь я дала имъ слово!
 Къ шому же все свои, ни одного чужаго:
 Мусьё Ле Гро, жена его, мадамъ Адель,
 Ошличной человекъ; Нѣмецкая мамзель,
 Шарлошпа Карловна, немножечко болшлива,
 За то ужь какъ добра, шиха, неприхошлива!
 Какъ ходишь за дѣшми! на шагъ не ошсшаешь;
 Сшарашельна, умна и дешево берешъ.
 А шамъ еще кой-кто; но эшою бездѣлкой
 Не споишь зашрудняшь себя — народъ все мѣлкой.
 Послушай, душинька, голубчикъ, золошой!
 Пошѣшь моихъ внучашъ! — Всего-шо ихъ
постой!

Танюша, Вѣрочка, Акулинъка и Глаша,
 Да, кажешся, еще . . .

Л ю б с к о й.

Еще? — Нѣшь, воля ваша. . . .

К у т е р м и н а.

(Бѣжитъ къ дверямъ).

Приѣхали. Сюда, мусьё, ведише ихъ!

Я В Л Е Н І Е VIII.

ТѢ ЖЕ, УЧИТЕЛЬ, ГУВЕРНАНТКА, НЯНЮШКА,
 ЧЕТЫРЕ ДѢВОЧКИ И ДВА МАЛЬЧИКА.

Л ю б с к о й.

Чшо вижу! Боже мой! Весь родъ Куперминыхъ!

К у т е р м и н а.

Позволь имъ, батюшка! Ты эшимъ мнѣ докажешъ,
 Чшо испинный мой другъ! Не ужели опкажешъ?

ЛЮБСКОЙ.

Да чшожь, помилуйше! вѣдь домъ мой не трактиръ.

КУТЕРМИНА.

И, чшо шы, мой отецъ!

ЛЮБСКОЙ.

Вы эшакъ цѣлый мѣръ

Головы привезши.

КУТЕРМИНА.

Но шы мнѣ самъ позволиль. . . .

ЛЮБСКОЙ.

Гдѣ видано? . . .

КУТЕРМИНА.

За чшо разгнѣвашься изволиль?

ЛЮБСКОЙ.

За чшо? Да вы ко мнѣ приспали, какъ съ ножомъ.

КУТЕРМИНА.

Ахъ, башюшки! — И вѣкъ не загляну въ швой домъ,
А съ горя не умру. Сшупайше вонь!... Ну чшо же!

(Учитель, Губернантка и Дѣти уходятъ).

Не знала, башюшка, чшо вамъ шеапръ дороже.
Такихъ друзей, какъ я, — возможноль! ошказашь
Въ такой бездѣлицѣ! А правду-ша сказашь:
Чего смошрѣшь?

ПОСОШКОВЪ.

Чего? Нѣшь, эшо ужь безшмыдство

Изъ мѣры вонь!

КУТЕРМИНА.

Да, да! И что за любопытство?
Большая невидаль — шеашрь! Ахъ, Боже мой!
(*Племянницамъ*).

Вы съ брашьями сей часъ въ карешу и домой!
(*Племянницы и племянники уходятъ*).

ПОСОШКОВЪ.

Позвольше доложишь! вы сердитесь напрасно. . .

КУТЕРМИНА.

За вѣжливосшь мою наказана прекрасно!
(*Въ сторону*).

Добро ты грубиянь!

ЛЮВСКОЙ.

Мнѣ право очень жаль. . .

КУТЕРМИНА.

Конечно и для насъ ужасная печаль!
Я знаю, вашъ шеашрь — осьмое въ свѣшъ чудо.

ПОСОШКОВЪ, (*тихо Любскому*).

Мы цѣлый день ее не выживемъ ошскуда;
Уйдемше поскорѣй.

КУТЕРМИНА, (*въ сторону*):

О, еслибъ я могла

Порядкомъ ошплаишь!

ЛЮВСКОЙ, (*Кутерминой*).

У насъ свои дѣла,

И шакъ позволше намъ. . .

КУТЕРМИНА.

Что держишь васъ? идише!

ПОСОШКОВЪ.

На пробу намъ пора.

ЛЮВСКОЙ.

Прошу васъ не взыщете,
Что мы оставимъ васъ однѣхъ. Пойдемъ, жена!

ЛЮВСКАЯ.

Позволь хоть мнѣ. . . .

ЛЮВСКОЙ.

И, вздоръ! Пускай сидишь одна!

(*Всѣ уходятъ; Кутермина останавливаетъ Бирюлькина*).

М. Загоскинъ.

П Р О З А.

Два дни въ жизни земнаго шара.

У Графини Б. было много гостей; была полночь, на свѣчахъ нагорѣло и жарь разговоровъ ослабѣвалъ съ уменьшающимся свѣшомъ: ужь дѣвушки перешолковали обо всѣхъ нарядахъ къ будущему балу, мущины пересказали другъ другу обо всѣхъ городскихъ новоспяхъ, молодыя дамы перебрали по очереди всѣхъ своихъ знакомыхъ, спарыя предсказали судьбу нѣсколькихъ свадебъ; — игроки расчипались между собою, и присоединившись къ обществу, нѣсколько оживили его разказами о насмѣшкахъ судьбы, произвели нѣсколько улыбокъ, нѣсколько вздоховъ, но скоро и эшопъ предметъ испощился. Хозяйка очень свѣдующая въ свѣшскомъ языкѣ, на кошоромъ молчаніе переводился скукою, упошребляла всѣ силы, чшобы разшевелишь болшливость усшальныхъ гостей своихъ; но шщепны были бы всѣ ея усилія, еслибы нечаянно не взглянула она въ окно. Къ сшасшю тогда комета шашалась по звѣздному небу и засшавляла Ашстрономовъ вычшсляшь, журналистовъ объявлять, прошшюлюдиновъ предсказывать, всѣхъ вообще шолковашъ о себѣ. Но никшо изъ всѣхъ эшихъ господъ не былъ ей шшоль-

ко обязанъ, какъ Графиня Б. въ это время: въ одно мгновеніе по милости Графини комеша соскочила съ горизонша прямо въ госпиную, пробралась сквозь неимовѣрное количество шляпъ и чепчиковъ — и была вспрѣчена также неимовѣрнымъ количествомъ разныхъ полкованій, и смѣшныхъ и печальныхъ. Одни въ самомъ дѣлѣ боялись, чшобы эта комеша не напроказила, другіе смѣясь увѣряли чшо она предзнаменуетъ такую то свадьбу, такой-то разводъ, и проч. и проч.

„Шушите,“ сказалъ одинъ изъ гостей, которой вѣкъ свой проводя въ свѣпъ, занимался Аспрономіею par originalité „шушите, а я помню то время, когда одинъ Аспрономъ объявилъ, чшо комешы могутъ очень близко подойти къ землѣ, даже напкнуться на нее, — тогда было совсѣмъ не до шутокъ.“

Ахъ! какъ это спрашно! вскричали нѣкопорыя дамы, — ну скажишеже, чшо тогда будешь, когда комеша напкнется на землю? Земля упадетъ въ низъ? проговорили нѣсколько голосовъ.

„Земля разлепится въ дребезги“ — сказалъ свѣпскій Аспрономъ. —

Ахъ Боже мой! спало бышь тогда и будешь преспавленіе свѣпа, сказала одна пожилая дама.

„Упѣшьшесь ,“ опивѣчалъ Аспрономъ , „другіе ученые увѣряютъ , что этого бышь не можешь , а что земля приближается каждыя 150 лѣтъ на градусъ къ солнцу , и что наконецъ будетъ время , когда земля сгоритъ опъ солнца.“

Ахъ , перестаньте , перестаньте — вскричали дамы , — какой ужасъ ! —

Слова Аспронома обратили всеобщее вниманіе ; шуть начались безконечныя споры . — Не было несчастій , которыми не подвергался въ эту минушу шаръ земной : его и жгли въ огнѣ , и шопили въ водѣ , и все это подшверждалось разумѣея не свидѣтельствами какимъ нибудь ученыхъ , а словами покойнаго Дядюшки-Камергера , покойной Шпансь-Дамы Тешушки и проч .

„Послушайте ,“ наконецъ сказала хозяйка , „вмѣсто споровъ , пусть каждый изъ насъ напишетъ объ этомъ свои мысли на бумагѣ , потомъ будемъ-ше угадывать , кто написалъ шакое и шакое мнѣніе.“ —

Ахъ — будемъ-ше , будемъ-ше пишашъ , вскричали всѣ госши

„Какъ прикажете пишашъ?“ — робко спросилъ одинъ молодой человекъ , „по Французски или по Русски?“

„Ei donc — mauvais genre! сказала хозяйка , кто уже нынѣ не пишашъ по

французски? Messieurs et Mesdames! надобно писать по русски.“

Подали бумаги; многіе шопчасъ присѣли къ столу, но многіе, видя, что дѣло доходитъ до чернильницы и до Русскаго языка, шепнули на ухо своимъ сосѣдамъ, что имъ еще надобно сдѣлать нѣсколько визитовъ, и — исчезли.

Когда было написано, всѣ бумажки были смѣшаны и всякой по очереди прочитывалъ вынущую имъ бумажку; вошь одно изъ мнѣній, которое намъ показалось болѣе другихъ замѣчательнымъ и которое мы сообщаемъ читателямъ.

I.

Рѣшено; настала гибель земнаго шара. Астрономы объявили, гласъ народа подтверждаетъ ихъ мнѣніе; эшопъ гласъ неумолимъ, онъ вѣрно исполняетъ свой обѣщанія. Комета, доселѣ невиданная, съ быспрошою неизмѣримою спремися на землю. Лишь зайдетъ солнце, вспыхнетъ зарево спрашнаго пупника; забыты наслажденія, забыты бѣдствія, ушихли спраспти, умолкли желанія; нѣтъ ни покоя, ни дѣятельности, ни сна, ни бодрствованія; и день и ночь люди всѣхъ званій, всѣхъ состояній, толпятся на спогнахъ, и шрепешныя,

блѣдныя лица освѣщены багровымъ пламенемъ.

Огромныя башни обращены въ обсерваторіи; день и ночь взоры Аспрономовъ устремлены на небо; всѣ прибѣгають къ нимъ, какъ къ богамъ всемогущимъ; слова ихъ лепяшь изъ устъ въ уста; Аспрономія сдѣлалася наукою народною; всѣ вычисляють величину кометы, скорость ея движенія; жаждуть ошибокъ въ вычисленіяхъ Аспрономовъ и не находятъ.

„Смотри, смотри,“ говоритъ одинъ; вчера она была не больше луны, теперь вдвое . . . что будешь завтра?“ ...

„Завтра набѣжишь на землю и раздавишь насъ,“ говоритъ другой....

„Нельзя ли уйти на другую сторону шара?“ говоритъ прешій. . . .

„Нельзя ли поспроишь подспавокъ, опшполкнушь ее машинами?“ — говоритъ четвершой, — „о чемъ думаешь Правительство?“

„Нѣтъ спасенія!“ кричитъ молодой человекъ запыхавшись, „я сей часъ изъ башни — ученые говорятъ, что прежде нежели она набѣжишь на землю, будутъ бури, землетрясенія, и земля загорится.“

„Кто противъ Божія гнѣва?“ восклицаетъ спарець....

Между шѣмъ печешь время, съ нимъ возрасшающъ величина кометы и ужасъ народный; уже видимо распешъ она; днемъ закрываетъ солнце; ночью — огненною пучиною виситъ надъ землею; уже безмолвная, спрашная увѣренность заступила мѣсто опчаянія; не слышно ни стона, ни плача; разшворены шюрмы: вырвавшіеся прешупники бродятъ съ поникшимъ челомъ между толпами; рѣдко, рѣдко общая пишина и бездѣйствіе прерываются: то вскрикиваетъ младенецъ, оставленный безъ пищи, и снова умолкаетъ, любуясь спрашнымъ небеснымъ зрѣлищемъ; то отецъ обнимаетъ убійцу сына.

Но подуетъ-ли вѣперъ, раздася ли грохотъ, толпа зашевелится — и уста всѣхъ готовятся къ вопросу, — но его бояшя вымолвишь.

Въ уединенной улицѣ одного Европейскаго города восьмидесятилѣтній старецъ у домашняго очага приготавливалъ себѣ пищу; вдругъ вбѣгаетъ къ нему сынъ его. „Что ты дѣлаешь отецъ мой?“ — онъ восклицаетъ. —

— Что дѣлаешь мнѣ? — отвѣчаетъ спокойно старецъ — вы меня всѣ оставили — бѣгаете по улицамъ — а я между шѣмъ голодаю. . . .

„Опець! время ли шеперь думашь о ниць?“

— Точно шакже время, какъ и всегда

„Но наша гибель.“

— Будь спокоень; пустой спрахъ пройдешь, какъ и всѣ земныя бѣдшвія. . . —

„Но развѣ ты пошеряль слухъ и зрѣніе?“

— Напрошивъ, не шолько сохраниль шо и другое, но еще сверхъ шого нѣчто шакое, чего нѣтъ у васъ: — спокойшвіе духа и силу разсудка; — будь спокоень, говорю тебѣ, — комеша лви- лась нежданно и пропадешь шакже — и гибель земли совсѣмъ не шакъ близка, какъ ты думаешь; земля еще не до- штигла своей возмужалости внуш- реннее чувштво меня въ шомъ увѣ- ряешъ. . . —

„Опець мой! ты во всю жизнь свою вѣрилъ больше этому чувшву или меч- шамъ своимъ, нежели дѣйствитель- сти! Не ужели и шеперь ты ошашься преданнымъ воображенію? . . . Кто тебѣ поручишь за истину словъ швоихъ? . . .

— Спрахъ, копорый вижу на лицѣ швоемъ и тебѣ подобныхъ! . . . Эшомъ низкій спрахъ не совмѣшенъ съ шор- жешвенною минушою кончины

„О ужась! вскричалъ юноша
Опець мой лишился разсудка.“

Въ самое то мгновеніе спрашнѣй
громъ потрясъ храмину, сверкнула мол-
нія, хлынулъ дождь, вѣсперь снесъ кры-
ши домовъ: — народъ упалъ ницъ на зе-
млю.

Прошла ночь, солнце освѣшило небо,
тихій Зефиръ осушалъ землю, орошен-
ную дождемъ, люди не смѣли
подняшь преклоненныхъ главъ своихъ,
наконецъ осмѣлились, — имъ уже
мнился, что они находяпся въ образѣ
духовъ безпѣлесныхъ. Наконецъ
встающъ, оглядывающъ: — тѣ же род-
ныя мѣста, поже свѣтлое небо, тѣ же
люди. — Невольное движеніе подняло взоры
всѣхъ къ небу: — комеша удалялась
съ горизонта.

II.

Наспалъ общій пиръ земнаго ша-
ра; нѣшь буйной радости на семь пиру;
не слышно громкихъ восклицаній! Дав-
но уже люди ошвыкли ошъ ударовъ гру-
спи, давно уже живое веселье прешво-
рилось для нихъ въ тихое наслажденіе,
въ жизнь обыкновенную; уже давно они
переступили чрезъ препоны, недопускав-
шія челоуѣка бышь челоуѣкомъ; уже ис-
чезла память о тѣхъ временахъ, когда

грубое вещество посмѣвалось усиліямъ духа, когда нужда уступала необходимости: времена несовершенства и предразсудковъ давно уже прешли вмѣстѣ съ болѣзнями человѣческими, земля была обиталищемъ однихъ царей всемогущихъ, никто не удивлялся прекрасному пиру природы; всѣ ждали его, ибо давно уже предчувствіе онаго въ видѣ прелестнаго призрака являлось воображенію избранныхъ. Никто не спрашивалъ о помѣ другъ друга; поржесивенная дума сіяла на всѣхъ лицахъ и каждый понималъ это безмолвное краснорѣчіе. Тихо земля близилась къ солнцу и непалящій жаръ, подобный огню вдохновенія, по ней распростиранялся. Еще мгновеніе — и небесное сдѣлалось земнымъ, земное небеснымъ, солнце спало землею и земля солнцемъ. . .

Каллидоръ.

1825.

И А У К И.

*Исторія.**Объ идетъ Исторіи, сог. Кинк.**(Окончаніе).*

И шакъ мы доспигаемъ первыихъ предѣловъ Испоріи; мы покидаемъ явленія вещеспвенныя и входимъ въ лабиринтъ событій, обозначающихъ жизнь человѣчества. Простите тихія, мирныя убѣжища, невозмущаемый покой, свѣжесць, невинность въ карпинахъ! — воздухъ, копорымъ спанемъ дышать — плешворный; земля, копсрую спанемъ попирашь спопами, напоена кровію; здѣсь предметы волнуются въ вѣчномъ непостоянствѣ: взоръ не находить успокоенія. Ничтожная песчинка, носимая въпромъ, прочнѣе судьбъ Рима и Лакедемона. Тихое журчаніе, извивистый бѣгъ, живая гармонія безвѣстнаго ручья превосходятъ древностью воспоминанія Нестора и лѣтописи Вавилонскія. Теперь, какъ въ дни Плинія и Колумеллы, гіацинтъ красуется въ Галліи, могольница цвѣшетъ въ Иллиріи, маргаритка на развалинахъ Нуманціи: около нихъ сокрушились города, исчезли царства и народы, а ихъ мирныя поколѣнія безмятежно протекли въ вѣкахъ и дошли до насъ свѣжія, блестящія, какъ въ бурную годину смашеній.

Пребываемость вещественнаго міра должна ли здѣсь возбуждать только суетную печаль, и эта величаяя громада уже ли для того единственно существуетъ, чтобы яснѣе выказать нищету и зыбкость нашихъ обществъ? Напротивъ, она отражается въ цѣлой системѣ дѣйствій человѣческихъ, и глубоко вливаетъ въ нихъ духъ мира и спокойствія. Если измѣненія въ Исторіи не происходятъ отъ своихъ равныхъ движений воли, но имѣютъ основанія свои въ самыхъ недрахъ вселенной; если онѣ представляютъ собою возвышеннѣйшее ихъ слѣдствіе, и если очевидное условіе міра было — осуществляютъ въ такую именно эпоху такой видъ образованія, такіе успѣхи совершенствованія; если сіи явленія тѣсно связаны съ природой и одарены ея свойствами, какъ и всякое другое произведеніе естественное: — тогда дѣла человѣческія представляются новымъ царствомъ, имѣющимъ свои соотвѣтствія, свои противоположности и свою опредѣленную сферу. Движеніе здѣсь такъ стройно, явленія такъ крѣпко соединены вмѣстѣ, что, переходя отъ науки вещей къ наукѣ воли, вы встрѣчаете въ формахъ соотвѣстныхъ, но болѣе очищенныхъ, поплъ же порядокъ, то же постоянство, кошорыя раскрывались при созерцаніи

міра вѣщественнаго. Сверхъ эшаго должно сказать, что картины природы, перенесенныя въ бурное волненіе спольпій, жизнь цвѣшовъ, объясняющая сходныя съ нею явленія въ бышій полишическихъ общесшвъ; множество мирныхъ предметовъ, свѣшлыхъ образовъ, водворя тишину полей въ сцены Испоріи, дають ей фізіогномію совершенно особую и прелестъ невыразимую. Они проникають всѣ ряды лѣпъ, разливая на спарые вѣка свѣжестъ росы и обвѣвая испорическія группы ушренимъ воздухомъ горъ. Трогательныя прошивоположенности! Живописныя сочешанія! Это щипъ грознаго Ахилла, на копоромъ изображены были жашва и радосшныя сельскія ликованія.

Въ разныхъ мѣспахъ вспрѣчаются вамъ народы, происшешвія, дѣла вѣковъ, коими такъ долго была накопленна ваша память; но, силою сношеній, они всѣ выросли, обновлены для науки. Оспановленные или разрушенныя въ своемъ ходѣ, могущешвомъ высшимъ, иные изъ нихъ не совершили полнаго круга своихъ дѣйшвій. Подобно какъ въ органической природѣ ешпъ эфемерныя мошки, живущія опъ восхожденія до захожденія солнца: такъ шочно ешпъ и народы, живущіе не болѣе дня, довольшно, шобы оставили погребальныя ур-

ны и лампы для собиранія слезъ! Другіе окончили свое поприще: съ какою славою — извѣстно; но съ какою пользою для временъ грядущихъ? — вошь въ чемъ состоить вопросъ. Все сообразное съ законами бытія хорошо; что можешь явиться — является; что должно погибнуть — погибаетъ. Царства падають, но правосудіе и разумъ обогащаются ихъ обломками и парятъ надъ преходящими формами народовъ. Когда Испорія казалась совершенною собственностію челоуѣка, единственною системою вещей, ему исключительно принадлежащею, — тогда много смѣлости надо было имѣть, чтобы отнять у него сію собственностъ, свести его съ первой ступени, самовластно имъ присвоенной, и поставитъ на его мѣсто мысль всемірную, коей онъ самъ лишь только послушное выраженіе. Если уже борьба завязывается между идеями, а не личностями народовъ, тогда около васъ воцаряется глубокая тишина; ни любовь, ни ненависть здѣсь уже не имѣють мѣста; съ такой высоты едва слышенъ шумъ сокрушающихся Имперій, едва доходитъ до васъ частная слава людей.

Когда, пушеводимые строгимъ гениемъ Макиавеля (*), мы слѣдили шай-

(*) Книга 1. глава 56.

нья силы, скрытые голоса, раскаты грома, крики ночных пшицъ, заблаговременно предрекающіе гибель царствъ и пошановленій, — тогда мы безъ улыбки смопрѣли на его заблужденія, имѣли полное право спрашиться судьбы, смущающей умъ споль опытный и швердый, судьбы неизьяснимой и непоняшной; но шеперь ешь на что оперешься: шакъ уменьшилось участие, предоспавленное въ дѣлахъ чловвческихъ року и силамъ недовѣдимымъ. Чловвкъ въ своемъ спранспви имѣеть сопупникомъ цѣлый міръ; и когда предъ глазами моими развершываются непрерывными выводами всѣ собышя минувшей его жизни, не шолько я съ восторгомъ перяюсь въ созерцаніи законовъ, по коимъ существовали мои ближніе, не шолько въ свою очередь восхищаюсь спрогою гармонією спольшій, — но самъ спановлюсь въ величественный рядъ времени, и ласкаю себя надеждою, что могущество, взвѣсившее, колебавшее вѣка и царства, которое сочло дни древней Халдеи, Египта, Финикии, споврашныхъ Фивъ, героическаго Сагунта, неумолимага Рима, мудро распредѣлишь немногя минушы, мнѣ въ удѣль доспавшяся, и эфемерныя движенія, ихъ наполняющія.

Но, можетъ спасться, эпитъ способъ смотрѣть на Исторію, лишаетъ ее занимательности, жизни и превращаетъ ее въ холодное отвлеченіе. Достоинно замѣчанія, что мужъ, упрочившій органическіе законы человѣчества, первый началъ преобразование Исторіи, наводя на вѣка минувшіе ихъ естественный цвѣтъ, воскрешая ихъ видъ и особенность. Безъ сомнѣнія въ сочиненіи, посвященномъ полному развитію историческаго періода, каково превосходное твореніе почитателя его — Миллера, гдѣ авторъ имѣетъ обширное поприще для собранія и распредѣленія подробностей; гдѣ описаніе природы еще живой обозначаетъ сцену; гдѣ онъ можетъ остановиться въ пещерѣ Рупли и слушать великодушную клятву паспырей, въ хуторахъ Семпахскихъ изображать невинность, тихую набожность народа; гдѣ звукъ колокольчика спадъ раздается въ горахъ, и гдѣ вся суровость среднихъ временъ соединяется съ картинами самыми ясными, самыми пропагандельными для сердца человѣческаго — въ такомъ сочиненіи, говорю, необходимо должна быть чудная сила истины, очарованіе, живая любовь. Напрощивъ, когда народы полнятся, спѣшавъ съ своему паденію, и когда въ одно мгновеніе надо схватить быстрымъ

взоромъ характеръ каждаго изъ нихъ : какъ же силенъ долженъ бытъ геній , который въ эпоху крапкій промежутокъ изображаетъ ихъ со всѣми ихъ чертами , заставляешь ихъ снова волноваться , дѣйствовать , такъ что всякая почка времени оставляетъ въ васъ опчешистое , ясное впечатлѣніе цвѣта , формы , согласія гармоническихъ тоновъ , здѣсь только сліянныхъ ! Гердеръ въ отношеніи къ вѣкамъ историческимъ поже , что мы въ отношеніи къ воспоминаніямъ собственной нашей жизни : чѣмъ болѣе онъ отдаленъ отъ нихъ , тѣмъ живѣе они рисуются въ его мысли , тѣмъ опредѣленнѣе становятся ихъ образы ; онъ заставляетъ насъ принимать участіе въ ихъ судьбѣ , какъ будто въ жребіи частномъ , и когда они исчезаютъ въ исторіи , вы чувствуете въ себѣ глубокую грусть , твердо зная , что въ этой драмѣ ни одно лицо не возвращается болѣе , и что дѣло идетъ о разлукѣ вѣчной . Но сила , вызывающая предъ вами видѣнія минувшаго , заключается въ какомъ-то волшебствѣ разказа , занимающемъ свой ходъ , свои обороты , свою физиогномію у мѣста , времени , чтобы воскресить ихъ со всѣми ихъ принадлежностями . Облекается ли онъ въ шуманый цвѣтъ , въ неопредѣленные образы

индѣйскихъ религій; обходить ли осторожно тяжелую сполою громады и памятники Египта; кашишь ли съ песками Мессеніи чистое золото, счастливыи отблескъ свѣшила Платонова; одѣваются ли мало по малу спашныя, смѣлыя формы его въ ризы съшованія и печали, когда должно шревожить прахъ могиль, разбирашь надгробныя надписи злополучной Эпрури: вездѣ гибкій духъ его тѣсно соединяетъ съ предметомъ созерцаемымъ, присвоаетъ цвѣшь его, слѣдуетъ за его движеніями, подобно легкому покрывалу, которое, складками обвивая спашую Венеры, выказываетъ роскошныя, гармоническія ея формы.

Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ частей сочиненія безспорно та, гдѣ авторъ, покидая древнія Государства, и вступаая въ лабиринтъ среднихъ временъ, задумывается среди развалинь, его окружающихъ, останавливается и созерцаетъ общія идеи, постоянныя начала, которыя вѣка въ печеніи своемъ успѣли развитъ. Исполинскія бѣдствія разрушающихся Имперій и обществъ, какъ земная персть исчезающихъ, быспро подавляють силы нашего воображенія, сошвореннаго для несчастій менѣе великихъ, для печалей, болѣе ограниченныхъ и слабыхъ. Послѣ

движенія споль шумнаго, зрѣлища споль разнообразнаго, въ самомъ дѣлѣ чувствво верховнаго блаженства наполняетъ душу, когда снова входишь въ незыблемое и вѣчное. Опъ пышныхъ царствъ, на землѣ сіявшихъ, опъ такога множества благородныхъ мыслей, потрясавшихъ сердца людей, опъ такога волненія и грома, оспашаеся сполько нѣсколько отвлеченныхъ истинъ, развитыхъ народами въ быспромъ послѣдованіи ихъ бытія; но, безъ видимаго отношенія къ событіямъ, ихъ содержавшимъ, сіи истины уцѣлѣли, не напоминая ни мѣста, ни времени, словомъ, ничего такога, что бы касалось міра дѣйствительнаго. Это голось вѣковъ, лишенный всѣхъ признаковъ жизни, безъ чувства, безъ спрашти, не скажу безъ краснорѣчія, ибо въ сихъ формулахъ науки скрыты всѣ силы, подвизавшія вселенную, и завоеванная слава и пролишая кровь.

Гердерова мысль — ушвердишь Философскую вѣру нашу въ ту самую минушу, когда мнимое смяшеніе среднихъ временъ легко-бы могло поколебашь ее, — была мысль истинно благородная. Эпоха дѣйствительно единственная въ лѣтописяхъ міра, соединявшая всѣ недоспашки, всѣ прелести неопытности съ нѣкоторыми печальными выгодами соспарѣвашагося обществва; эпо-

ха дивная, когда проспоша ума сливалась съ глубокостію чувствъ, изящесвомъ мыслей и какою-то странностію; вмѣстѣ суевѣрная и ученая, суровая и нѣжная, когда характеры были непоколебимы, сердца покорны и преданность была свойствомъ обыкновеннымъ. Большая часть помысловъ, прославившихъ слѣдующіе вѣка, неопредѣленно уже висала въ умахъ; но понятія новыя, вмѣсто покоя и надежды, тогда возбуждали только смяшеніе и ужасъ, подобно всѣмъ вдохновеніямъ мысли, которыя, не находя выраженія, перзаюшь насъ и гнетущъ. Какая-то грусть осѣняла всѣ отношенія жизни и наводила на обычаи, преданія, памятники и физиогномію людей особый општѣнокъ суровости и печали. Со всѣхъ сторонъ гремѣлъ унылый голосъ смерти, являлись гибельныя знаменія, и порядокъ общеспвенный, всегда непостоянный, внушалъ столько недоувѣрчивости и страха, что каждый годъ казалось, будто міръ достигъ роковаго предѣла и голову погрузиться въ бездны хаоса.

Въ числѣ множества причинъ, по видимому разрушающихъ историческое единство сихъ вѣковъ, вмѣніе Христіанства есть событіе, которое Гердеръ особенно спарался предспавить въ на-

спорящемъ свѣтѣ. Прежде него Лессингъ говорилъ о семь предметѣ въ небольшомъ сочиненіи, блестящемъ мыслями и чрезвычайно важномъ.

Точное знаніе событій и обычаевъ проливаемъ у Гердера яркій свѣтъ на успѣхи и вліяніе Откровенія. Если бы Савойскому священнику пришло на мысль писать исторію Христіанства, онъ бы смотрѣлъ на нее глазами Гердера; и Пропетантскій проповѣдникъ имѣеть съ нимъ много сходства постоянной возвышенностію своей души, вдохновеніемъ, прелестью, тихимъ очарованіемъ своего разсказа, кошорый, по сильный и обдуманый, по полный любви и нѣги, говоритъ всѣмъ нашимъ воспоминаніямъ, и восхищаетъ насъ, пробуждая чувства, по видимому навсегда погасшія.

Ищите книги, кошорая бы заключала въ себѣ болѣе предметовъ изъ сферы опыта, вы не найдете ни одной; ни одной, кошорая-бы имѣла болѣе величія, изящества, болѣе всемірности: гдѣ мужъ, успановившій гармонию въ исполнскомъ зданіи Исторіи, открывшій стройность и мудрость въ нѣдрахъ мнимаго хаоса лѣтъ? Духовное начало развертываетъ поспешенно свои шворенія, свои разнообразныя виды, и пошому большая часть людей останавливалась на случайностяхъ, не схватывая

цѣлости и опшвергая въ немъ благое успройство, единство предназначенія, однимъ словомъ, тѣ пуши Провидѣнія, которыя поражали взоры ихъ на позорищѣ вещесивеннаго міра, коего громады, всегда опредѣленныя, безпрестанно удивляли ихъ.

Безъ сомнѣнія здѣсь не должно искасть ни безприсраспія Макиавеля, ни чистоты Монпескье; когда умъ одинъ совершаетъ успѣхи необъятныя, а душа оспашаеся юною, со всею свѣжестью своей и нѣкопорыми изъ своихъ обольщеній, тогда, говорю, напрасно избираете предметъ, систему, по видимому исключительно принадлежащую почнымъ соображеніямъ разумнія: ваши чувства, ваши воспоминанія спешающа невольна, и превожатъ васъ среди самыхъ опвлеченій, почти шакъ же какъ и въ кругу холодныхъ приличій свѣта. Не смотря на то, имъ должно давать мѣсто, облекаетъ ихъ формами, болѣе или менѣе общими, а это дѣлаеся обыкновенно на счетъ правильности расположенія и спройной гармоніи тоновъ. Дѣйствительна, зрѣлище неожиданное и разительное — видѣшь человека, который глубоко проникаетъ въ законы организма, желая открьшь въ нихъ дивныя свойства существа нравспвеннаго, его самопознаніе и безсмертіе, присоединяя

такимъ образомъ къ строгой силѣ Лукреція святыя вдохновенія Платона. Надо видѣшь его спараніе избѣгать всякаго сближенія съ Метифизикой, какъ сближенія прошивуестественнато, неискупаемаго никакимъ пожертвованіемъ міру видимому. Вамъ кажешся, что для ума, споль медленнаго въ движеніяхъ своихъ, споль непокорнаго убѣжденію, существуешъ одно настоящее, осязаемое; и вдругъ, минушу послѣ, сей почный геній увлекаешъ васъ за предѣлы міровъ и формъ извѣстныхъ, въ сферы красоты, правды, совершенства, куда мы всѣ возносились, когда мгновенный восторгъ одушевлялъ сердца наши, можешъ бышь просвѣщая ихъ. И такъ, главное свойство Гердера то, что, основываясь на самой чувственности, первое развитіе его нравственнаго ученія ведешъ насъ не къ эгоизму Гелвеція, не къ тонкой, язвительной насмѣшкѣ Вошпера, даже не къ началу полезности Гупчесона, но къ возвыщенной теоріи долга, еще болѣе безусловной, нежели теорія Философа Кенигсбергскаго. Поспавленный между скепцизмомъ осмнадцатаго вѣка, коего Метифизику онъ опчасти допускалъ, не принимая нравученія, и школою Канта, коей онъ любилъ направленіе и опровергалъ начало, Гердеръ, по величію мыслей

своихъ , исполненныхъ свяшоспи , кажешся , былъ низпосланъ свыше , дабы согласишь распри , почши не́примиримыя .

Изъ вышесказаннаго видно , что ученіе его есть чувстввенный идеализмъ , особливаго рода пантеизмъ . Вообще , эта Философія замѣняетъ науку самонадѣянносшію , досповѣрность предположеніями , и наконецъ сомнѣніемъ безусловнымъ . Она удовлетворительно объясняетъ извѣстное количество предметовъ низшаго разряда ; и поелику окружаетъ себя личиною очевидности , не распаваясь съ существомъ вещественнымъ , обнимая его со всѣхъ сторонъ , и всѣми силами спараясь показаться врагомъ опвлеченія мешафического : то въ пользу ея говоришь какой-то видъ просподушія и осмопришельности , легко обворожающій умы . Припомъ , въ зашѣяхъ своихъ она знакомится съ поэзією , наводитъ живые цвѣта на формы , самыя неувимыя ; въ безпредѣльномъ полѣ наведеній , ей предшесствуетъ воображеніе , и она плѣняетъ сердца , которыя охотнѣе жертвуютъ мечтамъ , нежели методъ . Но , по мѣрѣ того , какъ ряды явленій возвышаются , ей спонитъ большаго шруда схватывашъ ихъ ; опора ея колеблется , языкъ дѣлается шемнымъ , неопредѣленнымъ , и когда рѣчь зайдетъ объ установленіи великихъ за-

коновъ судьбы, объ исполкованіи сихъ дивныхъ задачъ, поражающихъ души спрахомъ и шрепешомъ, если человекъ, полагаясь на нее, ищетъ рѣшенія ихъ, — она покидаетъ его. Поэзія, сперва служившая только украшеніемъ, превращается въ главное орудіе убѣжденія. Иносказанія, сравненія, шайныя предчувствія, чудеса гаданія, вошь что оспаешся намъ. Но эшошь эфемерный блескъ, эши игры воображенія переходяшь въ туманные, безсильные призраки, когда передъ нами разверзается бездна Паскаля и мы видимъ ее.

Пусть изъясняшь мнѣ шеперь, какимъ образомъ въ Гердеръ Философія сія не опзывается такимъ спрашнымъ непостоянствомъ? За чѣмъ, напрошивъ шого, оспанавливаешься въ ней безъ боязни, какъ въ предѣлахъ науки вѣчной? Въ этой цѣлости вещей и понятій я замѣчаю формы неопредѣленные; инья части недокончаны, покрышы пѣнью; другія взаимно ограничивающъ себя или исключаютъ; и, не смотря на шо, мысль моя здѣсь опдыхаетъ покойно! Не возмущаясь спеченіемъ предметовъ, всегда невѣрныхъ, она находитъ гдѣ спашъ и осмошрѣшься! Эшо потому, что подъ сею зыбкой почвою дѣйствительно есть почка постоянная, убѣжище ненарушимое. Сознаніе бышя,

чувство религиозное, чистое, всемирное, как произвольное убеждение гения, такъ шъсно соединены у Гердера со всеми возрѣніями, такъ далеко, такъ быстро проникли въ глубину и сущность предметовъ, являющихся облеченными въ свойства столь необходимыя, что вездѣ замѣняютъ собою почву зрѣнія Философскаго я, которое посредствомъ ихъ обнаруживается. Вотъ элементъ науки, поддерживающій другіе элементы. Онъ живетъ, чтобы показывать прочность зданія, — а если сіе послѣднее сокрушился, — чтобы спасти насъ на краю бездны.

Мнѣ не должно умолчать объ одномъ обстоятельстве. Когда Гердеръ скончался, друзья его, подошедъ къ смертному одру, нашли руку его охолодѣвшею на спискахъ, имъ только лишь написанныхъ. Прочли слѣдующее :

„ Перенесенный въ обихъ,
 „ли горня, бросаю вокругъ себя вдох-
 „новенный взоръ. Вижу міръ, отража-
 „ющій сіяніе Всемощнаго Существа,
 „его сотворшаго; вижу небо, скинію
 „Вѣчнаго: слабое разумѣніе мое,
 „огбенное къ праху земному, не въ
 „силахъ созерцать сихъ священныхъ
 „чудесъ; оно оспанавливается въ без-
 „молвіи“

Это гимнь Вседержителю, которымъ сей возвышенный Геній заключилъ свое поприще. Чувствую, живошворившему его сочиненію и проливавшему на нихъ какой-то небесный, поржеспвенный свѣтъ, должно было послѣднему угаснуть въ душѣ его.

И сей мужъ почти неизвѣстенъ между нами! и имя его не пробуждаешь ни воспоминаній, ни участія!

Касательно себя, могу сказать, что съ тѣхъ лѣтъ, когда начинаемъ восхищаться геніемъ, спрадашь собственнымъ сердцемъ и сердцами другихъ, эта книга была для меня неизсякаемымъ источникомъ ушѣшенія и радости. Она замѣняла для меня склонности дѣйствительныи, которыя шакъ рѣдки, шакъ написаны горесшью, которыхъ шакъ скоро узнаешь шщепу и несовершеншво. Въ болѣзняхъ, въ поскѣ разлуки, въ медленныхъ шперзаніяхъ души, въ одиночеспвѣ, за ними слѣдующемъ, она поддерживала и умножала мои силы. Никогда, нѣтъ, никогда не случалось мнѣ оставляшь ее, не возимѣвъ мнѣнія, болѣе возвышеннаго о назначеніи человекъ на земль; никогда, безъ вѣры болѣе швердой въ царшво разума и правды; никогда, безъ живаго чувства любви къ свободѣ, ошечеспву и гошвовности на всякое доброе

дѣло. Сколько разъ, закрывая сію книгу, думалъ я съ теплой радостію въ сердцѣ: вошь человекъ, котораго желалъ бы имѣть другомъ! Но не такъ легко съ самой юности встрѣшимъ того, кому заранѣ посвящилъ тайное удивленіе. Надо довольствоваться словами его, охлажденными могилой, и ожидать дня, когда всѣ разумнѣя великія и малыя соединятся; ибо, не могу предсказать, чѣмъ и тогда, какъ въ наши времена, любовь и удивленіе не взаимныя, остались безъ награды, иногда пренебреженныя, а чаще вовсе неизвѣстныя ихъ виновникомъ.

По крайней мѣрѣ, намъ осталась наука, сколько имъ любимая; и, предаваясь изслѣдованію ея законовъ, думаемъ, будто не всякое сообщеніе прекращено для насъ съ разумнѣемъ сколько благороднымъ.

Постараемся не терять изъ виду цѣпи, соединяющей насъ съ вѣками минувшими, не заблудимся на землѣ совершенно. Жизнь сама по себѣ довольно великое таинство; несчастливъ, кто углублялся въ него! Не оставимъ въ равной неизвѣстности сего спеченія существъ, живущихъ преданіемъ, которыя измѣняютъ ее; не вѣдая чѣмъ такое мы, узнаемъ по крайней мѣрѣ, чѣмъ такое они, откуда, и какимъ ря-

домъ явленій достигли они до нашего темнаго убѣжища. На эпомъ основаніи здѣсь оспается показать въ безмѣрномъ полѣ нѣсколько почекъ соприкосновенія между Исторіею рода человѣческаго и нравственною Философіею: почему воспоминанія рода отражаются въ недѣлимомъ? Какъ согласуются онѣ съ его собственными впечатлѣніями? Какой законъ предписываютъ они его личной дѣятельности? Однимъ словомъ, какія истины видишь онѣ въ гармоніяхъ на сценѣ времени? Великіе вопросы, коихъ разрѣшеніе пребудетъ пространныхъ томовъ! Здѣсь всѣ памфлеты безсильны, всѣ умолкаютъ, если не согласимся войти въ самихъ себя, искренно, твердо. Это уже не та исторія, которую можно прочесть въ твореніяхъ людей, на камняхъ, на землѣ; но исторія въ томъ видѣ, какъ она отражается, написана во глубинѣ нашихъ душъ, и, кто внимательно слѣдовалъ бы за своими внутренними движеніями, нашелъ бы всѣ ряды вѣковъ погруженными въ своей мысли. Хотѣлъ ли бы онѣ дать истинно прочное основаніе своей исторической наукѣ, онѣ началъ бы съ тѣснаго объема своего частнаго я; и отсюда, необходимыми слѣдствіями, сквозь громады царствъ и народовъ, достигъ бы до хижины Эвандра, до шашра Іакова, до пальмы Зороаспра.

Дѣйствительно, чѣмъ болѣе вопрошаю себя, тѣмъ болѣе увѣряюсь, что для меня ничто не равняется тому дню, когда, упомянутый разсѣянными образами, носящимися на волнахъ вѣковъ, но безъ цѣли и видимаго порядка, узнавъ наконецъ связь, ихъ соединяющую, я въ первый разъ увидѣлъ, будто съ горной вершины, почти безконечное число существъ, мнѣ подобныхъ, жившихъ до меня.

При видѣ сей необъятной толпы лѣтъ и народовъ, я съ радостью почувствовалъ, что не одинокъ во временахъ. Дивная любовь влекла меня къ каждому изъ моихъ братьевъ, которые, будучи разбросаны по всему пространству годовъ, жили пою же жизнью, прежде меня наслаждались тѣмъ же солнцемъ, пою же землей, опдыхали на берегахъ тѣхъ же рѣкъ, и созданные подобно мнѣ для настоящаго и будущаго, знали тѣ же волненія удовольствія и грусти, любви и ненависти. Я не могъ сказать, какія были ихъ лица и черты, не могъ назвать ихъ по именамъ; но вѣдалъ, что они существовали, и что когда думали о попомствѣ, тогда, неопредѣленно заключенный въ ихъ мысли, я жилъ въ нихъ, какъ они теперь живутъ во мнѣ. Я догадывался, что если бы не произошла въ мѣръ ша-

кая или другая извѣстная форма, существо мое, какъ оно ни бренно и ограничено, не было бы шѣмъ, чѣмъ должно бышь. Со всѣхъ почекъ времени каждое царство досылало до меня законъ, идею, начало явленій, условливавшихъ судьбу его. Безъ моего вѣдома, древняя Халдея, Финикія, Вавилонъ, Мемфисъ, Іудея, Египеть, Эпирурія, заботились о воспишаніи моей мысли и двигались во мнѣ. Чудное зрѣлище для меня было — находить въ себѣ ихъ живыя развалины, и ощущать въ груди моей, вмѣсто бродящаго, легкаго дыханія, исчезающаго съ каждымъ вздохомъ, безсмертное вѣяніе души чело-вѣческа, копорую существо мое приняло, какъ далекій звукъ, опголосками до него донесенный.

По мѣрѣ развитія этого длиннаго ряда приключеній, я болѣе и болѣе собиралъ разсѣянные стихіи, составляющія мою особность; чтобы разгадать шайну существа моего, мнѣ должно было вопрошать развалины Воспока, нѣмыхъ оракуловъ Греціи, поляны Галліи, лѣса Германіи. Я ошпанавливался и слушалъ во глубинѣ души моей шумный шумъ вѣковъ прошедшихъ. Я жилъ уже не въ себѣ, но въ этой смущенной громадѣ народовъ и царствъ, мнѣ предшествовавшихъ, и шакъ предавался имъ,

что нѣсколько времени мнѣ казалось, будто личность моя гопова забылась и пропала въ общемъ сознаниіи рода человѣческаго.

Но меня ожидало другое явленіе. Ни груды развалинъ, ни сокрушенныя Имперіи, разбросанныя имена, кровь, слава, сонмы вѣковъ не наполнили пустыоты души моей: въ ней оставалось еще необъяснное пространство, гдѣ висали шуманныя призраки, гдѣ горѣла борьба незапамятная. Напрасно сердце мое рыдало слезами, медленно пролитыми человѣческимъ родомъ; не рѣдко удивлялся я, что созданное для воспоминаній о столькихъ вѣкахъ, оно не можетъ выдержатъ воспоминанія вчерашняго, которое безвозвратно подавляетъ его. Для услажденія быспраго печенія дней моихъ, я долженъ былъ рассказывать паденіе Вавилона, плененіе Израиля, и вмѣстѣ здѣсь и тамъ выслушивалъ суешныя повѣсти, лепетанье женъ и дѣшей; я искалъ еще около себя какихъ-то игрушекъ, когда взоры мои обращались на безпредѣльное позорище временъ. Что возмутило бы душу мою на развалинахъ Пальмиры, то извлекало вздохъ изъ груди моей близъ пустынного крова сироты. Имена столькихъ невѣдомыхъ героевъ, знакомыхъ мнѣ въ сумракѣ жизни домаш-

ней, обихали и роднились въ моей мысли съ славными именами Поссидонія, Дассаса, Св. Викенсія, и для сердца моего тяжелье обелисковъ Египша, гробовъ Ишаліи, Эпрусскихъ урнъ, гранитовъ Галліи и Каледоніи былъ камень, узкій камень, покрывающій оспашки моего друга.

Все, что зависить отъ силъ человеческихъ, подвержено великимъ законамъ измѣненія, и одинокое существо наше, безъ опоры и связи съ міромъ, покоряется имъ болѣе всего оспальнаго. Не спанемъ же удивляться непостоянству нашихъ желаній, быспрогъ впечатлѣній, когда царства увядають подобно цвѣшамъ, и самыя прочныя постановленія разрушаються такъ скоро. Въ этой бурѣ, разбивающей, однѣ о другія, огромныя полипическія зданія, намъ удѣленъ былъ крашкій день, чтобы любить, забывашь, и, по брэнности соспава нашего, повиновашься во всемъ ихъ судьбамъ высокимъ. Таже сила, которая опрокинула Азію на Египешь, Египешь на Грецію, Грецію на Ишалію, простираешь свои опустошенія до глубины нашихъ душъ, сокрушая одну надежду другой надеждой, одно желаніе другимъ желаніемъ, одну печаль другой печалью.

И, не смотря на то, должно думать, что въ медленной опытности сего множества существъ, намъ предшествовавшихъ, съ чувствами и спрашьями во всемъ подобными нашимъ, есть такіе запасы силъ, которые еще несовершенно извѣсны чловѣку. Жребій часный, столь непонятный, когда заключающъ его въ кругъ предметовъ ограниченныхъ, объясняется постепеннымъ сдѣвленіемъ обществъ полипическихъ; и не многіе дни, проводимые нами на земль, какъ бы ни казались бѣдны, не выходятъ до того изъ всемірной гармоніи вѣковъ, чтобы съ нею не сообразоваться, и не заимствовашъ отъ нея прелестей. Или Испорія рассказываетъ жизнь особаго лица, или жизнь народа, или жизнь чловѣчества, гдѣ исчезаютъ народы и лица: но сіи три рода бышя, какъ бы ни были они различны по величинѣ, имѣютъ между собою то же сходство, которое находится между цѣлымъ и частію, изображающею цѣлое; они обнимаютъ въ общемъ порядкѣ вещей пространство болѣе или менѣе обширное, и въ каждомъ кругѣ, ими обтекаемомъ, выражаютъ собою пождества и почки соотвѣтственныя; что говорится объ одномъ, можетъ относиться и къ другому; они взаимно воспроизводятся, и,

подчиненные одинакимъ законамъ, представляющъ въ развитіи своемъ явленія совершенно сходныя. Изъ этого-то единства рождается гармоническая красота Исторіи, въ ея огромнѣйшихъ размѣрахъ. Тотъже постепенный рядъ, обнаруживающійся въ ходѣ обществъ политическихъ, показывается въ послѣдованіи нашихъ частныхъ силъ, и лишь покоряясь оному, мы дѣлаемся сообразными съ человѣчествомъ. Мы, къ достиженію благихъ цѣлей, не имѣемъ ни долговѣчности народовъ, ни ихъ древнихъ преданій: наши воспоминанія малолѣпны; но этого достаточно для судьбы; и человекъ, которъ въ своей тѣсной сферѣ постоянно преслѣдуетъ идеальное существо, въ немъ сокрытое, предъ судомъ Вѣчнаго равенъ царству, въ теченіи долгой жизни своей проявляющему святыя законы разума и свободы. Лишь только законъ человечества превратился въ собственнъй нашъ законъ, мы начинаемъ жить жизнью всемірною, и наслаждаемся полною я. Сердце, не знавшее гдѣ опдохнуть, повсюду опвергаемое вещами, имѣетъ свою опредѣленную роль, свою важность въ порядкѣ временъ; и покаместъ занимаетъ въ немъ мѣсто, горитъ любовію всегда свѣжею и никогда не обманывается. Если настоящій часъ и эпитъ немно-

гіе предметы, ему вспрѣчавшіеся, оспавляюшь его въ одиночествѣ и недоумѣніи, оно находить себѣ пищу въ мысли вѣковъ, съ коими соединено неплѣвными узами, и укрѣпляется въ силахъ. Не думайте, чпобы, достигнувъ сей почки, существо частное опредѣлялось какимъ либо промежуткомъ отъ человѣчества, его живошворящаго; напрошивъ, человѣчество въ немъ сосредоточивается; оно продолжается въ немъ со всѣмъ рядомъ своихъ будущихъ судьбъ: въ такомъ случаѣ существо частное съ нимъ сообразно, пождественно; оно носитъ въ себѣ человѣчество, отражаетъ его, и покаместъ пребываетъ сія связь, существо частное сильно, могуче, непобѣдимо для міра: оно покоится въ нѣдрахъ блага высшаго.

Отсюда выводятся прекрасное слѣдствіе: каждый человекъ спремится къ совершенству съ быспрошою, соразмѣрною краткости его жизни. Родъ человѣческой спользіями считаетъ разные періоды своего воспитанія; мы имѣемъ дни и часы для выраженія сошвѣтственной величины въ развитіи нашихъ частныхъ силъ. Черезъ нѣскольго годовъ мы достигаемъ степеней, куда человѣчество возшло послѣ долгаго, тяжкаго пути; намъ тогда должно умереть, а оно продолжаетъ свое шеніе.

ствіе и подвигаешься къ спранамъ , до копорыхъ мы не могли доспичь въ быспрое теченіе нашего существованія. Но развѣ съ этой минушы цѣпь , связывавшая насъ съ нимъ , разорвалась? Развѣ единство, общее отношеніе предназначенія, исчезло? Развѣ это отраженіе цѣлаго въ часпи , это пождество закона, эпошь гармоническій ходъ двухъ существъ къ одному центру -- шолько суешныя случайности? Одно разрушено ли въ своемъ спремленіи , а другое осуждено на вѣчное одиночество? Нѣшь, безконечный Богъ ! я не могу сему вѣришь. Заключаю изъ этого , что , между шѣмъ , какъ родъ человѣческій проходишь на землѣ поприще совершенствованія , человѣкъ въ частномъ значеніи продолжаетъ свое теченіе въ новой опчизнѣ , въ новомъ видѣ , изгошованномъ для него десницею Провидѣнія.

Если опъ закона человѣческаго перейдемъ къ самому человѣчеству , и если , слѣдуя за нимъ во всѣхъ изворотахъ , спросяшь наконецъ , какое чувство должно внушать существо , волнуемое такимъ вихремъ случайностей? опвѣчаю : глубокое , священное благоговѣніе. Изо всѣхъ разумныхъ волей , одно Существо существъ не имѣеть исторіи : одинъ вѣкъ , одинъ языкъ , одинъ памятникъ. Если человѣчество

оспановишься, оно переспанешь жить, или, скажемъ лучше, оно будетъ всѣмъ: оно пропадетъ и исчезнетъ въ Божественной мысли. Порядокъ вещей осуждалъ его на измѣненія; но сіи перемѣны не иное что, какъ успѣхи, и пошъ же знакъ выражаетъ и слабосшь его и силу. Обладай оно съ самаго начала власшью, копорую приобрьтаетъ поспешенно надъ мїромъ слѣпымъ, неопытнымъ, и кто скажетъ, во что бы оно упошребило свое могущество, и до какой степени обрашило оно на самаго себя? Если бы оно заранѣ знало, сколькими слезами должно купишь сію власшь, можетъ бышь оно опказалось бы идши пушемъ, гдѣ шеперь находишься, и кошораго исхода никто не предвидишь.

Напрошивъ, какимъ медленнымъ воспитаніемъ природа хошѣла приучишь человека къ шворческой силѣ, ему удѣленной! Есть такія слова его, кои обнимають всю Исторію царствъ. Когда все, что окружаетъ его, — свѣшило, его озаряющее, волна несущая его ко берегу, съ самаго начала знаютъ свое всегдашнее предназначеніе, — одинъ онъ не знаетъ своей участи, и каждый вѣкъ опкрываетъ ему новыя шайкы его существа. Но это высокое незнаніе о самомъ себѣ, приводимое многими въ доказательство его ничшожности, есть именно шо свой-

ство, которое свидѣтельствуетъ міру его славу, его несокрушимое могущество ; въ наши времена даже, по непонятнымъ, неопредѣленнымъ движеніямъ нашихъ душъ, надо думать, что развитіе нравственнаго человѣка еще далеко не окончано. Можетъ быть наступитъ день, когда истины, теперь насъ смущающія, невыразимыя нашими словами, содѣлаются общимъ источникомъ добродѣтелей и красотъ нравственныхъ, о коихъ мы не имѣемъ никакого понятія, какъ Сафо не имѣла понятія о любви Элоизы, какъ Зенонъ или ученики его не знали Философіи Св. Викентія. Но, каковы бы ни были сія законы нравственности, они должны основываться на опытахъ предшествовавшихъ ; и, хотя намъ не дано опредѣлить ихъ формы, современный намъ порядокъ вещей, наши нравы, наши законы войдутъ въ составъ ихъ. Существо чудесное ! Если бы одинъ изъ его племени пережилъ общее разрушеніе, онъ бы носилъ на себѣ печать вѣковъ минувшихъ и напоминалъ объ исчезнувшемъ мірѣ ; ибо природа въ каждомъ членѣ человѣчества создала слѣдствіе и образъ цѣлаго.

Наконецъ, готовый оставивъ волненіе земное, увѣренный, что тѣ же истины, выведенныя изъ созерцанія и

началь вещественнаго міра, отражающіяся и въ согласныхъ гармоніяхъ Исторіи, когда я искалъ божественной мысли въ мнимомъ хаосѣ лѣтъ, я съ восторгомъ нашель, что пошъ, кто позолотилъ скашы луговъ и расписалъ лазурью крылья колибри, не пренебрегъ славы Вавилоня и облекъ довольно богатыми ризами древній Персеполь, сповратыя Оивы, Тиръ, Мемфисъ и Сидонъ: грады Халдейскіе, царства Ассиріянъ, Мидянъ и Евреевъ не болѣе гнѣзда зяблицы и лисника розы пятагопашъ на длани его: онъ забошлся о судьбѣ ихъ какъ забошлся о семьѣ пшцы и вращалъ подъ дубомъ слабыя вѣтви куснарника. Если Богъ, по необходимымъ законамъ наклонилъ урны рѣкъ, распредѣлилъ мудро скалы и долины, степи и мѣста плодоносныя; если Онъ до безконечности разнообразилъ виды расшеній, голоса живошныхъ, и спройность опъ сего происходящую, — Онъ съ шакою жъ мудросшію разсыпалъ въ пошокъ времянь поколѣнія и семейства, народы и языки; всякое государство являешся, когда насшаешъ его чреда, въ шомъ именно видѣ, кошорый нужень для міра. Всѣмъ Онъ далъ особенную форму, физіогномію собшвенную, и, безъ сомнѣнія, если могли сказашь, что сводъ небесный, эхо горъ, разли-

вы морей, что это смѣшеніе цвѣтовъ, звуковъ, благоуханій, одушевляющихъ пространство, и суешной, непостоянной радостью ласкающихъ наши чувства, суть выраженія его мыслей: то, клянусь, иная поэзія, иное краснорѣчіе раздаются живыя въ гармоніи вѣковъ; потому, кто внималъ имъ одинъ только день, всѣ другія рѣчи покажутся пустыми и ничтожными. Каждый народъ, падающій въ бездну, есть опзывъ гласа Божія; всякое государство само есть только перерванное слово, разбитый образъ, недокончанный стихъ вѣчной поэмы, копорую время должно развивать. Слышите ли сію священную рѣчь, гремящую, распущую съ вѣками: она то продолжается, то упихаетъ, оспавляя каждое поколѣніе въ невѣденіи о слѣдующемъ словѣ? Подобно рѣчамъ человѣческимъ, она имѣетъ свои иносказанія, свои восклицанія гнѣвныя, свое движеніе и опдыхъ, въ продолженіе коего слышны только вздохи упомленныхъ народовъ и глухой скрипъ дряхляющихъ царствъ.

Перев. М. Р.—з—б—ргъ.

К Р И Т И К А.

Русскія книги.

Двойникъ или мой ветеръ въ Малороссіи. Созищеніе Антонія Погорѣльскаго. Двѣ части. С. Пешербургъ. При Императорской Академіи Наукъ. 1828. Въ 8 ю д. I. 177 стран. II. 202 стран.

Міръ фаншазіи имѣеть свои законы, свои условія. Если мы спанемъ смошрѣшь на явленія сего міра шѣми же глазами, какими смошримъ на міръ сущесшвенный, — все намъ покажеться не шолько спранно, но даже нелѣпо. Сей послѣдній граничить съ міромъ фаншазіи шолько шѣми явленіями, кошорыя оспаюцца вѣчною загадкою для ума челошѣческаго. Таковы многіе таинсшвенныя феномены природы и души, какъ шо: явленія духовъ, предсказанія, чары, мершвецы и проч.

Мы живемъ въ вѣкѣ сущесшвенности; богашыя опытами сполѣшій, мы уже разочарованы; испинный міръ фаншазіи для насъ разлешѣлся давно, — и, кажеться, мы во всемъ усшремилисъ къ видимому. Искусштво принимаетъ шоже направленіе. Если оспались еще запасы у насъ для фаншазіи, шо они сущесшвуюшъ болѣе въ срединѣ, нами замѣченной, въ шѣхъ чудесахъ, мнимыхъ несообразноспяхъ, въ шѣхъ неразгаданныхъ явленіяхъ, кошорыя принадлежатъ и міру видимому. Сіи запасы давно уже служили испочникомъ для многихъ Романишповъ, а особливо Нѣмецкихъ.

И къ намъ ошь сихъ послѣднихъ привилась сія охота. Изъ эшаго чишашели объясняшь происхожденіе и ошчасши содержаніе повѣстей *Двѣйника*.

Но у Нѣмцевъ же, кошорые превосходяшь всѣхъ Европейцевъ спрасшію ко всему необыкновенному, ешь пословица: *Träume sind Schäume* сны — пѣна. Въ самомъ дѣлѣ, не смошря на шо, что ваше любопытство, ваша склонность къ мечшашельности, увлечены на время занимашьелными разсказами о чудесномъ, — вы, послѣ нѣсколькихъ пріятныхъ часовъ забвенія, не находите въ душѣ своей никакого сильного чувства, ни мысли, словомъ, никакого послѣдствія. Вотъ ощущение, произведенное на насъ чтеніемъ *Двѣйника*.

Форму, въ кошорой разсказывающя повѣсти, Авторъ изобрѣлъ весьма прилично ихъ содержанію. *Двѣйникъ*, по преданіямъ Малороссіи, ешь призракъ человека, ему же являющійся. Въ самомъ дѣлѣ шакія небылицы, шакія сказки, мы любимъ иногда разсказывать *самимъ себѣ* въ припадкахъ уединенной мечшашельности, всегда склонной къ чудесному.

Главныхъ повѣстей, составляющихъ содержаніе *Двѣйника*, чешыре: *Изидоръ и Анюта*, *Пагубныя послѣдствія необузданнаго воображенія*, *Лафертовская Маковница* и *Путешествіе въ Дилижансѣ*. Первая изъ нихъ весьма обыкновенна и не ошановила нашего вниманія. Третья всѣхъ болѣе

намъ нравишься, ибо въ ней фантазія не прешунаешь позволенныхъ границъ чудеснаго, — и всѣ образы, не смотря на сумракъ, въ кошорый облечены, яснѣе и живѣе говоряшь воображенію, и даже оспавляющъ пріятное впечатлѣніе. Въ двухъ другихъ повѣстяхъ, напрошивъ, видна крайность своенравной и даже необузданной фантазіи, прешупившей границы всякаго вѣроятія. Одинъ молодой человекъ влюбляется въ куклу, дѣйствительно прекрасную: эша кукла ходишь по ярмаркѣ, танцуешь при всѣхъ на балѣ. Другой такъ сильно привязанъ къ обезьянѣ, что для нея жертвуешь лучшими чувствами человѣческими. Такія несообразности, еслибъ и въ самомъ дѣлѣ существовали, — не могутъ производишь на насъ ощущеній изящныхъ. До такихъ крайностей можешь доходишь фантазія народа, кошорый опъ излишка опытности уже привыкъ ко всему и обращаетъ вниманіе на однѣ чудеса самыя чудесныя. Такъ на пр. Французы дожили до ужасовъ Мелодрамы; Нѣмцы до повѣстей непостижимыхъ. У насъ, ни въ чемъ еще, слава Богу, не дожившихъ до крайности, такое стремленіе можешь бышь только прививнымъ, а не естественнымъ; посему-шо въ двухъ повѣстяхъ, нами помянутыхъ, мы видимъ явное подражаніе Гофману.

Форма, избранная Авторомъ, позволяла ему рассказывать не только повѣсти, но и анекдоты въ томъ же родѣ, большею частію взятые изъ

Исторіи. Иногда собесѣдники вдаются и въ разсужденія, изъ коихъ одно преимущественно останавливаетъ вниманіе и побуждаетъ къ размышленіямъ. Это — теорія ума и нравственныхъ свойствъ чловѣка. *Двѣйникъ* представляетъ разные виды ума, какъ рода, какъ чего-то общаго; сіи виды, по его мнѣнію суть: здравый разсудокъ, проницаемость, поняшливость, глубокомысліе, дальновидность, остроуміе, ясность, смѣшливость, остроша, хитрость, ученость, память. Замѣшимъ, что выводы *Двѣйника* совершенно произвольны: для вѣрности такой классификаціи необходимо какое нибудь начало; — иначе весьма легко смѣшашъ видъ съ родомъ. Въ эту ошибку онъ, кажется, попалъ и здѣсь. Дальновидность очень близка къ проницаемости, ясность къ здравому разсудку, смѣшливость къ остроумію. Далѣе: со способомъ опредѣлять людей по показанной фигурѣ, совершенно механическимъ, согласишься никакъ не возможно. *Двѣйникъ* произвольно опредѣляетъ гранами умственныхъ способностей чловѣка, не предполагая никакого взаимнаго отношенія между ними, какъ будто бы присутствіе одной способности въ чловѣкѣ не зависѣло отъ другой. Въ образованіи ума чловѣческаго, кажется, не механической процессъ участвуетъ, а химической; химическое сочешаніе его способностей, ихъ еродство и отношеніе — вотъ загадка Психоло-

га. И только съ почнымъ разрѣшеніемъ оной мы можемъ приобрѣсти теорію познанія людей. Иначе всѣ предположенія произвольны и ведутъ или къ несообразностямъ или къ противорѣчіямъ. Такъ на пр. Двѣйникъ въ Н. Н. предполагаетъ 4 грана пронцапельности и ни одного дальновидности: явное противорѣчіе! Тоже должно сказать и о нравственныхъ свойствахъ души человѣческой, также подверженныхъ химическому процессу.

Намъ осмѣается сказать, что разсказъ въ сей книгѣ увлекаешь своею ясношью, живосшью, полношю безъ повшореній. Правда, что разговорный слогъ не имѣетъ своего насшоящаго достоинства и сбивается иногда на книжный; но вообще говоря, немногія книги писаны у насъ такимъ заманчивымъ слогомъ, какъ это сочиненіе.

С. III.

Опытъ въ стихахъ Ивана Борозды, съ эпиграфомъ: O Poésie! que tu offres de moyens de bonheur ou de malheur à tes amans les plus favorisés!
Москва. Въ Тип. Селивановскаго. 1828. въ 8-ю д.
IV. 172 стран.

Стихотворенія Павла Межакова. С. Пешербургъ. Въ Тип. Медиц. Депаршам. Министер. внушр. дѣль. 1828. въ 8-ю д. 204 стран.

Мы говоримъ вмѣстѣ о сихъ двухъ стихотворцахъ, пошому что они сходствуюшъ между

собою характеромъ и содержаніемъ поэзіи, и, по нашему мнѣнію, рядомъ занимающъ мѣсто въ современной Русской Словесности.

Они, какъ кажешся, спояшъ на рубежѣ между прошекшимъ и новымъ поколѣніемъ стихотворцевъ, и какъ будто вмѣстѣ согласились пропѣть послѣднюю пѣснь о прошломъ, о быломъ, о непостоянствѣ счастья, о суешахъ сего міра, о прелестяхъ жизни уединенной, о наслажденіяхъ юности. Къ сожалѣнію, всѣ предметы ихъ пѣсень нынѣ сдѣлались общими мѣстами или темами, на которыя можно даже импровизировать стихи, не размышляя и не чувствуя. Къ этимъ общимъ мѣстамъ, каковы на пр. Прощанія съ родиною, съ юностью, Уединенія, Утѣшенія, Разлуки, Посланія къ друзьямъ все о тѣхъ же предметахъ, принадлежащъ и нѣкоторыя пѣсы Ламаршина, какъ то: *Одиногество*, *Осень*, *Убѣжище*, которыя мы не въ десятыи разъ встрѣчаемъ въ переводахъ; а особливо первую,

Таковъ вездѣ ходъ Лишеращуръ! То, что сначала такъ свѣтло, такъ живо ощущалось въ произведеніяхъ оригинальнаго Поэта, болѣе и болѣе хладѣетъ въ ушахъ подражателей и наконецъ, лишенное внушрней, жизненной силы, лишенное души, переходитъ въ однѣ мертвыя, пустыя слова, которыя спановящся общими мѣстами. Жуковскій, давъ новое направленіе Поэзіи Русской, увлекъ за собою толпу подражателей

холодныхъ. Гг. Борздна и Межаковъ послѣдніе стоятъ въ ряду ихъ и оспиваютъ прошедшую юность. Но и по этимъ общимъ мѣстамъ можно отчасти судить о степени образованія лирическаго народа.

Если произведенія нашихъ двухъ Поэтовъ весьма бѣдны содержаніемъ, то не лзя не похвалишь ихъ за форму: — за слогъ, вездѣ ровный, гладкій, чистый и по большей части правильный. Это служитъ утѣшительнымъ доказательствомъ усовершенствованію языка нашей Поэзіи. Всѣ сіи достоинства, исключая правильности, которая важнѣе другихъ, сдѣлались общою принадлежностію всѣхъ стихотворцевъ средняго и новаго поколѣнія. Сіи достоинства Гг. Борзdney и Межакова принадлежатъ ихъ вѣку.

Что же собственно принадлежитъ симъ Поэтамъ? Въ ихъ произведеніяхъ вездѣ видна цѣль нравственная, благородный образъ мыслей: вошь неощемлемое ихъ достоинство.

Мы еще выше замѣтили странное въ нихъ сходство. Въ самомъ дѣлѣ предметы ихъ сочиненій почти совершенно одинаковы: даже иногда сходящаяся они заглавіями піесъ. Образцы подражанія одни и тѣже: Ламаршинъ, Оссіанъ (ш. е. передѣланный Бауръ-Лормьяномъ), Мильвуа и другіе. Въ слогѣ разительное сходство: для примѣра мы составили изъ ихъ переводовъ Ламартиновой Элегіи: *L'isolement*, одинъ переводъ. Чи-

шатели не повѣрятъ намъ, что сіи строфы писаны двумя лицами. Какой нибудь шерпѣливый стихособирашеть могъ бы такимъ образомъ изъ оригинальныхъ стихотвореній составить посредствомъ накопленія новыя и издашь ихъ въ видѣ *Новаго Опыта*.

Какъ часто на горѣ, подъ дубомъ наклоненнымъ,
Печально я сажусь вечернею порой;
Блуждая взорами по доламъ омраченнымъ,
Гдѣ вижу и поля и сѣлы предъ собой!

*

Здѣсь мушный шокъ шумишь умноженный отъ бури,
И пѣнная на немъ волнуется бразда!
Тамъ дремлетъ озеро — и шихихъ водъ въ лазури,
Блิสлая, свѣшится вечерняя звѣзда.

*

Вершина мрачныхъ горъ, увѣнчаныхъ лѣсами,
Блѣднѣющаго дня лучемъ озарена;
И окруженная сѣдыми облаками,
Задумчиво плыветъ по небесамъ луна!

*

Отъ колокольни шамъ высокой и шаринной,
Протяжный, томный звонъ разносится вокругъ;
Прохожій слушаешь — и колоколь пусынной
Съ послѣднимъ звукомъ дня свой смѣшиваешь звукъ,

*

Но сихъ плѣнительныхъ каршинъ очарованье
 Не можешь возврашишь мнѣ чувства прошлыхъ
 лѣтъ!

Какъ стѣнь бродящая смошрю на мірозданье
 И солнца жизни сей меня не грѣшь свѣтъ!

*

О вы, любезныя мнѣ сельскія картины!
 Что измѣнило васъ? гдѣ ваша красота?
 Поля, холмы, ручей, прелестныя долины!
 Одной не спало здѣсь — и всюду пустоша.

*

Зрю: года времена смѣняющся чредою,
 И Фебъ свершаетъ путь въ *прелестной лѣпотѣ*;
 Но, какъ цвѣшокъ долинь подсѣченный косою,
 Я равнодушенъ спалъ къ природы красотѣ.

*

Когдажъ, горѣ полешь направа легкокрылый,
 Ябъ улещѣлъ подъ кровъ безвѣстныхъ стѣхъ небесъ,
 Гдѣ беззакашныя и вѣчныя свѣшили
 Разсѣялибъ густой шуманъ моихъ очесъ;

*

Тамъ я нашель бы вновь любовь и упованье,
 И шопъ душевныхъ думъ таинственный предмещъ,
 Къ кошорому влечешъ невольное желанье,
 Кошорому еще названья въ міръ нѣтъ.

*

Почшо я не могу съ грядущею зарею
 Доспигнушь приспани обѣшованной сей;
 Къ кошорой смершныя, гомнишельной сполою,
 Спѣшашъ пушями бѣдъ, печалей и скорбей?

*

Падешъ изсохшій листь съ древесныя вершины,
 Вечерній дуешъ вѣспрь и мчипъ его въ поля.
 И я опшверженный какъ листь среди долины:
 О вѣспры бурныя, умчите и меня!

Замѣшили ли чпшашели хошя малое различіе
 въ слогѣ опдѣльныхъ спрофѣ? — Спранное
 сходство!

Чѣмъ выше писашель, тѣмъ болѣе выражаешъ
 онъ въ произведеніяхъ свой собспвенный харак-
 теръ, свою индивидуальность. Писашели же, зани-
 мающіе низшія спупени на лѣспвицѣ лишспера-
 шурной, болѣе имѣюшъ общихъ признаковъ такъ,
 что на послѣднихъ спупеняхъ нѣшъ никакого раз-
 личія между *особыми*. Таковъ вездѣ законъ приро-
 ды, расшенія ему же подвержены: всякой съ пер-
 ваго раза опшличишь кедръ опъ дуба, пальму опъ
 березы; но для различенія мѣлкихъ шравъ по-
 шребны зоркіе глаза Ешеспшвоиспышашеля.

С. Ш.

Киргизскій Пльнникъ, повѣсть въ стихахъ Н. Муравьева. (Взяша съ (!) истиннаго произшествія Оренбургской линіи.) Москва. Въ Тип. Авгу-ста Семена. 1828. въ 8-ку. 50 с.

Есть у насъ Кавказскій Пльнникъ: надо бы-ло явиться Киргизскому. А давно ли говорили мы объ Евгеніи Вельскомъ? — Такова спрасшь къ подражанію!

Повѣсть шакже начинается описаніемъ Киргизовъ; есть и пѣсня Киргизская; есть бишва съ Козаками; есть Пльнникъ Ѳедоръ; есть воспомина-нія; есть Киргизка; есть любовь . . . все шакъ, но конецъ не пошь. Русской не любилъ Черкешен-ки; Ѳедоръ влюбился въ Баяну; они убѣжали оба, — и веселымъ пиркомъ да за свадебку.

Эшо все обыкновенно, но найдущя многія новыя необыкновенныя рѣдкости. Кромѣ Калмыц-кихъ словъ, какъ на примѣръ: язюрень (невольникъ), калыма (невѣща) и презабавнаго стиха въ кал-мыцкомъ родѣ:

Какъ каракуй-руки рѣзвились.

ш. е. дикія козы, — встрѣшите много рус-скихъ выраженій едва ли не въ пошь же родѣ. Вошь для примѣра: *въ огахъ у Козаковъ туманъ бодрости, пылкійгасъ самозабвенья летаетъ въ ласковыхъ привѣтахъ, златныя спруи рѣчки шу-мятъ прохладой, порхаетъ счастливая нѣга, мелькала сладость на ушахъ, порхало шептанье.*

Авторъ зналъ, что Критика найдетъ на стихъ застѣнчивый, унылый, но, говоришь онъ,

Но, други! смерть не все беретъ :
 Есть жизнь еще и за могилой,
 Гдѣ солнце ясное взойдетъ.
 Пусть кристикъ съ зависти (!) лорнетомъ
 Готовишь мстительный (!!) укоръ :
 Не переспавши бытъ поэтомъ,
 Я буду веселъ въ шумъ ссоръ.

Странное утѣшеніе! На поэта нападетъ Кри-
 пика, а онъ утѣшился тѣмъ, что душа его без-
 смертна, что онъ съ кѣмъ нибудь пошумитъ и
 поссорится, и на зло будетъ писать стихи. Это
 все еще ничего; но Авторъ думаетъ, что ему
 можно завидовать. Положимъ, что и это такъ;
 но за что же мстить? Не ужели за то, что онъ
 написалъ повѣсть въ стихахъ? — Стояшь ли
 такая бездѣлица зависти и мщенія?

Стихи вообще довольно гладки, и не лѣзя не
 пожалѣть, что Авторъ употребляетъ перо свое
 на бесполезное повтореніе чужаго, и не вникаетъ
 въ то, что говоритъ. *Понимать себя* часто
 труднѣе бываетъ, чѣмъ другихъ: эту трудность
 совѣтуемъ побѣждать Автору. Безъ нея невоз-
 можно усовершенствованіе.

Земля і й.

Иностранная книга.

Le Roman de Rou et des ducs de Normandie, par Robert Wace, poëte normand du XIIe siècle; publié par Frédéric Pluquet ect.

Ру и Герцоги Нормандскіе. Романъ Роберта Васа, Норманскаго Поэса XII-го вѣка, въ первый разъ изданный въ свѣтъ Фридерикомъ Плюкэ, согласно съ рукописями, находящимися во Франціи и Англіи; съ примѣчаніями для объясненія подлинника. 1827 въ 2 п.

Послѣ завоеванія Англіи, — когда Норманны, сопровождавшіе Вильгельма незаконнорожденнаго, раздѣлили между собой завоеванныя земли, и поработили, или по крайней мѣрѣ привели въ повиновеніе природныхъ жителей, — потомки сихъ удалцовъ наслаждались мирно въ домахъ своихъ плодами завоеваній, и въ торжественные дни, весело пируя въ своихъ крѣпкихъ замкахъ, любили рассказывать другъ другу спранныя сцѣпленіе обстоятельствъ, по которымъ ихъ предки оставили бурныя моря Сѣвера, заняли берега Франціи, и завладѣли землями Нормандіи, откуда они вознеслись послѣ и на престоль Англіи. Естественнаго, что подвиги народа дѣятельнаго и предприимчиваго имѣли всю прелесть романа для людей, которые, будучи болѣе знакомы съ звѣриной ловлею, нежели съ Исторіей, предоставляли монахамъ все относящееся къ учености. — Два Нормандскіе монаха, Дюдонъ Сен-Кеншенскій и Вильгельмъ

Жюмьежскій, написали на Лашинскомъ языкѣ Исторію того народа, среди котораго монастыри ихъ находились; но у сихъ бѣдныхъ опшельниковъ головы были вскружены древними поэмами и прозаиками; будучи варварами, они хотѣли писать прозою Тацита и Тиша Ливія, и стихами Виргилія и Горація! Ихъ историческая латынь и стихи — несносны. Не смотря на занимательность содержанія, вѣроятно Норманскіе вишязи, возвращаясь съ охоты, слушая свистъ вѣтра, порывами ударявшаго въ стѣны ихъ замковъ, и шумъ дождя въ вѣтхихъ деревьяхъ садовъ, — не забавлялись въвечеру чтеніемъ Лашинскихъ лѣтописей, въ которыхъ сіи два монаха повѣстуютъ о славныхъ подвигахъ ихъ предковъ.

Въ XII-мъ вѣкѣ, Генрихъ II, Король Англійскій и Герцогъ Нормандскій, препоручилъ одному монаху, бывшему при дворѣ его, написать на простонародномъ языкѣ такъ называемый *романъ*, т. е. риемованную Исторію. Монахъ, имъ избранный, былъ по имени *Робертъ Васъ*, или какъ онъ самъ себя называесть: *Maistre Wace*. Онъ родился на островѣ Джерсеѣ, учился въ Каэнѣ и пошомъ исполнялъ должность Капеллана, или домоваго священника, при дворѣ Генриха I-го, Короля Англійскаго; онъ служилъ также Генриху II-му и Генриху III-му, и въ награду за свою службу получилъ мѣсто Каноника въ Кафедральной церкви въ Байѣ.

Французскій языкъ, перенесенный тогда завоевателями въ Англiю, былъ еще весьма необработанный и грубъ; будучи смѣшенiемъ нарѣчiя Романскаго съ Германскимъ, онъ не имѣлъ ни гибкости, ни звучности, ни богатства, — генiй Поэзиі тогда еще не освятилъ и не очистилъ его, но онъ былъ языкомъ народа: и Государи и воины, и феодальные владѣльцы и вассалы на немъ говорили. Робертъ Васъ съ удивительнымъ навыкомъ владѣлъ симъ грубымъ орудiемъ, и облакалъ въ риемы Исторiю, басни и правила нравственности. Онъ одинъ изъ первыхъ Поэтовъ въ Исторiи Французской Словесности, и былъ однимъ изъ плодотворнѣйшихъ писателей во времена младенчества народной Поэзиі. Но съ какой жадностію, съ какимъ восторгомъ должны были Норманны - Англичане читать, или слушать, какъ придворные Поэты, или спранствующіе комедианты, гостившіе въ ихъ замкахъ, читали сіи длинныя Поэмы, воспѣвающія истинныя или вымышленныя подвиги ихъ предковъ, въ стихахъ столь понятныхъ! Какое различіе между сими непринужденными стихами на общенародномъ языкѣ, и напыщенными Лапшеческими лѣпописями Нормандскихъ монаховъ!

Робертъ Васъ имѣетъ еще и другія достоинства, которыя должны были сдѣлать его писателемъ народнымъ. Его описанія живописны; онъ представляетъ картины и портреты, но безъ

усилій и напязкѣхъ. Языкѣ не позволяешъ ему ни изысканныхъ выраженій, ни разнообразныхъ оборотовъ; онъ долженъ былъ писать свои стихи просто и всегда одинакимъ образомъ, безъ эпитетовъ, безъ ученыхъ намѣковъ и безъ подражанія; но печеніе ихъ естественнo, рассказы занимательны, и простота имѣетъ много прелести. Языки младенческия чужды еще ложнаго стыда; они высказываютъ все, безъ худаго намѣренія, какъ дѣти. У Васы есть нѣкоторыя выраженія и анекдоты, которыхъ теперь ни одинъ Каноникъ не скажетъ въ обществѣ. Не смотря на то, что Робертъ Васъ жилъ всегда при дворѣ, въ немъ видна большая простота сердца и ума.

Въ историческомъ отношеніи не должно быть строгимъ въ требованіяхъ, также какъ и въ поэтическомъ. Въ XII-мъ вѣкѣ Исторія не была, такъ какъ теперь, искусствомъ выслушивать всѣ свидѣтельства, безпристрастно ихъ сравнивать, и съ вѣрностью, въ порядкѣ, излагать самыя достовернѣйшія сказанія. Народы необразованные не такъ взыскательны: они довольствуются занимательными преданіями, и Робертъ Васъ удовлетворилъ вкусу своихъ современниковъ. Онъ воспользовался нѣсколькими лѣтописями, въ то время существовавшими, и содержаніе ихъ изложилъ по своему. Можеть быть, онъ спрашивалъ нѣкоторыхъ стариковъ, которые слышали отцевъ своихъ рассказы о первыхъ

происшествіяхъ Нормандской Исторіи ; можешь
 бышь Государи ободряли его, сообщая то, что ино-
 гда бываетъ извѣстно однѣмъ главоу народа ;
 можешь бышь, существовали уже и нѣкоторыя
 историческія пѣсни, романсы, или баллады о
 главныхъ происшествіяхъ и рѣзкихъ чертахъ въ
 жизни и правленіи Нормандскихъ Герцоговъ. Какъ
 бы то ни было, но его поэма въ сущности своей
 согласна съ истиною, или по крайней мѣрѣ съ
 Исторіею, переданной намъ истинными истори-
 ками и памяниками достовѣрными. Происшествія,
 рассказываемыя Васомъ, не такъ были многосложны,
 и до близости своей должны были еще храниться въ
 воспоминаніи того поколѣнія. Такимъ образомъ
 Робертъ Васъ, будучи поэмомъ, имѣешь и до-
 стовѣрность Историка. Съ его Поэмой, или ро-
 маномъ, можно совѣшоваться, какъ съ источникомъ
 историческимъ. Въ вѣка необразованные, Поэзія
 сходящаяся съ Исторіей ; вдохновенные поэмы со-
 храняющъ народныя преданія, и сіи преданія,
 облекаясь въ формы пішическія, могущественныя,
 дѣйствующъ на народъ и сильнѣе запечатлѣва-
 ются въ памяти современниковъ. Велико назначе-
 ніе того, кто въ одно время можешь бышь поэ-
 момъ, историкомъ и наставникомъ народа. Тог-
 да возможно обширное вліяніе на духъ цѣлаго на-
 рода ! Робертъ Васъ глубоко понималъ важность
 своего назначенія. Съ самаго начала Поэмы онъ
 даешь чувствовашъ могущество Бардовъ-Истори-

ковъ. Предмешъ сей былъ для него поводомъ къ размышленіямъ, которыя онъ выразилъ просто-сердечно. „Завоевашели,“ говоритъ онъ, „преис-„полнили міръ своею славой. Александръ и Цезарь „играли судьбою народовъ, и горсть земли по-„крыла ихъ прахъ; могильные холмы ихъ исчезли „съ лица земли; самые города, ими завоеванные, „которыя славились нѣкогда красошою, — раз-„рушены. Не взирая на величіе славы, даже и „подвиги ихъ былибъ забышы, еслибъ Исторія не „передала ихъ потомству. Ничшо на землѣ не „прочно; все исчезаетъ: однѣ сказанія монаховъ „сохраняются.“

Tote rien se torne en declin ,

Tot chiet, tot muert, tot vait a fin, (*) и проч.

Можешъ бышь покажешся забавнымъ, что Поэшы и Ишорики предсшавлены здѣсь въ лицѣ монаховъ; но Робертъ Васъ не зналъ вѣроятно ни другихъ источниковъ, ни другихъ Поэшовъ, кромѣ тѣхъ, которые пѣли за налоями, сосшавляли рѣомы по заказу Государей, или писали лѣтописи въ монастыряхъ.

Подобно древнимъ пѣвцамъ балладъ, онъ начинаешъ попомъ излагать предметъ своихъ пѣсень, или лучше сказать рѣомъ. Но желая объяс-

(*) Все истрепляется, все умираешъ, все клонится къ концу: человекъ умираешъ, желѣзо иштираешся, дерево сгниваетъ, башни разрушается, ешбна упадаетъ, роза вянешъ, одежда изнашивается, всѣ произведенія рукъ человѣческихъ погибають.

ннть происхожденіе своего народа, добрый монахъ показываешъ, что онъ въ Географіи не былъ силенъ. Вѣроятно онъ шолько списалъ вступленіе какой нибудь хроники, писанной несвѣдущимъ монахомъ. Данія, Дакія, Дунай, — всё по его мнѣнію были отечесшвомъ Норманновъ. Онъ думалъ, что Норманны были сосѣдями Скивовъ и Аланъ, и не смотря на шо приводишъ ихъ съ Сѣвера. Робертъ Васъ, жившій при Англійскомъ дворѣ, былъ плохой Географъ, хотя можешъ быть и считался однимъ изъ ученѣйшихъ людей среди своего народа. Нормандскимъ завоевателямъ болѣе знакомы были шѣ мѣста въ ихъ отечесшвѣ, копорыя изобиловали дичью, нежели Государства, находившіяся на земномъ шарѣ. Вѣроятно Генрихъ II, или Генрихъ III, мало заботились о томъ, чтобы въ точности знашъ положеніе того мѣста, которое было колыбелью ихъ народа.

Робертъ Васъ однакоже хорошо зналъ характеръ народа, вторгнагося на берега Франціи. Хотя онъ говоритъ о предкахъ своего Государя и своихъ собственныхъ, но его слова не показывающъ сына весьма почтительнаго.

La gent de Danemarche fu toz tems orgueilleuse,
 Toz tems fu sorkuidée (1), é mult fu convoitose;
 Fière fu, préisant (2), gaie é luxuriose.
 Nuz homs ne se teneit à une fame expose;

(1) Sorkeidéu, — надменный,

(2) Préisant, — высококоярный.

De pluzors fames orent á merveilles enfanz ,
 Mult i out de petiz , è mult i out de granz
 Mult i out filz , è filles è fames è serjanz (3) ;
 Ne poout sa gent paistre trestout li plus mananz (4) ;
 Ne poout pas sufire quanque il gaignoient ,
 A paistre li enfez , ki trop multiplioient.
 Por ço avint sovent ke par sort , kil gatoient (5)
 Des forz è des meillors , la terre delivroient.
 Fust par terre , fust par mer , du paiz les ca-
 choient (6) ;
 Cil feseient grant mal kel part ke il aloient.

Эти стихи объясняют причину переселения и набеговъ Норманнскихъ. Здѣсь, и въ описаніи всѣхъ произшествій Гаспингса, Біера и Ру или Роллона, — Поэтъ слѣдовалъ Лапинскимъ Хроникамъ Норманнскихъ мѣшописцевъ. Я въ другомъ мѣстѣ говорилъ пространнѣе объ этой части Поэмы, и охотнѣе перехожу къ такой эпохѣ, въ которую произшества спановяшся извѣстнѣе, и которая должна была осщавить живѣйшія воспоминанія среди Норманнскаго народа въ Англіи; я говорю объ Исторіи похода Вильгельма Завоевателя. Придворный Поэтъ-испорикъ, писавшій по заказу своего Государя, не обращаетъ никакого вниманія на права побѣжденных;

(3) Serjanz, слуги.

(4) Mananz, богаше.

(5) Gatoient, бросали.

(6) Cachoient, ѣздили на охоту.

онъ поешъ и восхваляешъ побѣдителя, когда побѣдитель предокъ его Государя. Для Байёскаго Каноника, Вильгельмъ былъ справедливейшимъ, величайшимъ и великодушнѣйшимъ изъ Государей. Походъ его въ Англiю разсказанъ со всѣми подробностями, могущими возвысить его славу. Описание совѣщанiя Вильгельма съ своими Баронами, — когда они разсуждали о будущемъ походѣ, — имѣешь много красотъ, какъ въ поэтическомъ, такъ и въ историческомъ отношенiи; оно напоминаетъ нѣсколько Омира, Виргилiя и Лукана. Изображая совѣщъ, Поэтъ исчисляешъ важнѣйшихъ Бароновъ, кошорые были въ Англiи богато одарены помѣстьями и вассалами. Пошомки ихъ должны были гордиться, видя свои имена въ этой поэмѣ: такъ гордились города Греческiе, имена кошорыхъ Омиръ обезсмертилъ въ исчисленiи кораблей Агамемноновыхъ.

Исторiя высадки, похода Короля Гарольда, сраженiя при Гаспингѣ, даннаго ему Герцогомъ Нормандскимъ, бесполезныхъ переговоровъ, сему сраженiю предшествовавшихъ, и рѣшительной побѣды Норманновъ, — показываешъ точное познанiе случъ произшествiй, кошорыя Васъ, какъ самъ говоришь, помнилъ изъ разсказовъ своего опца. Еслибъ и не осталось другихъ памяшниковъ завоеванiя Англiи, кромѣ поэмы Роберта Васа, то немногiя любопытныя подробности были бы потеряны. Есть нѣкошорыя подробности у Васа,

съ кошорыми несогласны другіе историкки, и кошорыя недовольно вѣрны: такимъ образомъ, исчисляя воиновъ, сопровождавшихъ Вильгельма, Васъ называешь многихъ, кошорые вѣроятно съ нимъ не были, и кошорыхъ онъ смѣшиваетъ съ другими ихъ одноименцами или единоземцами. Но впрочемъ все имѣешь историческую достоверность лѣтописи. Длинный списокъ товарищей Вильгельма, находящійся въ стихахъ Роберта Васа, вѣроятно былъ весьма любопытенъ для многихъ Нормандскихъ и Англійскихъ фамилій, кошорыя находили въ немъ права на знаменишность.

Описавъ сраженіе, Поэтъ не находилъ болѣе предметоу для описаній, и нѣсколькими словами кончилъ царствованіе Вильгельма. Онъ согласно съ Ордерикомъ Виталемъ поворяешь совѣщанія, данныя Вильгельмомъ своему сыну Роберту, кошорому сей Государь оставилъ Нормандію и Майнскую обласъ. Но въ поэмѣ Роберта Васа, слова умирающаго деспота выражены гораздо простѣе и непринужденнѣе, нежели у Латинскаго Историка, который всѣхъ заставляетъ говорить языкомъ Римскихъ Сенаторовъ. Замѣчанія Вильгельма о характерѣ Нормановъ, о ихъ добрыхъ и худыхъ качествахъ, о лучшемъ способѣ управляя ими — весьма любопытны въ Романѣ Васа.

En Normendie gent mult fiere,
Je ne sai gent de tel manière;

Chevaliers sont proz et vaillanz ,
 Par totes terres cunquéranz.
 Si Normanz unt boen chevetaigne (7),
 Mult fait a criendre lor campagne. . .
 Orguillos sunt Normantè fier,
 E vantéor è honbancier ;
 Toz tems le devreit l'en plaisier (8)
 Kar mult ount fert a justisier. . . (9).

Завоеватель Англии, угнетатель Англо-Саксоновъ, могъ давать такіе совѣты своему преемнику: такой языкъ и таковыя выраженія совершенно согласуются съ его гордымъ и властолюбивымъ характеромъ.

Придворный Поэтъ Генриха II подробно рассказываетъ и главные происшествія царствования Роберта, сына и наследника Вильгельмова въ Герцогствѣ Нормандскомъ. Можетъ быть сіи рассказы и не были пріятны Англійскому Королю, по заказу котораго Историческій Романъ писанъ, но вѣроятно Король лучше хотѣлъ знать дѣйствія своихъ предковъ въ Нормандіи, нежели шутишь Англійской Исторіи, которая непосредственно предшествовала его царствованію. Рассказавъ войну Роберта съ Королемъ Англійскимъ, его разбитіе подъ Тинчбреемъ, плѣнь въ Англии и

(7) Chevetaigne, начальникъ.

(8) Plaisier, сгибать.

(9) Justisier, управлять.

смерть въ Княжествѣ Валлійскомъ, Робертъ Васъ оканчиваетъ свою Поэму нѣкотораго рода эпилогомъ, въ которомъ объявляетъ, что Поэма была писана по повелѣнію его Государя, и съ обыкновеннымъ своимъ простосердечіемъ жалуется на то, что Генрихъ II больше ему обѣщаль, нежели исполниль.

Li reis jadis maint bien me fist,
Mult me duna, plus me gramist.

Въ поэмѣ, — вступленіе кошорой было въ родѣ возвышенномъ, и кошорая бы должна бытъ внушена однимъ папріотизмомъ, — непріятно видѣшь заключеніе своекорыстное. Байёскій Каноникъ вѣроятно употребилъ много времени на сочиненіе 16,000 историческихъ стиховъ, и показаль неоспоримое дарованіе. Онъ предприняль свой трудъ по приказанію, но совершилъ его добросовѣстно. Его трудъ заслуживаль большой награды. Поэты XII го вѣка, писавшіе для Двора, желали наградъ шакже какъ и Поэты XIX го вѣка. Отреченіе ошъ личныхъ выгодъ было рѣдко во всѣхъ вѣкахъ, даже и между сынами Аполлона.

Теперь должно сказать нѣсколько словъ объ участии сей Поэмы, или сего Романа. Его переписывали нѣсколько разъ, и благодаря спискамъ, болѣе или менѣе вѣрнымъ, сей древній памятникъ дошелъ до насъ. Есть нѣсколько экземпляровъ въ Парижѣ, въ Королевской библіотекѣ, и библіо-

текст Арсенала; а в Бришанскомъ Музеѣ, в Лондонѣ, есть рукопись Васовой Поэмы, принадлежащая по вѣроятностямъ концу XII го вѣка, слѣдовательно весьма близкая къ тому времени, въ которое жилъ Поэтъ. Лансело, Сен-Палей и Андрей Дюшенъ имѣли новѣйшіе списки Васова романа, и сіи рукописи хранятся еще въ нашихъ библіотекахъ. Нѣсколько вѣковъ тому назадъ, древніе стихи Роберта Васа были переведены во Французскую прозу; сей переводъ напечатанъ былъ подъ заглавіемъ: *Нормандская летопись*, (Chronique de Normandie). Брекины, Аббашъ де-ла-Рю, Букé, дѣлали выписки и замѣчанія на Поэму Васа. Весьма недавно Г. Пюкэ, в Нормандіи, и Г. Брэнсдшедь, в Даніи, напечатали отрывки болѣе значительные; первый сверхъ того взялъ на себя трудъ собрать всѣ рукописи Васовой Поэмы, находящіяся во Французскихъ и Англійскихъ библіотекахъ, для того чтобы имѣть полный текстъ; и сей текстъ появился наконецъ въ свѣтъ шесть вѣковъ спустя послѣ смерти Автора, благодаря частнымъ подпискамъ собраннымъ во Франціи и въ чужихъ краяхъ. Красивая печать Г-на Крапеле, а еще болѣе примѣчанія нѣкоторыхъ Нормандскихъ ученыхъ, особенно же Г-на Прево, — который, кромѣ другихъ любопытныхъ подробностей, сообщилъ еще многія извѣстія о Нормандскихъ фамиліяхъ и тщательнó сравнилъ сказанія Васа съ извѣстіями прочихъ историковъ, —

послужили къ украшенію изданія сего въ вещественномъ отношеніи и къ обогащенію въ Литтературномъ. Издатель присовокупилъ еще объясненіе словъ древняго языка и подробную роспись содержанію. Если Нормандія нѣсколько поздно почтила одного изъ своихъ первыхъ Историковъ, то по крайней мѣрѣ она ничего не пожалѣла для того, чшобы сей народный Романъ явился наконецъ въ видѣ, достойномъ нашего вѣка.

(Изъ *R. E. Деппингъ.*) П. К.

Esame critico, etc. — Кришическій разборъ исторіи Димитрія, сына Ивана Васильевича, съ общеніемъ неизданныхъ докуменшовъ; соч. *Чіампи*, литтературнаго корресподента въ Италіи отъ Правительсшва Польскаго царсшва, и пр. Флоренція. 1827. Въ 8 д., 79 стр.

Ревностно занимаясь разысканіемъ памятниковъ Польской исторіи, Чіампи почель и памятники исторіи Московской не бесполезнымъ для сего источникомъ, и достойнымъ изслѣдованій, кошорыя возложило на него Правительсшво Польское. Издаваемый имъ кришическій разборъ относшся къ Исторіи, еще весьма темной, шого Димитрія, кошорый, въ 1605 г., достигъ шрона Московскаго, подъ именемъ сына послѣдняго Царя ея, Ивана Васильевича. Извѣстно, чшо онъ былъ

низвержень съ престола, и что послѣ его многіе еще Димитрія домогались короны Московской. Сія исторія Лжедимитріевъ осталась доселѣ въ большомъ мракѣ; и даже незаконность приязанія перваго Димитрія на престолъ еще почитается не положительнѣю доказанною. Папа и большая часть дворовъ Европейскихъ признали его. Какъ бы то ни было, Чіампи разсматриваетъ свидѣтельствва современныя, говорящія въ пользу Лжедимитрія, и копорыя кажутся ему даже достапочными; онъ предлагаетъ нѣсколько неизданныхъ и весьма важныхъ: именно, письма Іезуита О. Поссевина, и другаго, Нери Жиральди, копорые участвовали въ совѣщаніяхъ Тосканскаго Герцога съ Димитріемъ. На первомъ листѣ книги находится литографированный рисунокъ, изображающій двѣ стороны Димитріевой монеты.

(Изъ Rev. Enc.) — Съ неперпѣніемъ ожидаемъ этого сочиненія въ Россіи: ибо, дѣйствительно, Исторія Димитрія самозванца все еще очень темна для насъ.

С М Ъ С Ъ

*Московскія минеральныя воды.**(Изъ 3 части записокъ Москвитя).*

„Ясонъ! Ясонъ!“ — Сей часъ, сударь! Чшо прикажеше? — „Взгляни въ окно: вѣрно пожаръ? „Скачущъ; спучашъ . . . не возможно спашъ бо- „лѣ! 6-й часъ, и нѣкому, кромѣ пожарной коман- „ды, будишь нашу Остоженку.“ — Нѣшь, сударь! не видно ни огня, ни дыму; небо ясно — но, множество карешъ, колясокъ и дрожекъ шянутся къ Коммерческому Училищу. . . вошь . . . поворачи- чивають на лѣво. . .

Сстранное дѣло! подумаль я; въ 6-мъ часу утра, шакон развѣздъ — эшо чшо-шо необыкновенное. . . „Не знаешь ли, Ясонъ, не остановился ли „на Остоженкѣ какой нибудь Министръ, Генераль- „Губернаторъ?“ — Не умѣю вамъ доложитъ! — „Такъ давай же одѣваться . . . пойду — и узнаю „причину превогы.“

Одѣваюсь — иду — но въ самыхъ дверяхъ останавливаетъ меня молодой Ролинскій. Увидя его — ошь изумленія и страха я ошступилъ на два шага. Я знаю, чшо Ролинскій живешъ на дачѣ своей, на Буштыркахъ, и обыкновенно спитъ до полудня: появленіе его въ 6-мъ часу утра изумило меня, а лице его, блѣдное, заспаное, спрадальческое, поразило меня ужасомъ. — „Скажите, „ради Бога, чшо случилось съ вами? чшо заста- „вило васъ уѣхать съ дачи шакъ рано?“ пробор-

мошаль я, сжимая его руку. — Ничего! ничего! — совсѣмъ ничего не случилось! я здоровъ — а нарочно заѣхалъ, чтобъ предложить вамъ прогуляться со мной на воды. — „На воды?“ — Да, на воды, въ Карлсбадъ! Угодно ли? — „Какъ? въ „Карлсбадъ? вы ѣдете въ Карлсбадъ?“ — Съ сестрою, съ племянницею, — и съ вами, если угодно . . . ѣду сію минушу. — „Вы шутите?“ — Нимало! — „Въ Карлсбадъ? теперь? прямо отъ „меня?“ — Прямо отъ васъ, въ домъ Солдана. . . — „Знаю домъ Солдана.“ — Такъ найше же и то, что тамъ найдете всѣ Европейскія минеральныя воды: Карлсбадскія, Мариенбадскія, Эгерскія, Пирмоншскія — „Такъ это куда-то промчалось мимо меня множество экипажей?“ — Вѣроятно. — „Я ѣду съ вами: ѣду съ большимъ „удовольствіемъ!“ и побѣжалъ къ каретѣ. Увидя меня, сестра Ролинскаго покачала своею умною, хорошенькою головкою. — „Вы рѣшились?“ — „Съ радостію!“ — „Для шого, чтобъ напишашъ „сташью въ записки Москвича?“ — „Можешъ быть, „но прежде надобно взглянушь, посмотрѣшь, и „шогда.“ Садитесь! садитесь! сказалъ Ролинскій; мы опоздаемъ! пора; скоро 6 часовъ! — Мы сѣли въ карету, и черезъ пять минушъ очутились у крыльца Солданова дома.

Весь дворъ былъ уже уставленъ экипажами. Сопни лакеевъ толпились передъ крыльцомъ. „Но, „шоп cousin, какъ мы введемъ Москвича? шы зна-

„ешь, что посторонніе могутъ быть здѣсь поль-
ко съ 10 часовъ. . .“ — Не безпокойсь, сказала
я; — я здѣсь не посторонній, я больной — я
пріѣхалъ посоветоваться съ докторомъ. — „Для
„советовъ назначень 11-й часъ.“ — „Все равно,
сказалъ Ролинскій — одинъ посторонній человекъ
„не замѣнешь!“ И мы вошли; но въ ту же мину-
ту одинъ изъ водяныхъ служителей остано-
вилъ меня вопросами: у васъ есть билетъ? безъ
билета шеперь нельзя здѣсь быть! — Не зная,
что сказать на это вниманіе къ моей особѣ,
я промолчалъ, — пошелъ впередъ — и смѣшался
съ толпою больныхъ.

Разпревоженный съ 5 часовъ утра, попавши,
Богъ знаешь какъ, на воды, увидя себя въ такое
необыкновенное время въ лучшемъ кругу Москов-
скаго общества, я потерялся. Глядѣлъ во всѣ спо-
роны, — смотрѣлъ на всѣ лица, мелькавшія мимо
меня, какъ на Кыпайскія тѣни, и шолько какъ ужъ
вышелъ изъ галереи въ садъ, шо немного опомнил-
ся! Ролинскій, и сестра его съ дочерью, исчезли
въ толпѣ жаждущихъ воды.

Я остановился въ саду, прошивъ галерею,
въ которой прохаживались водопійцы. Осмапри-
вался кругомъ. Такъ! я въ знакомомъ саду — вижу
передъ собою знакомый домъ — припоминаю —
да! я чиналъ въ газетахъ, что съ Мая будущъ
открыты здѣсь минеральныя воды по примѣру
Дрезденскихъ. Ошдыхаю! я нашелся! начнемъ же

наблюденія ; прежде всего обойдемъ садъ. Онъ не великъ, — но, какъ узналъ я послѣ, досташочень для гуляющихъ больныхъ. Они обходяшь его кругомъ два раза въ четверть часа, — а четверть часа на водахъ — узаконенное время для прогулки. Выпивъ стаканъ воды, пошчасъ должно гуляшь ровно четверть часа — до слѣдующаго стакана, и ш. далѣе.

Обошедъ садъ, я возвратился въ галлерей — дополкался между гуляющими — пошѣснился въ комнашахъ, заглянулъ въ *питейную*, гдѣ нѣскольکو мальчиковъ поашъ разными водами Московскихъ водопійць, — и ушелъ ! ушелъ домой !

Мысли мои были въ пакомъ волненіи, какъ воды Невскія 7 Ноября 1824 года. Я не умѣлъ опдашь себѣ опчета ни въ шомъ, что видѣлъ, ни въ шомъ, что замѣшилъ. Неожиданное и быспрое появленіе мое на водахъ, кошорья я полагалъ за нѣскольکو тысячъ вершъ ошъ себя, совсѣмъ возмушили мой разсудокъ; шолько вышедъ на крыльцо, и увидя пеструю шолпу ливрейныхъ лакеевъ, а на дворѣ экипажи на Русской ладъ, я догадался, что я въ Россіи и въ Москвѣ. Ливреи и бороды, не постигая фаншазіи своихъ господъ, забавлялись на ихъ счешъ, и я невольню улыбнулся, услыша какъ одинъ кучерь со смѣхомъ увѣрлялъ, *што господъ обманываютъ, што онъ самъ своимъ глазами видѣлъ, какъ брали воду — изъ Москвы рѣки !*

Возвращаясь домой, я успокоился — и нашел, что впечатлѣніе, оставшееся отъ воды — было пріятно для меня. Я искренно порадовался Остроженскимъ источникамъ! О Москва! Москва! вѣчно юная, вѣчно веселая, — какъ не любишь тебя! гдѣ, въ какомъ другомъ городѣ Русскомъ, найдешь такое приспращіе къ новому, къ новостямъ, къ переменамъ? Новое гулянье, новый магазинъ, новый актеръ, занимающъ Москву больше, чѣмъ такая же новость всю Россію! а безпрерывный приливъ новаго, и новыя увеселенія, избавили Москву отъ скучнаго постоянства. Давно ли гремѣла слава Кремлевскаго сада? Только и говорили что о его дорожкахъ, липкахъ, горкахъ, реzedѣ; съ утра до ночи гуляли шолько въ одномъ Кремлевскомъ саду. Давно ли восхищалась Москва лошадьми и дѣвицами Турнѣ? . . И садъ и Турнѣ забышы теперь, — въ чesшій минеральныя воды. . . Кажется, все, что есть лучшаго въ Москвѣ — все на водахъ! . . . Слѣдовательно все лучшее нездорово? Нѣтъ — но теперь *въ модѣ* бытъ нездоровымъ и пить воды! Долго ли продолжится эта страсть къ водоупитію — не знаю, но предсказываю, что воды наши годъ отъ году все будутъ славнѣе и славнѣе, — и онѣ не должны бояшьяся моды. Она, можетъ бытъ, переведетъ любимцевъ своихъ въ другое мѣсто, можешь бытъ заведешь ихъ въ грязь. . . морскую. . . кто знаешь ея причуды? Но всегда, всегда найдешь множество людей, для кото-

рыхъ необходимымъ и дешевымъ лекарствомъ послужать Осложенскія воды, потому что для людей нашего времени совершенно бесполезны при четверти лѣкарствъ, хранящихся въ аптекахъ, и однакожь — употребляемыхъ нами въ силу докторскихъ рецептовъ. Доктора все еще помнятъ Гипократа; они еще въ Университетахъ зашвердили номенклатуру лѣкарствъ на извѣстныя болѣзни — . . . Но ихъ лекарства не годны для настоящаго поколѣнія! Лекарства прошлыхъ столѣтій также не годятся для насъ, какъ парики и кафшаны нашихъ прадедовъ! Мы выросли на лѣкарствахъ, а шло, къ нимъ приученное, принимаешь ихъ какъ простую пищу. Чтобы возбудить нашу чувствительность — намъ нужно электричество, гальанизъмъ, магнетизъмъ, мруа, холодныя или горячія ванны, и наконецъ 10 спа-кановъ Спруделю на шощакъ!

И я, и я буду пить воды! Уже давно голова моя кружится отъ волшебныхъ оперъ: Невидимки и Твардовскаго; уже давно я примѣшилъ въ себѣ отвращеніе отъ прогулки: все боюсь встрѣпиться съ Московскими молодыми задорными журналистами; аппешить уменьшился . . . отъ непродажи моихъ записокъ. . . . Иду на воды! Онѣ освѣжаютъ мою голову, возвращаютъ аппешить, избавяють отъ музыкальныхъ чертей, липшерашурныхъ шоргашей. . . . Иду на воды! Но Автора

предполагаетъ — Цензоръ утверждаетъ. и я цѣлымъ двѣ недѣли долженъ былъ просидѣть не выходя изъ комнашы. Меня постигла лихорадка. . .

Два дни не чувствовала я уже ея нападковъ, и Докшоръ (благодѣтель) объявилъ мнѣ, что для возстановленія силъ я долженъ пить Мариенбадскія воды! Получа этомъ утѣшительный рецептъ, я едва не задушилъ въ объятіяхъ моего любезнаго Медика. И шакъ — я членъ водяной компаніи!

Въ слѣдующее утро — ровно въ 5 часовъ — иду въ домъ Солдана. Докшоръ Е., привѣтливый, вѣжливый, внимательный, спрашиваетъ о моей болѣзни — щупаетъ пульсъ — спрашиваетъ объ аппетитѣ и прочемъ, — и разрѣшаетъ меня на питье — Мариенб. водъ. Покуда продолжалась наша консультація, больные всѣхъ возрастовъ и половъ, со всѣхъ концовъ Москвы, наполнили комнашы, галерею, садъ. Каждая и каждый за непремѣнный долгъ поставляли поговорить съ Докшоромъ о своемъ нездоровьѣ, — Докшоръ почти у каждой и каждого бралъ пульсъ, — совѣтовалъ, одобрялъ, выговаривалъ. — Мальчики, раздающіе воду, едва успѣвали наполнять кружки и снабжать лиспочками шалфея для чищенія зубъ. Подрумяненныя старушки, румяныя женщины, блѣдныя дочки, Генералы, Полковники, Поручики, любезники въ сѣрыхъ и усовыхъ шляпахъ, Поэты, разслабленные, чающіе движенія

воды, и наконецъ Полицейскіе Офицеры, одинъ купецъ и одинъ крестьянинъ, — шянулись безпрерывной цѣпью сквозь комъшаты, изъ сада, изъ галлерей къ источникамъ жизни и здоровья, къ мальчикамъ, разливающимъ воды. Между тѣмъ, въ саду, унылая, жалкая музыка, наигрывала стародавніе марши и экосезы. —

Какъ членъ-водопійца, я скоро ознакомился со всѣми спраждущими лицами. Походилъ недѣлю — и все мнѣ спало знакомо, какъ на моемъ письменномъ столѣ. Благодѣтельное заведеніе! Не говоря уже о шарикахъ, разслабленныхъ, больныхъ, дряхлыхъ — напримѣръ — какъ полезны ашъ воды прекраснымъ Москвишнянкамъ! Привыкнувъ вставать въ 11, 12 часовъ, шеперь — о ужась! — шеперь ихъ будяшь въ 5мъ; въ 5 часовъ онѣ должны уже бытъ на водахъ! — онѣ должны прогуливацца — ходишь безпрещанно 3 часа . . . сряду 3 часа! Когда эщо съ ними бывало? Истинно ли онѣ больны, или мода пригнала ихъ сюда — польза очевидна! Посмотрите, какъ онѣ будущъ свѣжи, румяны, здоровы, веселы — зимою! Вось наспанушь благородныя собранія . . . начнуцца балы . . . я полчасъ узнаю дѣвушку, копорая пила воды! . . . Она вѣрно будешь свѣжа какъ роза, какъ роза майская! кромѣ щого, какое шоржештво для эшой розы, если она встрѣпицца въ обществѣ въ кузиною прѣхавшею изъ деревни. „Я пила Мариенбадскія воды! — Я пила Спру-

„Адель! — Я пила Пирмонцскія воды! . . . Я пила „Эгерскія воды! Ah, та chère! какъ было весело на водахъ! какое общество! Всѣ путешественники уверяють, что наши воды устроены несравненно лучше всѣхъ заграничныхъ!“ А бѣдная провинціальная кузина, слушая рассказы о водахъ, . . . дастъ себѣ честное слово, непременно — съ Мая пить воды . . . въ Москвѣ, на Остоженкѣ! И прекрасно! Она въ свою очередь будетъ павлиниться передъ своими сосѣдками, — рассказывать имъ о чудесныхъ водахъ, — а папинька ея пушится въ расчесы: какъ выгодно для Рускихъ Московское заведеніе минеральныхъ водъ! Онъ ясно и полезно докажетъ: сколько сбережено черезъ это въ Государствѣ денегъ, какъ полезны эти воды и для кармана и для окончательнаго воспитанія дѣшей; — и жители Губерній Русскихъ — полещая въ Москву — къ намъ на Остоженку, съ женами, дочерьми, съ племянницами, съ внучками! . . . Благодѣтельное учрежденіе! неподобное заведеніе! не только для дамъ, дѣвицъ, молодыхъ людей, стариковъ — но и для авшоровъ! для Французскаго Кузнецкаго моста, для искашелей счастья, для спекуляторовъ, для рыцарей промышленности . . . и даже для самихъ Докторовъ!

Авшоры, вмѣсто того, чтобы губить золотые, упренные часы на сочиненіе чершовскихъ оперъ и печальныхъ водевилей — пьютъ воду,

гуляюшь — и никому не надоѣдаюшь, потому что болѣе четверти часа нельзя говорить!

Француженки съ Кузнецкаго моста радуошся водамъ, — *parceque cela attire du monde à Moscou . . .* и . . . онѣ уже сочинили давно и плашья и шляпки à la . . . для дамъ пьющихъ воды . . . Я слышаль даже, что моднымъ лорнешамъ дано названіе: *seducteur aquatique*!

Искашели счастья здѣсь видяшь своихъ благодѣшелей. Какой удобный, легкій случай — поговорить о себѣ! и говорить о себѣ, напоминать о себѣ, и показывашь себя — сряду 6 недѣль! За эшо иной гошовъ заплашить не 80 рублей, — а половину своей жизни!

Для спекулаторовъ воды также могушь бышь золошымъ источникомъ — но ихъ еще не видно. . . Погодите! они являшя! съ карпинами — съ кольцами — съ кружками . . . Погодите! А что Московскія воды — здоровы, полезны, доказательствомъ я . . . я не зналь что дѣлашь, чѣмъ заняшя съ 5 часовъ утра до 9-ти! я скучаль, — голова болѣла: — Мариенбадская вода — діэша — разнообразное общество — сдѣлали меня совершенно здоровымъ, веселымъ, и я шеперь такъ здоровъ — какъ молодой человекъ непьющій вина . . . какъ дѣвушка не пившая воды . . . послѣ шанцевъ! . . .

*Разрѣшеніе вопроса : кто таковы были Татары
XIII вѣка?*

Варваровъ, опустошившихъ восточную Европу въ началѣ XIII столѣтія, современные Европейскіе народы назвали *Татарами*; но Исторія говоритъ, что это были *Монголы*. — И такъ вопросъ о Татарахъ непосредственно связанъ съ нашествіемъ Монголовъ на Россію, и не можетъ почитаться предметомъ, не принадлежащимъ къ обзорнію Монголіи.

Народъ, обитавшій въ нынѣшней Халхѣ (*), купно съ сею страной, съ XI столѣтія началъ называться *Татань*. Сей народъ раздѣлялся на множество Айманей, изъ которыхъ каждый имѣлъ особое названіе. Сильнѣйшіе изъ Татаньскихъ Айманей были: *Монголь*, *Тайгутъ*, *Кэрэ* и *Татарь*. Сіи поколѣнія еще подраздѣлялись на роды или побочныя линіи владѣтельныхъ домовъ, но по племени всѣ вообще назывались *Татаньцами*. Чингисъ-Ханъ чрезъ свои завоеванія разпростеръ сіе названіе на всю Монголію. Когда Хубилай принялъ своему дому названіе *Юань*, то вся сія страна принуждена была оставить названіе *Татань*; но смежныя съ Монголами народы, по привычкѣ къ прежнему ихъ имени, долго и послѣ сего времени называли ихъ *Татаньцами*, чему до-

(*) Т. е. отъ Далай-нора къ западу до Убсы-нора.

казательства не рѣдко встрѣчающіяся даже и въ Китайской исторіи (*).

Частные люди, сообщая первое извѣстіе о какой либо странѣ или народѣ, не думаютъ о удержаніи правильнаго выговора въ собственныя названія оного; даже иногда совершенно переименовываютъ оныя. На примѣръ Россіяне называютъ Казаковъ *Киргисъ-Кайсаками*, Туркистанцы называютъ Чжунгаровъ *Калмаками*. Это общая погрѣшность, свойственная не одному древнему, но и настоящему времени. Воистинно источникъ, изъ котораго произвели многія недоразумѣнія и запущанности въ Исторіи древнихъ народовъ.

При первоначальномъ усремленіи Монголовъ на Европу, Россіяне первые встрѣтили ихъ, и очень вѣроятно, что вмѣсто Татанцевъ, слѣдуя или созвучности словъ, или примѣру сосѣднихъ народовъ, назвали ихъ *Татарами*. Тогда легко могли погрѣшиться въ семь; ибо за долго до того времени около Аргуни находилось сильное Татанское поколѣніе, называемое *Татаръ*: почему последнее слово не могло не быть извѣстнымъ между народами Средней Азіи. Чингисъ-Ханъ покорилъ сіе поколѣніе своей власти, и въ великомъ

(*) Китайцы въ разговорахъ и до нынѣ сокращенно называютъ Монголовъ *Та-цзы* т. е. однимъ первымъ слогомъ изъ слова *Татанъ*, и говорятъ *Мингу Та-цзы*, *Калка Та-цзы*, что значить Южные Татанцы, Халхасскіе Татанцы.

Татаньскомъ ополченіи, которое вторглось въ Россію, въ числѣ прочихъ покоренныхъ народовъ безъ сомнѣнія находились и Ташары. Но чтобы Ташаньцы при ономъ обстоятельстве назывались Татарами, по имени побѣжденнаго ими народа, сіе совершенно прошивно какъ тогдашнимъ, такъ и нынѣшнимъ обыкновеніямъ.

И такъ, по моему мнѣнію, Россіяне при первомъ нашествіи Ташаньцевъ, принявъ ихъ за Ташаръ, первые погрѣшили и сообщили сію погрѣшность западнымъ народамъ. Карпини, отправленный отъ Папы посланникомъ къ Хану Куюку, не токмо не исправилъ оной, но (вѣроятно слѣдуя худымъ полмачамъ) еще перепоршилъ и другія собственныя имена; помѣщенные въ его путешествіи. Новѣйшіе историки, желая своими догадками пояснить Карпини, впади въ новыя погрѣшности, а Географы безъ дальняго изслѣдованія всю полосу отъ Каспійскаго моря до Воспчнаго назвали *Великою Татарією*.

Какимъ же образомъ въ послѣдующее время на мѣстѣ *Татаньцевъ* дѣйствительно очутились *Татары*? трудно сей вопросъ рѣшить удовлетворительно. Вышеупоминаемые Ташары были соплеменники Монгольскому поколѣнію; слѣдовательно послѣднее не могло претерпѣть никакой перемѣны ни по языку, ни по религіи отъ первыхъ. Надобно искасть причину сему въ другихъ обстоятельствахъ. Извѣстно, что въ Монголь-

скихъ пограничныхъ на западѣ гарнизонахъ большая часть солдатъ были изъ Туркистанцевъ, Кэргизовъ и Казаковъ, копорые всѣ Турецкаго племени. Первый народъ, прежде обитавшій въ постоянныхъ жилищахъ, пошчасъ и здѣсь принялся за оскдлую жизнь и построилъ города съ селеніями, а послѣдніе купно съ Монголами по прежнему начали кочевашь. Доможилыя Туркистанки безъ сомнѣнія были опрятнѣе и благовиднѣе воспочныхъ Ташанекъ, и по сему болѣе нравились Ташаньскимъ Полководцамъ. Когда же съ восшеспѣемъ Хубилая на Кипайскій престоль раздробилась огромная Монгольская Имперія; по Приволжскіе Ташаньцы, по примѣру другихъ, не преминули объявить себя независимыми; а какъ они были очень малочисленны въ сравненіи съ Турецкими поколѣніями, по ошъ брачной связи съ послѣдними нечувспѣшительно начали измѣняться въ Магомеланъ, каковое измѣненіе послѣдовало и съ прочими, владычествовавшими въ Азіи Ханами Ташаньскаго племени (*). Побѣдишели, перенявъ ошъ Туркистанцевъ съ браками ихъ нравы и обыкновения, ихъ языкъ и религію, мало по малу совершенно пошерялись, шакъ чшо наконецъ самое имя Ташаньцевъ исчезло, и они подъ Россійскимъ (**)

(*) Какъ то въ Персіи, Чаганьшаъ и проч.

(**) *Татары* сами себя не называютъ симъ именемъ; они имѣють общія названія *Узбековъ*, *Ногаевъ* и проч., а часто называются именами поколѣній и родовъ.

названіемъ *Татарь* содѣлались какъ бы новымъ народомъ, который въ послѣдствіи господствовалъ въ царствахъ: Казанскомъ, Астраханскомъ и Крымскомъ. Впрочемъ, не взирая на перемѣну названія, Ханы помянутыхъ царствъ никогда не оставляли производимъ свое происхожденіе отъ Чингиса. Таковое мнѣніе относительно Татарь есть нечто иное, какъ догадка, имѣющая на своей сторонѣ вѣроятность, подкрѣпляемую посторонними доказательствами. Испытавши древностей, имѣющіе лучшія предъ моими пособія, могушь пояснить сіе собственными своими замѣчаніями. —

Примѣчаніе. Г. Клапрошъ, въ концѣ сочиненія своего *Memoires relatifs, à l'Asie* въ страницѣ *sur les Tatars*, утверждаетъ, что Монголы были истинные Татары, и въ XIII вѣкѣ справедливо названы послѣднимъ именемъ; а встрѣчающіяся въ Китайской исторіи слова *Татань* и *Татарь* суть пождезначущія, ш. е. два разныхъ названія одному и тому же народу. Не доказавъ сего предположенія ни одною ссылкою на исторію Китайскую, началъ приводить изъ разныхъ историковъ мѣста то о Татаньцахъ, то о Татарахъ, принимая сіи слова одно за другое. Не смотря на то, что Китайскіе Историки иногда неправильно писали *Тата* вмѣсто *Татань* (нынѣ сія погрѣшность исправлена) они нигдѣ не принимали сіе слово за одно съ словомъ *Татарь*. Подъ первымъ разумѣли

цѣлое племя, занимавшее всю нынѣшнюю Халку; а подъ вторымъ, ш. е. *Татарь*, одно только поколѣніе изъ Татаньскаго племени, кочевавшее въ восточной части Халки. Сіе поколѣніе само въ себѣ еще дѣлилось на роды, какъ шо: *Чагань Татарь* (Бѣлые Татари), *Анци Татарь* (промышленные Татари) и проч. — Тамъ, гдѣ исторія говоритъ положительно и ясно, нѣтъ мѣста ни догадкамъ, ни произвольнымъ толкованіямъ. I.

Замѣчаніе любителю музыки въ Телеграфѣ.

Хотя Г-нъ опвѣщикъ на мою аншикришику, помѣщенную въ 10 Но. Московскаго Телеграфѣ и доставленную ему Г-номъ Издашелемъ упомянушаго журнала, даже до напечатанія ея, увѣряешь, что онъ впередъ не удостоитъ меня опвѣшкы; но при всемъ томъ, я не могу не сдѣлать еще нѣкоторыхъ замѣчаній на его опвѣшкѣ.

Сперва нѣсколько словъ Г-ну Издашелю. Благодаря его за помѣщеніе моей аншикришики въ Телеграфѣ, я долженъ однакожь жаловаться, не знаю на него ли, или на шипографщика. Кто нибудь изъ нихъ виноватъ. Пропустили слово, хотя маленькое, но очень важное, и еслибы безпристрастіе Г-на Издашеля не было такъ извѣстно, то можно бы думать, что онъ нарочно его пропустилъ. Я говорю о словѣ „эту“ послѣ „достала“ на 19 страницѣ, означающемъ здѣсь известную мазурку, согиненную лѣтъ восемь то-

му,“ следовательно шу самую, о которой Г-нь Любитель музыки говоритъ. Пропущеніе этого слова даетъ ему поводъ основашь на немъ часшь своего возраженія, и учишь меня, что Г-нь Лизогубъ сочинялъ не одну мазурку, но нѣсколько. Это я зналъ и безъ него, но сличивши всѣ, изданныя до сихъ поръ Г-номъ Лиз. мазурки, я не нашель ни одной, сходной съ мазуркою Г-жи Г. —

Тщешно я ожидалъ въ опвѣстѣ Г-на любителя музыки доказательсва обвиненія въ мнимомъ музыкальномъ похищеніи Г-жи Г. — Но обвиняшь легко, а доказашь шрудно. Онъ ничего не доказываетъ, а увѣряетъ только, что можешь доказашь, что ша мазурка, о которой онъ говоритъ, имветъ неоспоримое сходство съ мазуркою Г-жи Г. — Тушь шочно нѣшь ничего обиднаго, ибо сходны многія музыки, хопя не взяшы одна изъ другой, но для чего онъ въ кришикъ, кошорую впрочемъ самъ называетъ жалкою, сказалъ, что мазурка Г-жи Г. *вся взята* изъ мазурки Г-на Л., и что шолько перемѣнены нѣкошорые пассажи и прибавлены два новыя колѣна. Здѣсь, кажешся, логическая ошибка. Когда музыка состоишь изъ 4 колѣнь, изъ кошорыхъ два новыя, а въ другихъ перемѣнены пассажи, шогда кажешся нельзя сказашь, что она взята. Но Логику въ шпору, также и синонимика Г-на любителя музыки до-

вольно странна. По его мнѣнію *извѣстный* и *славный* синонимы. А кажешся въ нихъ большая разница. Вотъ напр. Г-нъ любилъ музыки есть извѣстный, но все таки еще не славный Кристикъ концершовъ и музыкальныхъ произведеній.

Любитель не только музыки, но и правды.

Приключеніа Хаджи Бабы ().*

(Продолженіе).

Когда мы на разспояніи Майдана подошли къ фрегашу, — вдругъ къ нашему удивленію, на звукъ трубы, откуда ни взялись толпы плясунъ канашныхъ, какъ съ перваго раза намъ показалось. Они рядами бросились по веревкамъ и взбирались все выше и выше, едва замѣшно для глаза, такъ что когда взлѣзли на вершину мачты, то можно было почесать ихъ за Гиновъ или Дивовъ; ибо такая смѣлость была не по силамъ человеческимъ. Мы едва успѣли взойти на палубу, (какимъ образомъ насъ взвели туда, про то одинъ благословенный Али знаешь), — какъ

(*) Чтобы избѣжать недоразумѣній, считаемъ за нужное замѣнить, что книга: *Adventures of Hajji Baba of Ispahan*, by Morier, которая только что переведена въ Германіи, есть новое сочиненіе, не давно вышедшее въ Эдмбургъ, и служитъ продолженіемъ другому сочиненію: *Приключенія Хаджи бабы*, еще въ 1824 году переведенному въ Германіи, изъ коего мы въ прошломъ году сообщили опрывокъ.

вдругъ выстрѣлили изъ пушекъ: это произвело въ насъ такое изумленіе, что наши печени, казалось, превратились въ воду, а мозгъ совсѣмъ высохъ. „Во имя Аллы,“ воскликнулъ Элхи, „что это значишь? Что это? — адъ или небо?“ Во время его восклицаній, Капшанъ явился передъ нимъ, низко раскланялся и по видимому дожидаясь, когда пройдетъ его изумленіе. Пальба умолкла и наши уши наконецъ ошдохнули, — пришелъ Мемандаръ и объяснилъ, что вся эта пальба была въ честь его Превосходительства, что въ Англии обыкновенно такъ принимаютъ особъ высокаго сана. „*О да никогда не убавится ваша тѣнь!*“ (?), отвѣчалъ Посланникъ, „благодарю весьма за эту честь,“ прибавилъ онъ, зашыкая уши пальцами, „и увѣряю васъ, что сей знакъ опилчія произвелъ на меня продолжительное впечатлѣніе. Но скажите, сдѣлайте милость, какая нужда стрѣлять изъ такого множества пушекъ и къ чему перьятъ по пушнякамъ такое количество безцѣннаго пороха? Вы за одинъ разъ гораздо болѣе исправили его, чѣмъ нашъ Шахъ при славной осадѣ Туса, когда онъ шремя ядрами и одной пушкой разбилъ въ прахъ цѣлое войско Узбека и привелъ въ шрепешъ все его Государство. Во имя Пророка, скажите, сколько у васъ пушекъ на корабль?“ — „Сорокъ чешыре,“ отвѣчалъ Мемандаръ. — „Въ самомъ ли дѣлѣ сорокъ чешыре?“ возразилъ Посланникъ. „Или

вы этому числу даёте смысл неопредѣленный и хошите имъ выразить множество чего нибудь, никакъ какъ мы, напримѣръ, упошребляемъ слово *Хегель минарь*, ш. е. сорокъ сполповъ, говоря о развалинахъ Персеполиса, или *Хегель тень*, ш. е. сорокъ шѣлъ, когда описываемъ множество свяшыхъ, погребенныхъ въ Мавзолеѣ Ширасскомъ? „Нѣтъ, я въ самомъ дѣлѣ разумѣю сорокъ чешыре,“ ошвѣчалъ Мемандаръ, ссылаясь на Капитана корабля, „но это еще малость: нашъ Король имѣетъ множество кораблей, изъ коихъ на каждомъ вшрое болѣе пушекъ прошивъ эшаго, а ужъ вѣрно пятьдесять съ такимъ же числомъ; если же счестъ всѣ пушки, копорыя шаскаются съ одного конца свѣша на другой, шо надо будешь считашъ не сошнями, а тысячами. — „Единъ Богъ надъ всѣмъ!“ воскликнулъ Посланникъ, положивъ палець въ уста и погружившись въ глубокую думу. „Вы видите,“ прибавилъ онъ обращаясь къ намъ, „видите, что я сказалъ правду: Англичане изъ рудокопень добываютъ свои пушки — и вопъ вамъ доказательство. Еслибъ нѣсколько сполѣшій на всѣхъ кузницахъ Ирана съ ушра до ночи велѣшь у насъ работашъ, шо все мы не перещеголяемъ ихъ количествомъ пушекъ.“ — „Да, да,“ ошвѣчали мы, „сущая правда.“ — Вдругъ, какъ будшо силой волшебства передъ нашими глазами развернулись паруса — шамъ, гдѣ мы ничего не видали кроиъ веревокъ и дерева; — и прежде

нежели Мулла успѣлъ бы перебрашь свои чепки и произнесши сто разъ: „Господи помилуй!“ — мы быспро понеслись по водѣ: дома, корабли, деревья, холмы, все вокругъ насъ пришло въ движеніе, — и мы невольнo покораились владычеству волнъ. „Пропали и мы, совсѣмъ пропали,“ воскликнулъ Посланникъ, „но всѣ мы въ десницѣхъ Алы!“ — „Боже, не остави насъ! О Могаммедъ! о Али!“ воскликнулъ я. — „О да сохранишь насъ Али!“ со вздохомъ произнесъ Церемоніймейстеръ.

(*Продолженіе впрѣдъ*).

Мысли, замѣчанія и Анекдоты.

У насъ естѣ много фанфароновъ, кошорые жалуются, что имъ писать нечего, — а мнѣ кажеться, что у насъ писать некому. Прошлаго года вышла книга: государшвенная внѣшняя шорговля, 1826 года, въ разныхъ ея видахъ. Какой здѣсь богашый запасъ для разсужденій! съ какою жадностію прочла бы подобныя разсужденія вся публика, кошорая имѣеть въ шорговлѣ личное участіе, и своимъ благососостояніемъ шакъ много ошъ нея зависиць, — и Правительство, кошорое съ благосклонностію принимаетъ всѣ подобныя замѣчанія, какъ шо мы видимъ по оффиціальнымъ журналамъ. И между шѣмъ никшо эшого не сдѣлалъ. — Ясно, что у насъ шполь мало людей, кошорое бы *смыслили дѣло*, сколько много крикуновъ, кошорые несмыслятъ его.

Въ Русскомъ языкѣ есть много словъ, ко-
 рые сославомъ своимъ заключающъ въ себѣ цѣлыя
 разсужденія объ выражаемыхъ ими предметахъ.
 Напримѣръ: какъ явственно выражается прошиво-
 ложность предметовъ въ словахъ *баринъ* и *рабъ*,
 въ коихъ буквы слѣдуютъ въ прошивоположномъ
 порядкѣ, (*барство*, *рабство*). — Въ словахъ *ве-*
сна и *осень* (прежде *есень*) также примѣшно
 нѣчто прошивоположное. — Опъ *ухо*, — *слухъ*,
слышать, *глухой*. *Другъ* производитъ опъ слова
другой, ш. е. другъ = другой я. Какъ лучше опре-
 дѣлишь друга? — Весьма хорошо неопредѣленные
 слова *некоторой*, *некогда*, *несколько*, и проч. со-
 славляюща изъ опредѣленныхъ *который*, *когда*,
сколько, съ приложеніемъ къ нимъ отрицанія
не. — По этому кажется должно писать не че-
 резъ *е*, а не черезъ *ѣ*. Прекрасно образованіе
 слова *исстина* опъ *есть*.

Смотря на Урокъ Холодшымъ Делафиня не лзя
 не подумашъ, что авторъ писалъ дѣйствующимъ
 лицамъ рѣчи на заказъ, и изъ собранія этихъ ум-
 ныхъ рѣчей, прилично между собою связанныхъ
 общими нишами, вышла комедія.

У насъ смѣялись прешьяго кажуща года надъ
 остроумнымъ плутовствомъ одного Англичанина,
 кошорой нехотѣлъ плашить пени за украденную

имъ пшицу, говоря, что по былъ селезень, а въ законѣ положеніе было наказаніе за ушку; — вотъ подобный Русскій анекдотъ: въ одномъ конкурсѣ Г-да кураторы не хотѣли давать чмшашъ своихъ прошоколовъ Кредитору, пошому что въ Банкротскомъ уставѣ вельно только ихъ *показывать*.

Странно, что наши Французскіе защитники прехъ единствѣ драматическихъ позабыли о древнѣйшей классической комедіи: вѣдь шамъ бездна романшизму въ шамъ смыслъ, какъ они его принимаютъ. — Да не съ умыслу ли они эшо дѣлають?

Одинъ мой знакомый, боясь ослѣпнуть, почти безпрестанно замуривалъ себѣ глаза. Чмшашель! кого можно бы сравнить съ моимъ зрячимъ слѣпцемъ?

Ни одна Литтература не находилась въ такомъ положеніи, какъ Русская: наша публика разсыяна по самой крушой лѣстницѣ; что нравится члену ея, споящему на нижней ступени, по неприяшно занимающему среднее мѣсто и даже прошивно венхнему и на оборотъ.

У насъ недоспаетъ еще сочиненія, въ которомъ изложены бы были взаимныя права писателей между собою, и мы живо чувствуемъ эшошъ недоспашокъ судя по нѣкоторымъ явленіямъ въ

нашей современной Липшерашурѣ. Покамѣсть —
вошь одно правило въ будущій кодексъ: писатель,
ученый, оказавшій Липшерашурѣ значительныя ус-
луги, и пользующійся общею, заслуженною сла-
вою, имѣеть полное право сказать свое мнѣніе
въ любомъ журналѣ, какимъ бы шо ни было обра-
зомъ, о всякомъ предметѣ, до Липшерашурѣ оп-
носящемся; журналистъ обязанъ даже помѣщать
его мнѣніе. — Такъ точно извѣстный драммати-
ческій писатель имѣеть свободный входъ во все
жешры. —

Намъ должно желать этого, и шакіе шолько
голоса могутъ служить руководствомъ общему
мнѣнію. N. N.

Къ сему номеру принадлежить Драматиче-
ское прибавленіе N. 4.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типогра-
фіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь эк-
земпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на
основаніи узаконеній. Москва, Іюля 28 го дня, 1828 года.

Въ должности Предсѣдателя Цензоръ
Сергій Аксаковъ.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

№ XV.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.
СТИХОТВОРЕНІЯ.

Э л е г і я.

О червь-шоска, за чѣмъ ты сердце гложешь!
За чѣмъ помишь неопытную грудь,
И миръ души зависщливо превозишь,
И ей не дашь въ мечтаніи заснуть?

*

За чѣмъ ты здѣсь въ моей убогой кельѣ,
Коварный шавъ сокровищей души!
Гдѣ мирный шрудъ и чистое веселде
Такъ ужились въ хранищельной пиши?

*

Къ чему тебѣ я мученикъ несчастной?
Ты жершвъ своихъ не знаешь выбирать;
Минувшее мое свѣшло и ясно:
Скажижь, шоска, за что меня шерзашь?

*

Быть можеть, ты предчувствіемъ печальнымъ
 Мой мирный духъ шревожишь и мянешь;
 Какъ черный вранъ напѣвомъ погребальнымъ,
 Заранѣ вѣшь грушную даешь.

*

Поди же прочь ... и если роковая
 Мнѣ въ небесахъ готовишь стрѣла,
 За чѣмъ же ты, такъ спрашно предваряя,
 Всѣ радости заранѣй опняла?

*

Подай мнѣ ихъ, пока мои — мгновенья!
 Дай мнѣ еще испить ошь благъ земныхъ:
 Возьми всю жизнь, возьми ея мученья,
 Но мнѣ ошдай ея послѣдній мигъ.

~~~~~

Недокончанная картина.

Чья мысль восшоргомъ угадала,
 Постигла шайну красомы?
 Чья кисть, о небо, означала
 Сии небесныя чершы?

Ты, Геній! .... Но любви шраданья
 Его сразили. Взоръ нѣмой
 Вперилъ онъ на свое созданье
 И гаснетъ пламенной душой.

А. Пушкинъ.

~~~~~

Н о т ы.

Какъ ночь прекрасна и чиста,
 Какъ чувства тихи, свѣтлы, ясны!
 Ихъ не коснется суеша,
 Ни пламень нѣги сладострастный!

*

Онѣ свободны, какъ эфиръ;
 Онѣ, какъ эшѣ звѣзды, спройны, —
 Какъ въ лонѣ Бога спящій міръ,
 И величавы и спокойны.

*

Единый хоръ ихъ слышу я,
 Когда все спишь въ спранахъ окрестныхъ!
 Полна, полна душа моя
 Какихъ-то звуковъ неизвѣстныхъ.

*

И все что ясно зрится въ день,
 Что можешь выразишься словомъ,
 Слилося въ сумрачную тѣнь,
 Облечено мечпы покровомъ.

*

Неясно созерцаешь взоръ,
 Но все душою дозрѣваешь:
 Такъ часто сердцемъ понимаешь
 Нѣмаго друга разговоръ.

С. Ш.

Изъ Гёте.

Сонные, спите по вашимъ шабрамъ,
 Дайте коня, полечу по снеламъ:
 Конь подо мною, шапка на мнѣ,
 Чшо же надъ шапкой? . . . звѣзды однѣ.

*

Звѣзды не даромъ Творцемъ зажжены:
 Въ морѣ, на сушѣ вождами даны;
 Въ небѣ не даромъ ихъ свѣщитъ краса:
 Взоры и душу манишь въ небеса.

* *

Перемѣна.

Отъ хилыхъ лѣтъ, отъ жизни пьяной
 Въ немъ перемѣны нѣтъ большой:
 Онъ въ прозѣ писывалъ водяной,
 Теперь онъ пишеть въ водяной.

Равновѣсїе.

„Какъ смѣлъ Авдей!“ швердите вы, —
 „На всѣ опасности гошовой!“
 — Въ иныхъ дѣлахъ онъ, правда, двуголовный;
 За шо въ другихъ безъ головы.

* *

ПРОЗА.

Аксель,

Романъ Исаи Тегнёра (*).

(Переводъ съ Шведскаго).

Люблю спаринныя времена Карловы: онѣ были веселы какъ спокойная совѣсть, славны какъ побѣда. Еще блескъ ихъ отражается на небосклонѣ Сѣвера: еще блуждаютъ памъ въ синихъ одеждахъ и желтыхъ поясахъ

(*) Тегнёръ занимаетъ теперь одно изъ первыхъ мѣстъ между Шведскими Литтературами. Гете называетъ его новымъ метеоромъ, блистающимъ на горизонтѣ міра Поэзіи. Онъ издалъ *Frithiofs Saga*, героическую поэму въ 24 отдѣленіяхъ; *Аксель, Романъ*; — сіи два стихотворенія, которыхъ въ непродолжительномъ времени вышло при изданіи, переведены на Нѣмецкій и Дашскій языки; — *военныя пѣсни* и другія *патриотическія* стихотворенія. — Его рѣчи, при вступленіи въ члены Шведской Академіи наукъ, при окончаніи лекцій въ Лундскомъ Университетѣ и при многихъ другихъ случаяхъ, почитаются лучшими произведеніями Шведскаго краснорѣчія. — Его слогъ вообще отличается своею силою, крашкостію, но при томъ и пріятностію и чистотою. Онъ вездѣ оригиналенъ. Часто попадаются такіа выраженія, которыхъ не возможно перевести на другой языкъ. — Соотечественники вообще весьма любятъ и уважаютъ его. Шведскій языкъ, который во многомъ бѣденъ и образованъ отчасти по Французскому, отъ чего въ немъ и встрѣчается много Французскихъ словъ; во въ сочиненіяхъ Тегнёра чистъ, и богатъ прекрасными оригинальными выраженіями и оборотами: всякой сочинитель Шведскій въ этомъ отношеніи долженъ уступить ему первенство. *Пр. Пер.*

пѣни могущихъ въ заревъ неба вечерняго. Съ благоговѣніемъ взираю на васъ, випязи высшаго міра, въ блестящихъ лапахъ и съ длинными мечами!

Въ дни дѣйствія моего я зналъ одного изъ старыхъ воиновъ Карловыхъ: онъ оспался на землѣ побѣднымъ памятникомъ среди развалинъ.

Все серебро его соспояло въ блестящихъ сѣдинахъ главы сполѣшней; слѣды язвъ на челѣ вѣщали шоже, что руны (*) камня надгробнаго. Онъ былъ бѣдень и дружень съ нуждою; игралъ несчастіями: жизнь онъ вель шуже, какую прежде въ спанѣ; жилище его было въ лѣсу. Но два сокровища имѣлъ онъ: Библию и старый мечъ съ именемъ Карла двѣнадцатаго. Подвиги Короля Великаго, копорыхъ ищущъ нынѣ въ тысячахъ писаний, (ибо онъ орломъ облетѣлъ страны далекия), — хранились въ памяти старца, какъ урны випязей хранятся въ могильныхъ, зеленю одѣтыхъ, курганахъ. Какъ возвышалъ онъ чело свое, какъ сверкали ясные глаза его, когда онъ разсказывалъ объ опасностяхъ Короля и синихъ (**) его удалцовъ! Каждое

(*) Такъ называются древнія Скандинавскія буквы.

(**) Т. е. одѣтыхъ въ синія плаща. Шведскій національный двѣшь есть синій и желтый.

слово, вылетавшее изъ его устъ, звенѣло, какъ ударъ меча булатнаго. — Такъ просиживалъ онъ часто до глубокой ночи, рассказывая о временахъ прошедшихъ, и всякій разъ, когда произносилъ имя Карла, снималъ свою вѣшную шляпу. Удивленный, стоялъ я у колыбели его; въ самомъ еще младенческомъ впечатлѣніи въ памяти моей величественный видъ сего потомка богатырей, и много шустрыхъ воспоминаній изъ рассказовъ его съ тѣхъ поръ живутъ въ душѣ моей, какъ лилія, дремящая въ сѣмени подъ зимнимъ снѣгомъ.

Спарецъ почилъ сномъ смертнымъ. Миръ его праху! Изъ устъ его я слышала повѣсть: прими ее, Сѣверъ, и плачь со мною объ участи Акселя! Пѣснь моя слаба передъ словами спарца: она сложена въ простыхъ стихахъ.

Ведикій Король находился въ Бендерахъ. Области его были опустошены: имя его, незадолго славное, сдѣлалось предметомъ посмѣянія; народъ его, подобно израненному вепрю, уже чувствующему холодъ смерти, стоя на колыбеляхъ, еще боролся подъ прикрытіемъ щипа: въ душѣ одного Карла тайлась надежда къ спасенію. Буря развѣвала листья книги судебъ, земля попрыскалась; но онъ стоялъ непоколебимъ,

какъ каменный сводъ въ разрушенномъ городѣ, какъ скала въ бурномъ морѣ, какъ швердоссть души надъ могилой.

Въ одинъ вечеръ сказалъ онъ Акселю: „Вошь письмо,“ (онъ далъ ему письмо) „возьми его, Аксель, и скачи день и ночь въ Швецію: шамъ вручи его Совѣту; съ Божіею помощію опправься нынѣ же вечеромъ и поклонись дравъ; нимъ скаламъ нашимъ!“

Молодой Аксель спрашно любилъ скакать на конѣ. Съ радосшію взявъ письмо, зашилъ его въ поясъ.

Отець его палъ подъ Головцынымъ полѣ Король, и сынъ брани, оспавшійся сиротою, взросъ при звукахъ оружій. Онъ было однимъ изъ прекрасныхъ созданий, иногда еще рождаемыхъ Сѣверомъ; свѣжъ какъ роза, шенокъ и высокъ какъ сосны Швеціи. Подобно своду неба въ безоблачный день, чело его было опкрышо и величественно; черны лица важны и благородны. Ясны глаза его казались сотворенными для того, чтобы съ упованіемъ и надеждою возноситься въ горня къ Олицу свѣта, и безъ страха взирашь долу на смершнаго, окруженнаго вѣчнымъ мракомъ. — Онъ приняшь былъ въ хранители Король, которые были близки душѣ его. Малъ былъ сей опрядъ: числомъ ихъ было семь, какъ звѣздъ въ колесницѣ

нарловой (1), или по крайней мѣрѣ не болѣе девяти, какъ дѣвъ памяти: и строгъ былъ выборъ изъ желающихъ вступишь въ сіе число. Ихъ испытывали огнемъ и мечемъ. Они составляли дружину крещенныхъ Викинговъ (2), подобную шѣмъ, которыя нѣкогда на драконахъ (3) переплывали темно-синія волны. Они никогда не покоились на поспеляхъ, но всегда на плащахъ своихъ, на землѣ, подъ бурями и мяшелями сѣвера — спокойно какъ на цвѣшущемъ лугу. Они разгибали подкову, и никогда не видали ихъ предъ прескучимъ пламенемъ на гранишномъ очагѣ. Они любили нагрѣвать шаптры свои раскаленными ядрами, багровыми какъ свѣшило дня, когда оно въ зимній вечеръ погружается въ кровь. У нихъ былъ законъ, по которому въ буйномъ сраженіи одинъ могъ опсшупашъ не меньше какъ ошъ семерыхъ прошивниковъ, и всегда къ нимъ грудью, ибо не лѣзя было показывать шыла врагу. Наконецъ у нихъ было правило шягосшное, можешъ бышъ шягосшнѣйшее

(1) Такъ называется у Шведовъ созвѣздіе, *большая медвѣдѣца*.

(2) Викингами назывались Норманны, храбрые воины, отправалявшіеся за море, въ дальныя страны, для пріобрѣшенія богатства и славы.

(3) Корабли нѣкоторыхъ Викинговъ, имѣющіе видъ драконовъ, назывались тоже драконами.

изъ всѣхъ : — имъ было запрещено обращать взоръ свой на дѣвъ, пока самъ Карль не изберетъ себѣ невѣсты. Какъ бы ни блиспали два небесноголубые глаза, какъ бы ни улыбались двѣ алыя губки, сколько бы ни плавали на озерѣ своемъ два лебедя персей, — имъ должно было или дремать или убѣгать : ибо обручены были съ мечами.

Молодой Аксель съ радостію сѣдлаетъ коня своего, и ѣдетъ день и ночь; ѣдетъ лѣсомъ по границамъ Украйны, и вдругъ засверкали вокругъ него копья и сабли, и въ минушу сомкнулся около него блестящій кругъ.

„Ты везешь письмо изъ Бендеръ, сойди, опдай его мнѣ — опдай или умри!“

Ударъ меча его былъ яснымъ Шведскимъ опвѣтомъ, и вопросившій пошчасъ съ покорностію падаетъ на землю, обогренннй своею кровью. Обращившись спиною къ дубу, вишазь играетъ въ кровавую игру. Гдѣ ни просвищеть тяжкій мечъ его, шамъ преклоняетъ колено и журчитъ кровь. Свято сохранилъ онъ кляшву : не прошивъ семи — этаго было бы мало — нѣшъ, одинъ прошивъ двадцати успремлялся булатъ его. Онъ бился какъ Рольфъ Краке (*),

(*) Въ древней Скандинавской Мифологіи извѣстный вишазь.

Безнадежный, сражался только для того, чтобы иметь спутниковъ къ смерти; и уже множество язвъ багровыми устами шепчуть о послѣднемъ его мгновеніи; кровь вокругъ его сердца засыпаетъ; рука, какъ бы сросшаяся съ рукояткою меча, нѣмѣетъ, — мрачно въ глазахъ его, и, обезсиленный, погружается онъ въ глубокую ночь.

Тогда раздались вдругъ охотничьи клики въ лѣсу: и смѣлый соколъ и вѣрная собака преслѣдуютъ добычу. Толпа охотниковъ скачетъ во весь опоръ. Впереди на бурномъ бѣгунѣ, въ зеленой охотничьей одеждѣ, съ румяными ланинами, вихремъ мчится вишязь-дѣва, прекрасная какъ лучъ солнечный. Успрашенная толпа разбойниковъ бѣжитъ: но конь дѣвы пугается шруповъ, и она мгновенно соскочила на землю. Аксель лежалъ тамъ, какъ въ долину дубъ надъ кустарникомъ, низверженный съ верною бурею.

Какъ прекрасенъ казался онъ, плавая въ крови своей! ... И наклонясь надъ нимъ спояла Марія, какъ Діана, сошедши съ небснаго пупи своего на Лаэмосъ, — вдали отъ шумной охоты спояла надъ своимъ Эндиміономъ.

Спящій плѣнникъ ея былъ не прекраснѣе Акселя. Искра жизни еще таишся въ груди изъязвленной, и его

блѣднаго ошорожно несуть на носилкахъ, наскоро сплешенныхъ изъ вѣшвей, въ близкій домъ ея.

Подобно пышной розѣ, распущей подлѣ обрушенной сщасиу Геркулеса въ рощахъ нѣкогда сщасливой Греци, она сидѣла у изголовья Аксея, вперивъ на поблѣднѣвшія черты его взоръ полный сосщраданія и горести. И, вошь! онъ пробудился, озирается кругомъ; но взоръ его, прежде такъ ясный и крошкй, спалъ мраченъ и дикъ. „Гдѣ я?“ говоритъ онъ, „чего шы хочешь отъ меня, дѣва? — Женщина, не должна глядѣть на меня: я принадлежу Королю Карлу. Слезы швои не должны орошать ранъ моихъ. Отець мой, обипающй въ млечномъ пуши, прогнѣвается, ибо слышалъ мою кляшву. Но какъ прекрасенъ лукавый соблазнишель, какъ привлекателенъ! Удались отъ меня, духъ искушенія! Гдѣ мой поясъ? гдѣ мое письмо, написанное собщвенною рукою Короля Карла? Ошеръ мечъ ошца моего, особенно на Москвишянъ! Какъ радосшно было разишь ихъ! я бы желалъ, чшобы самъ Король это видѣлъ. Они падали какъ спѣлые колосья подъ серпомъ. У меня самага, помнишь, шекла кровь. Привезу письмо въ Стокгольмъ: я чешщю къ шому обязанъ. Я долженъ спѣ-

„шишь!“ Такъ говорилъ онъ въ бреду; но, другъ брани, покрытый смертною блѣдностію, онъ снова палъ на мирный одръ.

Жизнь и смерть препирались о семь юношѣ; но жизнь воспоржествовала. Опасность мало по малу исчезала; и Аксель могъ уже, хотя помнымъ, но спокойнымъ взоромъ смотрѣть на ангела, сидѣвшаго подлѣ него. Она не похожа была на красавицъ идиллій, которыя вздыхая блуждаютъ по зеленымъ рощамъ — изображенія вѣчной веселости: не незабудочкамъ подобны были глаза ея, не золошымъ лучамъ солнечнымъ уподоблялись ея кудри, не лилейной бѣлизною сіяли ланины, — она была дѣва юга: густыя, черныя локоны лежали какъ полночь надъ розовымъ садомъ; веселая опважность гордо и величественно изображалась на челѣ, какъ спасуя Викторіи на могилѣ героини; зарею румянились щеки; спань ея — спань Ореады; посушь легкая и живая. Высоко воздымались перси, волнуемая юношью и здравіемъ; шло ея сопкано изъ розъ и лилій; душа, полная огня и пламени, уподоблялась южному небу, наполненному благоуханіемъ цѣфповъ и позлащаемому сіяніемъ солнца. Въ темныхъ очахъ ея земный огонь сливался съ небеснымъ. Иногда взирала

она гордо какъ орелъ Зевеса съ высоты надзвѣздной; иногда какъ чета голубей, носящихъ воздушную колесницу Венеры.

О Аксель! скоро боль ранъ твоихъ пройдетъ. Снаружи грудь твоя изцѣлится; но ахъ! что будешь съ твоимъ сердцемъ? Не смотри такъ спрашно на руку, перевязывающую ранъ твои: эта нѣжная, бѣломраморная рука не должна покоиться въ твоей: она опаснѣе чѣмъ въ прошломъ году въ Бендерахъ руки Опшоманскія, вооруженныя саблями и пистолями. Си румяныя, свѣжія уста, которыя, едва открывшись, шепчуть тебѣ волшебную пѣснь объ утѣшеніи и надеждѣ. . . лучше быlobы тебѣ еще разъ слышать громъ, которымъ Царь Пешръ гремѣлъ при Подтавѣ. И, во время лѣтняго зноя, когда ты блѣдный и изнеможенный едва передвигаешь ноги, пусть мечъ твой будешь тебѣ подпораю, а не нѣжная рука, которая служишь изголовьемъ Амуру!

О любовь! о чудо неба и земли, дыханіе блаженства, свѣжее вѣяніе Божества, прохлаждающее знойныя дубравы жизни! Ты сердце въ груди природы! — Въ морѣ капля сливается съ каплею; въ высотѣ всѣ звѣзды отъ полюса до полюса ликующъ въ брачныхъ хороводахъ вокругъ своихъ

солнцевъ. Ты еще оспалась въ душѣ человека вечернимъ отблескомъ, слабымъ напоминаніемъ лучшихъ, счастливейшихъ дней, когда онъ на дѣтскомъ праздникѣ, въ голубомъ небесномъ шереми, гдѣ сіяють висяція на пополкѣ серебряныя люстры, всякой вечеръ проводилъ въ пляскахъ и забавахъ, и упомленный засыпалъ на рукахъ отца своего: — тогда онъ былъ богатырь, какъ воображеніе; языкъ его былъ языкъ молитвы, и всякой изъ крылатыхъ небесныхъ красавцевъ былъ его братомъ. Но упалъ онъ на землю и любовь его поперяла чистоту свою. Однако онъ узнаешь еще въ любезномъ ему предметѣ черпты прежнихъ небесныхъ друзей; онъ еще внимаешь ихъ голосу въ гимнахъ весны и въ пѣсняхъ поэта; тогда душа его трепещетъ отъ радости, какъ бьется сердце странника-Швейцарца при звукахъ родной пѣсни, пробуждающихъ въ немъ воспоминанія объ Альпахъ и его дѣтствѣ.

Уже смеркалось. На западѣ, вечеръ въ дремотѣ лежалъ на ложѣ своемъ. Тихо и безмолвно, подобно жрецамъ Египетскимъ, звѣзды выступали въ пушь своей. Подъ ихъ пререпнымъ мерцаніемъ земля стояла, какъ счастливая невеста подъ вѣнчальнымъ покрываломъ, улыбаясь и краснѣя. — Наяда, упом-

ленная дневными играми и зноемъ, прохлаждалась, лежа на берегу свѣтлаго ислупочника, и заря, какъ пышная роза, сіяла на груди ея. Амуры, дошолъ скопанные солнечнымъ свѣтомъ, освободились, и, съ лукомъ и стрѣлами, въ сіяніи луны, лежали надъ зеленою рощею, образующей триумфальныя врата, черезъ копорыя весна недавно совершала поржеспвенное вшествіе. На дубѣ пѣлъ соловей: пѣснь его невинная и свѣтлая, какъ пѣснопѣніе Францѣна (*), разносилась по долинь. Природа, казалось, говорила, что она празднуетъ часъ любви, такъ спокойно и живо, что можно было чувспвовать біеніе ея сердца. Въ это время юная чета прохаживалась въ упоеніи чувствъ. Какъ обручаемые мѣняющіяся кольцами, — такъ они мѣнялись воспоминаніями своего дѣшства. Аксель говорилъ о томъ сладостномъ врѣмени, копорое провелъ онъ въ домѣ своей матери, осеннемъ соснами сѣвера; онъ говорилъ о любимой родинѣ и любезныхъ сестрахъ, уже умершихъ. Онъ рассказывалъ, какъ старинныя, возвышенныя богатырскія пѣсни, и чудесныя саги, въ богатыхъ переплесахъ, возбуждали въ немъ желаніе къ подвигамъ;

(*) Извѣстнаго Шведскаго поэта.

какъ часто во снѣ, онъ, спальный ви-
шязь, подобно Сигурду Фофнисбане (*),
на высокому иноходцу, проѣзжалъ че-
резъ пламя Вафура, къ дѣвѣ памяти (**),
которой замокъ споялъ въ лавровой
рощѣ на вершинѣ горы, блистая при
вечернемъ сіяніи луны: тогда душно
спановилось въ груди его, тѣсно въ
покоѣ: онъ бѣгалъ по лѣсу, съ дѣп-
скою радостію взлѣзалъ къ орламъ на
вершины сосенъ, и качаемый сѣверными
вѣтрами прохлаждалъ сердце и пылаю-
щія ланины. Тогда онъ восклицалъ: О!
еслибъ я могъ на колесницѣ воздушныхъ
облаковъ понесись далеко, шуда за за-
ливъ — въ дальній, прекрасный свѣтъ,
куда манишь побѣда; гдѣ слава держишь
вѣнокъ, пригошвленнѣй для главы
храбраго; гдѣ Король Карлъ (который
только семью годами съ половиною
старше меня) мечемъ пожинаешь короны,
и, подобно божеству, пошчасъ раздаешь
оныя. „Пятнадцати лѣтъ“, говоришь
онъ, „я уже не могъ оспаваться у лю-

(*) Въ старинныхъ сагахъ извѣстный герой, убившій
дракона Фофнисъ, который сперегъ богатый кладъ.
Его подвиги прославлены въ трехъ особенныхъ пѣс-
няхъ Эдды, и онъ же воспѣтъ подъ назван. Сигфри-
да, въ одной нѣмецкой національной пѣсни: *Lied der
Niebelungen*.

**) Дѣва памяти—Сага, Богиня исторіи у древнихъ
Скандинавовъ.

бимой маперы: въ слезахъ я палъ ко груди ея и — отправился въ Польшу. Тамъ жизнь моя пропекала въ спанѣ, и между пушками и оружіями пылала вѣрносшію, какъ надежные спорожевые огни. Но когда я смотрѣлъ на пшницъ, пишущихъ и лелѣющихъ своихъ пшнцовъ, когда я видѣлъ дѣшей, играющихъ цвѣтами на краю серебристаго ручейка; тогда громъ войны казался мнѣ ничтожнымъ: милые образы мира, златые класы, зеленые рощи и игры дѣшей оживлялись въ душѣ моей. Мнѣ предспавлялась юная дѣва, споящая у дверей сельской хижины: лучи заходящаго солнца играли на лицѣ ея, знакомомъ мнѣ по часпымъ сновидѣніямъ. Съ недавняго времени сіи образы непрерывно полняшся въ душѣ моей: я смыкаю глаза — и однакождъ вижу ихъ ясно и живо, вижу дѣву — она образъ швой въ зеркалѣ, Марія!“

Смѣшавшись оцвѣчала Марія: „О
 „какъ счастливы мущины! они сильны,
 „не носятъ оковъ, съ самага младенче-
 „сшва свободны; восхищающая опас-
 „носшь, блескъ славы, земля и небо —
 „принадлежащъ имъ. Но женщина на-
 „значена судьбою дополняшь мущину;
 „она перевязка ранъ его, забываетъ,
 „мая съ излеченіемъ оныхъ; она жер-

„шва, онъ жертвенное пламя, величе-
 „спвенно взвивающееся къ небесамъ. —
 „Опець мой палъ въ полкахъ Царя; чуть
 „чуть помню образъ моей махери,
 „и, дочь пусыни, я въ дикоспи
 „взросла въ семь замкѣ. Не видалъ ли
 „пы на обширной равнинѣ нашихъ ве-
 „сельныхъ шабуновъ? Опважные, какъ
 „вишязь, легкіе, какъ лань, они не
 „принадлежатъ никому; насмороживъ
 „уши, они оспанавливаются, обраща-
 „ются противъ вѣтра, и вдругъ, почу-
 „явъ опасность, въ облакъ пыли про-
 „бѣгаютъ по полямъ, и неподкованнымъ
 „копытомъ поражаютъ прошивниковъ,
 „спрадаютъ и веселятся. О свободныя
 „чада пусыни, какъ пріятна, какъ
 „счастлива ваша жизнь на зеленыхъ по-
 „ляхъ! — Такъ восклицала я часто, ког-
 „да мой ржущій аргамакъ, взнудан-
 „ный рабъ, послушно носилъ меня под-
 „лѣ свободныхъ братьевъ своихъ; я про-
 „сила ихъ оспановишься, но шабунъ, не
 „внимая ни мнѣ, ни привѣщамъ своего
 „поварища, съ презрѣніемъ пробѣгалъ
 „мимо насъ. Вѣчное одно и тоже въ замкѣ
 „спановилось несносно для вольнаго духа
 „моего; я выѣзжала сражаться съ вод-
 „ками лѣсовъ и горцыми орлами, и часто
 „изъ кошней медвѣдя выкупала свою
 „жизнь, кошорая послѣ того оспановилась

„для меня драгоценнѣе. — Такъ, При-
 „рода! тебя мы никогда не въ си-
 „лахъ преодолѣть! въ хижинѣ или на
 „престолѣ, прослая швея или ама-
 „зонка, твоя женщина всегда будетъ
 „женщиною: — лоза, увядающая
 „безъ опоры, существо, копо-
 „рому всегда недостаетъ половины:
 „и счастье, ни съ кѣмъ не раздѣляемое,
 „ей не въ счастье, и радость ея ро-
 „ждена близнецомъ. Сильно у лѣвой ру-
 „ки пѣсннѣе безпокойство, копорымъ
 „пріятно: снрадать, стремленіе къ
 „чему-то невѣдомому, споль мучи-
 „тельное, но вмѣстѣ споль радостное:
 „оно безъ предѣловъ, безъ цѣли; кажет-
 „ся, я на крыльяхъ поднимаюсь съ зем-
 „ли, изъ сего низкаго ничтожнаго праха
 „къ звѣздамъ выснреннимъ, къ обше-
 „лямъ вѣчныхъ, и какъ бы опншь нис-
 „падаю къ вамъ, милыя существа. Вы,
 „деревья со мною выросшія, пы холмъ,
 „красующійся цвѣтною опушкою, пы,
 „ручей, увлаждающій твоими любов-
 „ными напѣвами! Тысячу разъ слыхала,
 „видала я васъ, но всегда смонрѣла на
 „васъ равнодушно какъ безчувственное
 „изваяніе: шеперь, лишь сполько пе-
 „перъ я васъ полюбила, и полюбила
 „больше нежели самую себя: я чув-
 „ствую въ себѣ что то высшее, чис-

„шйшее прежняго, съ шйхъ поръ
„какъ. . . .“

Румянецъ слепѣлъ на ланины дѣ-
вы, и вздохъ досказалъ недокончанную
мысль.

Лѣсъ оглашается пѣснiю соловья,
и луна сквозь облака подслушиваетъ.

Въ продолжительномъ и непрерыв-
номъ лобзанiи, шепломъ какъ жизнь,
вѣрномъ какъ могила, слились ихъ души
въ одну блаженную гармонiю, какъ два
жертвенныя пламени сливаются въ од-
но и, возвышаясь къ небесамъ, блиста-
ютъ высшимъ свѣтомъ. Вселенная для
нихъ исчезла и время въ своемъ полетѣ
остановилось. Каждый мигъ смертно-
сти опредѣляется временемъ, но поцѣ-
луи смерти и любви суть чада вѣч-
ности. Счастливые! Еслибы вселен-
ная превратилась въ пепель, они не ви-
далибы ея пламени; еслибы швердь не-
бесная обрушилась, они не слыхалибы
ея обрушенiя. Какъ два генiя, сѣвера и
юга, они споялибы прикованные уста-
ми къ устамъ, сами не понимая, что
опъ земнаго переселились въ небесное
блаженство.

Изъ сего неземнаго странствiя
Аксель первый пришелъ въ себя. „Те-
„перь, клянусь я своимъ мечемъ, кля-
„нусь честнiю сѣвера и звѣздами, подоб-

„но бѣлыми брачными дѣвамъ блестя-
 „щими надъ нами, — клянусь землею и не-
 „бомъ — пы моя! Какъ бы счастливѣ
 „былъ пошъ, кто вдали ошъ сраженій,
 „въ привѣшной долинь, въ между-
 „горной обитали мира могъ жить и
 „умереть съ побою! но ахъ! кляшва,
 „кляшва меня обязываетъ: съ грознымъ
 „взоромъ и блѣдными ланинами она,
 „нѣмая, кладетъ свою холодную руку
 „между нашихъ пылающихъ сердець. Но
 „не спрашисъ: все еще можешь пере-
 „мѣнишься: кляшва должна бытъ раз-
 „вязана, а не разорвана. Я долженъ
 „вхашъ. — Какъ скоро будущій Май
 „пригласитъ насъ на цвѣшущій праз-
 „дникъ, — тогда я непременно опять
 „буду здѣсь, тогда повезу я тебя мо-
 „ею невѣстною, моею женою. Прости,
 „пы половина души моей, прости до
 „пѣхъ поръ — прости надолго!“ —
 Сказавши сіе, онъ опворопилъ ошъ
 нея: и взявъ поясъ и мечъ, неуспра-
 шимо опправляешся въ путь черезъ
 многія царскія области. Днемъ онъ
 укрываешся въ лѣсу, а ночью направ-
 ляешъ свой путь по ядру небосклона,
 недвижной звѣздѣ нашего сѣвера, и по
 милой Карловой колесницѣ, не знаю-
 щей захожденія, — колесницѣ съ блес-
 тящимъ дышломъ и съ осевыми гвоз-
 дами, скованными изъ числѣйшаго зо-

доша. — Такимъ образомъ, окруженный тысячею опасностей среди вражескихъ полковъ, онъ прїѣхалъ къ берегамъ Мьлара (*), въ Королевскую столицу, гдѣ всѣ съ удивленіемъ узнали о спасеніи дерзновеннаго, и, по приказу Короля, съ поздравленіемъ вручили письмо Совѣту.

„Кто велѣлъ тебѣ дать кляпву?...
 „не для сокрушенія ли сей груди? —
 „какъ ...? Но мой голосъ замираетъ въ
 „опдаленіи; вдова, вздыхающая среди мо-
 „гилъ, голубка, въ горести носящаяся
 „по землѣ и по обширному простран-
 „ству небесному, все безъ опѣва. Ахъ!
 „лѣса бушуютъ, волны шумятъ между
 „нами, онъ не слышитъ меня. Чшожь?—
 „Еслибъ я послѣдовала за нимъ? —
 „Нѣтъ неприлично женщинѣ. —
 „Женщинѣ? Кто узнаетъ? Препоя-
 „шусь мечемъ и — я мужъ! Я часно
 „играла съ опасностію на жизнь и
 „смерть. Я выросла на иноходцѣ и свинецъ
 „мой еще никогда не ошибался... Какое-то
 „Божество вдохнуло мнѣ сію мысль... О
 „Аксель, Аксель! шеперь ты мой! Я бу-
 „ду искашь тебя на Сѣверѣ, я буду ис-
 „кашь по всей землѣ, полечу изъ дома въ
 „домъ, съ берега къ берегу, и вынужу

(*) Мьларъ есть озеро, при втеченіи котораго въ море сплитъ Сноггольвъ.

„кляшву изъ успѣ своихъ. Прими меня,
„о брань, на свои крылья и перенеси въ
„землю Аксея!“

Сказано и сдѣлано. Рѣшишь и испол-
нишь одно и поже для женщины. Съ
послѣшностію она преобразилась въ
мушину. Подъ шлемомъ война скры-
ла полночь локоновъ своихъ; коллешъ
спѣснилъ богашья перси; сума на-
полнена свинцомъ и порохомъ, и че-
резъ бѣлое, нѣжное плечо повѣшена
зришельная шруба смерти — карабинъ.
На поясъ, извѣшномъ по сказкѣ Гре-
ковъ, сверкаешъ изогнушая сабля; надъ
успами проводилъ она краску въ замѣну
усовъ, — и онъ спали похожи на розу,
обвишую дымкою. Препоясанная мечемъ,
она подобилась Амуру въ геройскомъ
убранствѣ, какъ онъ изображенъ на
блистательномъ щитѣ Алцибиада. „Про-
„щай, опеческій домъ! когда нибудь
„я возвращусь къ тебѣ уже съ любо-
„вію и миромъ: шеперь не могу ме-
„длить болѣе. Прими меня, о ночь,
„подъ покрывало и веди къ другу мо-
„его сердца!“

Тогда уже находился градъ Пеш-
ровъ на завоеванномъ берегу спящаго
Сѣвера. Тогда онъ былъ малъ, какъ
новорожденный драконъ, лежащій при
заливѣ и изгибающійся на пескѣ, со-

грѣшомъ солнцемъ ; но примѣшны уже свойства молодого чудовища : — ужъ ядъ кипитъ въ зубахъ его, оно црипишъ раздвоеннымъ лзыкомъ. — Тамъ снаряжали флотъ , коему назначено было смертію и пламенемъ опустошитъ берега Свей . . Среди опасностей , шуда Марія направляетъ путь свой : тамъ она представляется среди мечей и проситъ мѣспа на флотъ . Вождь дикихъ дружинъ , пронцапельно взглянувъ на нее , говоритъ : „ молодой человекъ ! ты , кажешся , будешь опаснѣе для дѣвъ Сѣвера , нежели для мужчинъ ; куда ни пошлемъ тебя , никто не схватитъ тебя за брану . Однако ты можешъ у нихъ научиться войнѣ , — ихъ война на жизнь и смерть , — обѣ въ рукахъ Бога и святаго Николая ! “

Ужъ паруса надуваются въпромъ и корабли браздятъ пѣнящіяся Балпійскія волны , озлащаемыя пламенемъ вечерняго солнца ; скоро являющся Шведскія горы , сіи древніе исполинскіе курганы природы , устоявшіе противъ ярости времени и волнъ . —

Русскія войска высадились на Сопашерь , берегъ любезный для сердець вѣрныхъ . Тамъ нѣкогда молодой Яльмаръ и прекрасная Ингеборгъ распались въ послѣдній разъ ; тамъ она , у-

знавъ о переселеніи его въ чертоги
 Одина, кончила жизнь оупь грусти, и ея
 геній еще сидитъ на скаль, поскую о
 своемъ другѣ. О Левкада Сѣвера! Сѣверъ
 забываешь швое имя, нѣкогда славное
 во время Сагъ; но пѣснь о смерти Яль-
 мара и грудь Скальда шебя не забу-
 дупь. Ужь деревни, зажженные врагами,
 пылають; вопли младенцевъ раздаются,
 жены скрываются, ибо Русская брань
 имъ извѣсна; набашь гремишь день и
 ночь; — но мертвыхъ онъ не воскре-
 щаешь. Горе шебъ, опустошенная спра-
 ца! швои випязи всѣ въ могидахъ! Од-
 накожь опасность опечесства собираешь
 толпу спарцевъ и опроковъ, воору жен-
 ныхъ мечами, разившими въ Германіи
 подъ знаменами Гуспава Адольфа, —
 бердышами, нѣкогда съ побѣдою пере-
 шедшими Бельшь, и изрѣдка мушкетрами,
 у коихъ замкѣ перержавѣли и кои за-
 жигались фишилемъ. Сія малочисленная
 и худо вооруженная толпа, — послѣд-
 няя сила Швеціи, — съ надеждою и
 опвагою въ душъ безъ страха вступи-
 ла въ бой. Но враги сражались не одинъ
 на одинъ: они или покрываютъ равнины
 подобно пучъ, или мещупь громъ съ
 вершины скалы, неприсупной для
 всякой храбросши, и смерть безнаказан-
 но поражаепь лсивьющіе ряды. —

Тогда, подобно гнѣвному Тору (*) съ молодомъ и поясомъ мужества, являешся. Аксель на полѣ сраженія, гдѣ страхъ овладѣлъ всѣми и всѣ предалися бѣгству. Онъ являешся Ангеломъ помощникомъ въ крайней бѣдѣ: его грудь — спаль, его рука — смерть. — Онъ возобновляешъ сраженіе. Повсюду лепаешъ онъ на бѣломъ иноходцѣ. „Стойте, Шве-
„ды! сомкните ряды! меня прислалъ къ
„вамъ Король Карлъ. Привѣстивую
„васъ отъ имени его! нашъ лозунгъ :
„*Богъ и Король Карлъ.*“ — И по полю
раздались клики: *Богъ и Король Карлъ!*
Воины, услышавъ призваніе храбраго,
воропились, успремились съ яростию
на скалу, съ копорой прежде разила
смерть, и — взяли ее. Тогда огнедышу-
щія жерла погасли и вскорѣ поле усы-
паешся прупами и оружіями, и мечи
Шведовъ слѣпо, но безопасно ударяющъ
въ шылъ враговъ, въ дикомъ безпоряд-
кѣ бѣжавшихъ къ своимъ кораблямъ;
перерубивъ якорные канашы, они удали-
лись отъ берега. —

Уже бивша, ушихши, подобно на-
сыщенному звѣрю, покоилась на полѣ,
и луна съ высопы проливала свой блѣд-
ный свѣтъ на опустошеніе. Аксель, взды-

(*) Богъ храбрости и грома у Скандинавцевъ. Онъ изображается съ поясомъ мужества (*Megingiard*) и съ молодомъ всеокрушающимъ (*Mjolner*).

хая, бродить по берегу залива среди
пирюповъ, лежащихъ другъ подле друга.

„Какъ крѣпко они обнимаются!
„Кто желаетъ видѣшь вѣрное объявіе,
„попѣ не смотри на влюбленныхъ, об-
„нимающихся съ улыбкою въ нѣжномъ
„воспоргѣ, — пусть посѣшишь онъ
„поле битвы и посмотришь, какъ нена-
„висть, въ мукахъ смерти, прижи-
„маешь врага ко груди своей. Ахъ! Упо-
„еніе любви и радости улетають какъ
„вѣяніе весенняго вѣтра; но ненависть,
„скорбь и несчастія вѣрны до гроба.“
Такъ онъ вздыхаетъ и — вдругъ слы-
шашъ голосъ, съпующій въ тишинѣ
ночи: „я жажду, Аксель! дай мнѣ воды
„и внемли мое прощаніе, пока я не умер-
„ла еще.“ Услышавъ голосъ знакомый,
онъ лезишь между крутыхъ скалъ и
видишь неизвѣстнаго юношу, который,
уязвленный и истощенный, опѣ цпо-
ковъ крови, опирается на скалу. Мѣ-
сяць выходитъ изъ за тучъ и озаряетъ
блѣдныя черны лица, — и онъ, прелеща
опѣ ужаса, воскликнулъ: „О Боже Спа-
ситель! это она!“

Ахъ! шо была она. Преодолевая свои
муки, она шепчетъ помнымъ голосомъ:
„добрый вечеръ, Аксель! — нынь,
„добрая ночь! смерть въ моемъ сер-
„дцѣ. Не вывѣдывай, что меня приве-
„ло сюда, — любовь меня оболъспида.

„Ахъ! когда послѣдній день смеркаетъ,
 „ся и человекъ споймъ у отверстаго
 „гроба, тогда жизнь и ничтожныя за-
 „боты ея для него уже не шь, что
 „прежде: одна любовь, прекрасная какъ
 „наша, слѣдуетъ за нами на небо. Я хо-
 „шла узнать твою кляпву; шеперь я
 „прочитаю ее въ звѣздахъ: тамъ она начер-
 „тана, и шакъ ясна, какъ онѣ, мнѣ будешь
 „твоя невинность. Знаю, что поступи-
 „ла неоспорочно; знаю искреннюю скорбь
 „твою обо мнѣ; но ради любви нашей,
 „проси меня за всякую слезу, кошорую
 „уронишь на прахъ мой. У меня нѣтъ
 „ни брата, ни отца, ни матери: ты
 „былъ мнѣ матерью, братомъ, отцомъ:
 „ты былъ мнѣ всею. О Аксель, кля-
 „нись мнѣ быть вѣрнымъ до гроба! —
 „Ты клянешься. На что мнѣ больше
 „жаловаться? Жизнь рассказала мнѣ
 „прекраснѣйшую часть изъ своей по-
 „вѣсти. Не лзя ли твоею дѣвѣ уме-
 „реть на твоею сердце? Не сохранитъ
 „ся ли прахъ ея въ земль, тобою ны-
 „нѣ спасенной? . . . Смотри, Аксель!
 „дуну зашпалаешь облако: проле-
 „титъ оно, и меня уже не будешь;
 „тогда мой духъ, сидя на томъ
 „дальнемъ берегу, будешь молишься
 „Богу за твое благо и всеми очами не-
 „бесъ взираешь на себя. А ты, посади
 „чужеземную розу надъ моею могилою,

„и когда она, дыша солнца, умретъ,
 „покрытая снѣгомъ, то вспоминай о
 „швоей дѣвѣ, покоящейся подъ снѣгами
 „сѣвера. Скоро опцвѣла она. Аксель!
 „вошь ужь пронеслось облако ... Про-
 „сти — прости!“ — Она пожала его
 руку, и вздохъ унесъ ея душу.

Тогда выходилъ изъ подземныхъ рѣкъ
 не смерть, а меньшій братъ ея, блѣдное
 сумасшествіе: съ маковымъ вѣнкомъ на
 вклокоченныхъ волосахъ, шагающа оно
 по землѣ, и дико и приспально взирающъ
 то на вышю небесъ, то въ глубину
 земли, съ улыбкой на искривленныхъ
 устахъ и слезами въ полупонухшихъ взо-
 рахъ. Оно прикоснулось къ головѣ Ак-
 селя, и съ тѣхъ поръ стопы его блуж-
 даютъ вокругъ могилы, подобно какъ
 въ спаринной Сагв мершвецъ вокругъ
 похороненнаго клада; и берегъ, всегда,
 день и ночь, внимающъ его шроташель-
 ному, увылтому сѣшованію.

„Тише, тише! шы, синяя волна, не
 „шуми, ударя о берегъ! шы мѣшаешъ
 „моему сну: я не люблю пѣнисныхъ,
 „крававыхъ спруй пвоихъ; шы прино-
 „сишь смерть къ моему берегу. Здѣсь
 „нынѣ юноша споялъ весь въ крови: я
 „усыпала розами могилу его. Онъ былъ
 „похожъ, не знаю на кого. Въ будущую
 „весну я повезу ее домой. Мнѣ говорашъ,
 „что земля засыпала мою невѣсту,

„и что права раснешь надъ вѣрною
 „грудью: — неправда! Она въ сію ночь
 „сидѣла на крутизнѣ скалы. Она была
 „блѣдна какъ смерть, но это отъ лу-
 „чей мѣсяца; губы и щеки были холо-
 „дны, но это отъ сѣвернаго вѣтра. Я
 „умолялъ любезную остаться. Въ голо-
 „въ моей было такъ тяжело, такъ тем-
 „но; но она прикоснулась перстомъ
 „къ моему челу, и топчасъ въ немъ
 „прояснилось. — Въ дальнемъ воспоки
 „яснѣющъ минувшіе дни, тѣ прекрасные
 „небесноголубые дни; о, сколь счастливы
 „былъ тогда бѣдный Аксель! Въ зеле-
 „ныхъ рощахъ стоялъ замокъ, принад-
 „лежащій любезной. Недавно я лежалъ,
 „убишый въ лѣсу: она оживила меня
 „поцѣлуемъ; она мнѣ бѣдному отдала
 „свое сердце, свое теплое, богатое
 „сердце! Теперь оно — замерзаетъ въ
 „увядшей груди: прошло все! Вы, звѣзды,
 „горящія въ небесахъ! умоляю васъ,
 „поухните! исчезните! я знаю бла-
 „гую, упренную звѣзду; она зашла въ
 „кровавое море: еще запахъ крови не-
 „сется отъ берега; у меня самага на
 „рукъ кровь.“

Такъ онъ сѣпуетъ на Сопашерѣ.
 Когда загорается день, онъ тамъ, и
 когда спускается ночь, онъ не опхо-
 дитъ: онъ безпрестанно сидитъ тамъ
 и плачетъ. — Въ одно утро онъ сидѣлъ

уже мертвый на скалы; руки сложенны были крестомъ для моливъ, и слезы, оледенѣвшія отъ упреннаго вѣтра, остановились на поблекшихъ ланипахъ, и попухшій взоръ обращень былъ къ ея могилѣ. —

Такова повѣсть, мною слышанная. Какъ глубоко, какъ вѣжно она меня пронула! Хотя шринадцатая зима съ шѣхъ поръ уже занесла землю снѣгомъ, но она все живетъ въ моемъ сердцѣ: яркими, вѣрными чертами младенческихъ картинъ врѣзаны въ душѣ поэта, и все, что человекъ въ зрѣлости изображаетъ, великихъ ли героевъ или мѣлкіе цвѣшны, все то въ молодости, въ прекраснѣйшихъ изображеніяхъ, носилось уже предъ его очами. — Еще иногда, зеленою весною, при сладко-звучномъ, уныломъ пѣніи перепелки, когда изъ воспочнаго моря восходитъ луна, подобно привидѣнію, вспающему изъ могилы, и въ печальномъ цвѣшѣ смерти изображаетъ долины и горы, тогда въ ушахъ моихъ бушуетъ, тогда мнѣ кажется, будто слышу старыя знакомыя звуки объ Аксель и его Русской невѣстѣ,

Ф. Хаке.

Н А У К И.

Ф и з и к а.

Замѣчанія на мнѣніе Г. Паррота о свѣрномъ сіяніи.

(Письмо къ Издателю Моск. Вѣстника).

М. Г. — Какъ проспой любитель Физическихъ знаній, въ свободное время отъ службы, читаю я новыя Физическія сочиненія и почти всѣ журналы, издаваемые во Франціи и Россіи; не лзя не удивляться успѣхамъ въ Физикѣ, сдѣланнымъ въ прошедшую четверть столѣтія: какое неизмѣримое разспояніе между сочиненіями Ноллета и Біота! Одинъ показываетъ физическіе *фокусы*, а другой научаетъ наблюдать, соображать и вычислять наблюденія. Послѣ этаго не трудно уже пользоваться выведенными заключеніями для объясненія явленій природы, изъ которыхъ явленія въ нашей атмосферѣ и на поверхности земли занимаютъ меня преимущественно. Многія изъ нихъ объяснены совершенно удовлетворительно, для другихъ же предложены однѣ только догадки: къ послѣднимъ относитсѣ *свѣрное сіяніе*. Прочитавши большое сочиненіе Мерана о *зодіакальномъ свѣтѣ*, набитое всякой всячиной, я пожалѣлъ о потерянномъ времени: Меранъ шлоноваль о такихъ предметахъ, для которыхъ въ

его время не лъзя было предложитъ сколько нибудь правдоподобнаго объясненія за недоспашкомъ наблюдений, или вообще, за недоспашкомъ *данныхъ*. Съ 1820 года Профессоръ Московскаго Университета (*), И. А. Двигубскій, начал издавать *Новый Магазинъ Естественной Истори*; разумѣется, что я въ числѣ первыхъ подписчиковъ, и не даромъ плачу деньги; это изданіе есть драгоценное собраніе новѣйшихъ открытій, о которыхъ извѣстія разсыяны по многимъ иностраннымъ журналамъ и дорогимъ книгамъ; оно необходимо для всякаго занимающагося естественными науками, и особенно для заведеній учебныхъ. Многіе пожалуютъ, если обстоятельство заставитъ прекратить это изданіе. Въ немъ-то (1823) помѣщенъ переводъ Біотовой поржештвенной рѣчи о сѣверномъ сіяніи; полное и точное описаніе этого явленія, историческое обозрѣніе всѣхъ мнѣній объ его причи-

(*) Въ вашемъ журналѣ помѣщены были замѣчанія о семъ знаменитомъ учебномъ заведеніи: по случаю моего къ вамъ письма, нѣкоторые изъ моихъ пріятелей препоручили мнѣ благодарить васъ за *истину*, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомить, что они съ негодованіемъ читали грубыя, неприличныя и приномъ несправедливыя замѣчанія, помѣщенныя въ *Московскомъ Телеграфѣ*, на нѣкоторыя статьи *Вѣстника Европы*, издаваемаго однимъ изъ почтеннѣйшихъ членовъ Университета, оказавшимъ важныя услуги Россійской Словесности.

нѣ, и наконецъ мнѣніе самаго сочинителя предложены съ необыкновеннымъ искусствомъ, такъ что по неволѣ соглашаешься во многомъ: въ чемъ же нельзя согласиться — узнаете, когда переплыво прочтете длинное мое письмо, которое прошу помѣстить въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Но Г. Парроту, бывшему Профессору въ Дерптѣ, а нынѣ Члену Академіи Наукъ, мнѣніе Біоша не понравилось совершенно. Въ 1824 году Г. Академикъ выдалъ шестую и послѣднюю часть *Физическихъ разговоровъ* (*Entretiens sur la Physique*), о которыхъ скажемъ мимоходомъ, что они могутъ быть причислены къ разряду сочиненій полезныхъ; жаль только, что совсѣмъ неоспроумныя шушки, и во многихъ мѣстахъ пустословіе отвлекающъ читателя отъ дѣла и надоедающъ. Въ этомъ-то сочиненіи Г. Парротъ отозвался о Біошовой гипотезѣ такимъ образомъ: *La plus récente (hypothèse) est celle de Biot, qui n'est pas à la hauteur ordinaire des idées de ce grand Physicien* (т. е. новѣйшая гипотеза о сѣверномъ сіяніи есть Біошова; но она не соотвѣтствуетъ обширности идей сего великаго Физика). Кажется это похвала; но прочитайше всѣ *Разговоры* — увидише, что Г. Парротъ не очень уважаетъ Біоша. Впрочемъ это дѣло постороннее. Послѣ

своего опзыва, Г. Парронъ десятиью сло-
вами рассказываетъ, въ чемъ состоитъ
мнѣніе Біота, потомъ также въ немно-
гихъ словахъ предлагаетъ и опровер-
женіе; разумѣется, что собесѣдники
его соглашаются и хотѣли знать его
мнѣніе. Вотъ какъ идетъ разговоръ:

M-e de L. N'avez-vous pas, monsieur de
P., imaginé vous même une explication de l'au-
rore boréale ?

Mr. de P. Oui, madame, malheureusement.
Il y a fort longtems que j'ai posé en hypo-
thèse que l'aurore boréale est le gaz hydrogène
carbonné qui s'élève de la terre dans les hautes
régions de l'atmosphère et est conduit au deux
pôles par les grands courans atmosphériques à
une hauteur où les vents n'ont plus de prise,
où il attend avec patience qu'une étoile volan-
te s'amuse à l'enflammer.

П е р е в о д ъ.

Гжа Л. А вы, Г. Парронъ, не выду-
мали ли своего объясненія для сѣвер-
наго сіянія ?

Г П. Такъ, сударыня, къ несчастію.
Давно уже предположилъ я, что сѣ-
верное сіяніе есть обугленный водород-
ный газъ, который поднимается въ
высшія снраны атмосферы, и будучи
увлеченъ къ полюсамъ большими воз-
душными теченіями, останавливается
на такой высотѣ, на которой нѣтъ

уже въпра; тамъ съ перъвнѣмъ ожи-
даешъ онъ, когда падающей звѣздъ у-
годно будетъ зажечь его.

Прочитавши столь странно-забав-
ный отвѣтъ, я подумалъ, что Г. Пар-
ротъ шутилъ въ самомъ дѣлѣ. Нѣтъ,
конецъ разговора увѣрилъ меня, что
это *серьезное* мнѣніе Г. Паррота. Чтожъ
оставалось дѣлать? Я покачалъ головою
и закрылъ книгу навсегда.

Въ такой нерѣшимости оста-
вался я до нынѣшняго года; увѣренъ
былъ только вообще, что сѣверное сі-
яніе есть явленіе электро - магнит-
ное; но не видавши самаго метеора,
не могъ я объяснить себѣ и способа
дѣйствія электро - магнетизма. На-
конецъ все сомнительное для меня под-
тверждено двумя разсужденіями Ган-
спеена, изъ коихъ въ одномъ доказано
существованіе четырехъ магнитныхъ
полюсовъ земли (*); въ другомъ же пока-
заны оптическія причины различныхъ
видовъ, въ которыхъ представляется
сѣверное сіяніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣ-
шительно принято, что оно зависитъ
отъ электро-магнетизма. Послѣ этого
я думалъ уже, что дѣло кончено; но
вдругъ получаю изъ Петербурга шепрад-

(*) Переводъ сего разсужденія помѣщенъ также въ
журналъ Г. Двигубскаго.

ку подъ заглавіемъ: *Собраніе актовъ публичнаго засѣданія Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ бывшаго 29 Декабря 1827 года*; въ ней содержатся: 1, *Рѣчь Президента Академіи*; 2, *Отчетъ о дѣланіяхъ Академіи за 1823—1826 годы*; 3, *Рѣчь о полярныхъ льдахъ и свѣерномъ сіяніи, произнесенная Академикомъ Парротомъ*; и 4, *Рѣчь о предполагаемыхъ Академіею ученыхъ путешествіяхъ*. — Вы, М. Г., можете представить себѣ, съ какимъ любопытствомъ основанъ я надъ спашью подъ прешимъ номеромъ, и что же нацель въ ней? — Отвѣтъ на эпомъ вопросъ составляетъ предметъ моего письма.

Рѣчь, какъ и самое заглавіе показываетъ, раздѣляется на двѣ части, не имѣющія между собой никакой связи; попому что въ нихъ говорится о явленіяхъ, совершенно разнородныхъ. И въ эпомъ уже важная погрѣшность противъ правилъ *Академическихъ рѣчей*: *единство* предмета необходимо, когда Орапоръ хочеть заслужить вниманіе своихъ слушателей; но болѣе всего надобно занимать ихъ предметами новыми; не ужели посѣщители Академіи Наукъ могли съ любопытствомъ слушать Врангелевы замѣчанія о полярныхъ льдахъ, за два года напечатанныя на Рус-

скомъ языкѣ въ превосходныхъ Запискахъ Государственнаго Адмиральшейскаго Департамента (часть 8, стран. 435)? Къ нимъ Г. Паррошъ не прибавилъ ни слова. — Такія рѣчи писать не трудно; сколько можно составишь ихъ изъ сочиненій Палласа, Лепехина, Крузенштерна? — И такъ о первой части сочиненія Г. Парроша говорить нечего: въ немъ нѣтъ ни одной мысли, которая бы принадлежала Г. Академику: это старый знакомый. Переходимъ ко второй части, гдѣ дѣло идетъ о сѣверномъ сіяніи.

Повѣрите ли, М. Г., что и эта часть есть ни что иное какъ второе пересмотрѣнное, исправленное и дополненное изданіе той статьи, о которой я упомянулъ въ началѣ моего письма? Новѣйшія открытія какъ бы не существуютъ для Г. Парроша; онъ упорно утверждаетъ, что сѣверное сіяніе происходитъ отъ горѣнія водороднаго газа, зажигаемаго падающими звѣздами. Разсмотримъ же его доводы.

Послѣ частнаго описанія сѣвернаго сіянія, наблюдаемаго Г. Паррошомъ въ Дерпнѣ 22 Октября 1804 года, — описанія, которое было также помѣщено въ *Физическихъ разговорахъ* (Часть 6, стр. 579), слѣдуетъ изложеніе всѣхъ обстоятельствъ сего явленія, заим-

ствованное большею частью изъ вышеупомянутого Біопова разсужденія; къ этому изложенію присоединены наблюденія Врангеля, изъ которыхъ только два могутъ считаться новыми.

1. Когда одна изъ колоннъ, составляющихъ сѣверное сіяніе, займетъ мѣсто между луною и наблюдаемъ; тогда около сего свѣтила образуется вѣнецъ, т. е. слабый кругообразный свѣтъ, имѣющій въ поперечникѣ отъ 20 до 30 градусовъ.

2. Когда падающая звѣзда пролетитъ чрезъ пространство, занимаемое сѣвернымъ сіяніемъ, тогда на пути ея загораются новыя колонны.

За сии-то наблюденія схватился Г. Парротъ, какъ утопающій за соломину, и ослѣпленный своею гипотезою, безпрестанно спотыкается на противорѣчія. Вотъ доказательство:

Сперва старался онъ уничтожить предположеніе Біопта, которое состоитъ въ слѣдующемъ: 1, фокусъ сѣверныхъ сіяній находится въ магнитномъ полюсѣ; колонны располагаются по направленію магнитныхъ меридіановъ дѣйствіемъ земнаго магнетизма. 2, свѣтъ сего явленія происходитъ отъ электричества атмосфернаго. 3, вещество сѣвернаго сіянія образуется изъ тончайшихъ металлическаго свойства

частицъ, вылетающихъ изъ сѣверныхъ огнедышущихъ горъ и достигающихъ высшихъ спранъ атмосферы. — Первые два положенія не подлежатъ сомнѣнiю; прѣше же никакъ не можетъ бытъ доказано, да и ненужно; уже въ двухъ первыхъ заключается все необходимое для объясненiя сѣвернаго сiянiя, въ чемъ можно увѣришься, прочитавши разсужденiе Ганстеена (*), въ которомъ опредѣленъ способъ дѣйствiя электромагнетизма. Но для Г. Парроша нѣтъ ничего справедливаго въ Бишовомъ мнѣнiи; онъ говоритъ:

„Сравнивая всѣ наблюденiя надъ электричествомъ атмосферы, принуждены были заключить, что оно обнаруживается только посредствомъ переменъ въ водяныхъ метеорахъ!“ — Это мнѣнiе принадлежитъ одному только Г. Паррошу; электричество дѣйствуетъ повсюду и потому обнаруживается при всѣхъ измѣненiяхъ вещества; для него нѣтъ предѣловъ; оно распространено по всей вселенной.

„Сѣверныя сiянiя находятся выше тѣхъ частей атмосферы, въ которыхъ образуются водяные метеоры.“ — Высота сѣвернаго сiянiя съ точностию

(*) Ганстеенъ, Датскiй ученый, проѣхалъ не давно чрезъ Москву въ Камчатку для наблюдений надъ магнитною силойю и проч.

не опредѣлена; знаемъ только, что оно происходитъ въ нашей атмосферѣ, а не внѣ ея; спускается же споль низко, что бываетъ слышенъ шумъ, всегда сопровождающій сильныя дѣйствія электричества.

„Воздухъ, будучи расширенъ до чрезвычайности на высотѣ сѣвернаго сїянїя, дѣлается совершеннѣйшимъ проводникомъ электричества; почему и невозможно допустить, чтобъ оно, переходя чрезъ частицы вещества сѣв. сїянїя, производило примѣшныя искры.“ — Нельзя опредѣлять степень расширенїя воздуха на высотахъ сѣв. сїянїя, потому что высоты сїи различны, и нѣтъ надобности въ поспороннемъ веществѣ для его образованїя; въ послѣднїй разъ повторяемъ, что сѣв. сїянїе есть явленїе чисто электро-магнитное.

Вотъ всѣ возраженїя Г. Парроша; ими нимаю не опровергается основанїе Біошовой гипотезы, которая съ дополненїемъ Ганстеена и должна бытъ принята всеми Физиками; новыя открытїя и наблюденїя послужатъ къ большему ея подтвержденїю. Напротивъ того мнѣнїе Г. Парроша разрушается слѣдующими замѣчанїями:

Падающїя звѣзды, — что бы онѣ впрочемъ ни были, — принадлежатъ *міру*, а не земной атмосферѣ; по этому онѣ не только не зажигаютъ сѣверныхъ

сіяній, но даже не приближающа къ нимъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Врангель ошибся: воспламенение новыхъ колоннъ и полетъ падающей звѣзды суть явленія только что современныя, но одно отъ другаго независящія.

Сѣвер. сіянія происходятъ при полюсахъ не потому, что въ сихъ мѣстахъ скопляется газъ водородный; но по извѣстному свойству электромагнетизма скопляются на противоположныхъ частяхъ всякаго тѣла, когда бываетъ нарушено въ немъ равновѣсіе.

Чтобъ не обременить слушателей, Г. Паррошъ не объясняетъ механизма образованія колоннъ, вѣнцовъ и пр., замѣчаемыхъ въ сѣв. сіяніяхъ. Но онъ могъ бы сіи объясненія предложить для чинашелей въ примѣчаніяхъ: для чего же ихъ тамъ нѣтъ?

Наконецъ спрашиваемъ: если при полюсахъ безпрестанно скопляется водородный газъ; то почему разъ воспламененный падающею звѣздою, не продолжаетъ горѣть непрерывно?

Положивъ, что гипотеза доказана, Г. Паррошъ начинаетъ краснорѣчиво описывать кругообращеніе водороднаго газа въ атмосферѣ: это мѣсто написано прекрасно; жаль только, что мечты не шерпимы въ Физикѣ и противны тому воззванію, копорымъ Г. Паррошъ начинаетъ свою рѣчь: *Verité! clarté!*

И такъ, Мил. Гос., кажешся нѣтъ сомнѣнія, что фейерверкъ Г. Паррота не сообразенъ съ доказанными Физическими истинами и прошивенъ здравой Логикѣ. Вообразите же мое удивленіе, когда между примѣчаніями нашель я такіе чудные вопросы:

„Дѣйствіе св. сіянія на магнитную стрѣлку многіе Физики принимаютъ за неоспоримое доказательство, что сіе явленіе есть дѣйствіе земнаго магнетизма (*какъ же иначе?*). Но я (т. е. Г. Парротъ) осмѣлюсь спросить: не уже ли Физика изгнала здравую Логикку изъ своего владѣнія? (*Слушайте же, къ чему этотъ вопросъ!*). Отъ тяжести или упругости воздуха зависитъ высота барометра: не уже ли должно заключить, что барометръ есть причина переменъ въ тяжести или упругости атмосферы? (*Каково? — Да не уже ли кто нибудь думалъ, что магнитная стрѣлка производитъ свѣрное сіяніе? — Только такая мысль была бы противъ здравой Логикки; только для нея можно бы сдѣлать вопросъ Г. Паррота. Но это еще не все.*) Движеніе солнца, или, лучше, суточное обращеніе земли (*Благодаримъ Г. Паррота за то, что намѣкаетъ намъ невѣждамъ, что движеніе солнца есть токмо видимое, а въ самомъ-то дѣлѣ обращается земля по противоположному на-*

правленію!) дѣйствуетъ на магнитную стрѣлку, въ чемъ удостовѣряетъ точный приливъ и отливъ въ положеніи сей стрѣлки (*Это переведено отъ слова до слова; другой бы привязался и сказаѣ бы, что жеманныя выраженія нигдѣ не терпимы, особенно въ наукахъ; но мнѣ нѣтъ дѣла до слога*). Жестокія бури и другія неизвѣстныя причины оказываютъ подобное же дѣйствіе. Не уже ли какой нибудь Физикъ осмѣлится заключить, что магнетизмъ есть начало (principe) движенія земли и причина (cause) бурь? (*Перваго заключенія не осмѣлился сдѣлать ни одинъ Физикъ, находясь въ здоровомъ умѣ; второе же заключеніе сдѣлано многими; по крайней мѣрѣ при Метеорологическихъ наблюденіяхъ на качанія магнитной стрѣлки необходимо должно обращать вниманіе: это приведетъ непременно къ важнымъ открытіямъ*).

Вопль, М. Г., мой расчетъ съ Г. Паррономъ; ежели онъ вамъ понравится и вы найдете, что онъ заслужилъ вниманіе читателей вашего журнала, то напечатайте его; въ противномъ случаѣ бросьте, — я прошествовать не буду и все таки останусь усерднымъ читателемъ вашего Вѣстника.

Петръ Ал—нъ.

Кіевъ.

К Р И Т И К А.

Русскія книги.

Замѣтанія на сочиненіе Г-на Яковенки о Молдавіи, Валахіи и проч.

(Письмо первое къ Издашелю Московск. Вѣспника).

Молдавія и Валахія до нынѣшнихъ временъ были странами мало извѣстными, какъ и прочія области, подвластныя высокой Поршѣ; говорю мало извѣстными, ибо мало сочиненій выходило въ свѣтъ о сихъ двухъ областяхъ, хопя впрочемъ онѣ могли бытъ совершенно извѣстными частнымъ лицамъ, посѣщавшимъ оныя.

Я помню о двухъ только сочиненіяхъ на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ, писанныхъ учителями, пребывавшими въ сихъ странахъ; но онѣ недостапочно и дышатъ презрѣніемъ къ обашателямъ и насмѣшками. Казалось, что частныя кампаніи Россіянъ въ сихъ странахъ причиняшъ обстоятельное описаніе сихъ Княжествъ, но не смотря на сіе, ничего не появлялось въ свѣтъ; точныя свѣдѣнія или уже погребены вмѣстѣ съ лицами, пріобрѣтшими оныя, или умолчаны, что однако не выигрышъ для народнаго просвѣщенія.

Наконецъ нынѣ явилось дѣльное сочиненіе Г-на Яковенки (дѣльное, ибо лучшаго не имѣемъ, дѣльное, ибо сего роду сочиненія у насъ споль рѣдки),

Въ заглавіи своемъ онъ обѣщаетъ говорить о Молдавіи, а въ предисловіи отсылаетъ читателей къ Исторіи Князя Кантемира, сочиненной за 100 лѣтъ предъ симъ!! Это не хорошо и не позволено.

Замѣчанія мои предложу по порядку писемъ. Частное заглавіе сего сочиненія: „Письма о Молдавіи и *Валлахіи*.“ (*)

Мы читали въ первомъ заглавіи сіе последнее Княжество подъ именемъ Валахія, какъ обыкновенно и должно писать; здѣсь же, не знаю по какой причинѣ, Сочинителю Писемъ вздумалось писать *Валлахіи*; это можно бы почесть за опечатку; но къ несчастію Авторъ во всемъ своемъ сочиненіи пишетъ *Валлахія*, *Валлахіи*, *Валлахскій* и проч. Подобное произвольное правописаніе и словопроизводство весьма щекотливо для Русскаго слуха, ибо ни *Валлахія* ни *Валлахскій* не Русскія имена. Собственно-Русское названіе сей страны есть *Волочина*; а *Валахія* принята въ Русскую Географію изъ Латинской Исторіи и Географіи; жилиши оной по Латыни *Valachi*. Какъ *Valachi*, такъ и *Valachia* переняно изъ Греч. *Βαλαχοι* *Влахъ*; Греки же переняли сіе имя отъ Болгаръ, которые жилиши Валахія и Трансильваніи называли *Влахами*, а Россіяне *Волохами*.

(*) См. полное заглавіе въ М. В. N 12.

И такъ Русское прилагательное должно быть *Волошскій*, а не *Валлахскій*, которое я въ первый разъ вижу въ сихъ письмахъ, что есть непрощительная ошибка. Если уже *Valachia* принято въ Русскій языкъ, то для чего еще коверкашъ его?

Письмо 16: „Древняя Дакія“ говоришь онъ, сослывшаяся изъ прекраснѣйшихъ областей: Трансильваніи, Молдавіи, Валлахіи и Бессарабіи (а Темешскій Банатъ и Восточная Венгрія гдѣ? надо было обнять всѣ предѣлы древней Дакіи), лилась послѣдняго своего Царя *Декевала*, испытала въ послѣдствіи безчисленныя превращенія.“ Всякая страна подвержена была превращеніямъ.

„Бывши покорена Императоромъ Траяномъ, содѣлалась одною изъ областей Римскихъ въ лѣто 106-е до Рождества Христова.“ Развѣ Римъ имѣлъ Императоровъ до Р. Христова? Это опечатка вмѣсто: ошъ Рожд. Христова; однако между опмѣченными на концѣ сочиненія погрѣшностями я не вижу этой. Нерадиво! Импер. Траянъ царствовалъ съ 98 по 117 годъ послѣ Рождества Христова.

„Подробности важнѣйшихъ происшествій, до эпохи сей, (т. е. до Траяна?) и до предшествовавшихъ временъ касающіяся, покрыты совершенною неизвѣстностію. Но хотя многіе изъ Историковъ и находятся въ различныхъ между собою противорѣчій, по той причинѣ, что

свѣдѣніи древней Исторіи скрывается во глубинѣ непроницаемой мрачности“ (эту мрачность должна разсѣять кришика) „но они соглашались однако въ томъ, что древніе Даки суть потомки Скиѳовъ.“

Имя Скиѳовъ и Даковъ есть общее и никакому народу не принадлежавшее. Имя Скиѳы у Грековъ и Римлянъ по же значило въ отношеніи къ народамъ, коимъ оно прилагалось, что нынѣ у насъ значить Азіатцы и ш. п. — Даками назывались жители Дакіи, къ какому бы они роду или племени ни принадлежали. Нынѣ предосудительно для Историка говорить о народѣ Скиѳахъ, или Дакахъ, ибо подъ сими именами включались племена разнородныя, если только онѣ жили на пространствѣ земли, называемомъ или Скиѳією или Дакією.

„И что въ послѣдствіи народонаселеніе“ ш. е. Дакіи „умножено большею частію отъ Римлянъ, которые насылали въ страну сію своихъ соотечественниковъ.“ Непреложная истина. „Овидій, сколько извѣстный своими сочиненіями, находился въ заточеніи на берегу Днѣспровскаго устья противу Аккермана.“ По видимому сочинитель не читалъ сочиненій Овидія, который самъ говоритъ, что онъ былъ въ заточеніи у устья Дуная, въ приморскомъ городкѣ *Томашъ* (*Tomis*). Сей городокъ находился по эту сторону Дуная;

поэтому заочислѣ Овидія было въ Болгаріи ; что явно изъ признанія самаго Поэты. Неизвѣстно, сохранились ли остатки сего мѣста ; имя онаго по видимому удержалось въ названіи приморскаго мѣстечка въ Болгаріи *Томисварь*, которое Турки называютъ *Есеки - Пангана*, не подалеку отъ *Кюстенджи* или лучше древней Констанціи.

„Польскій Историкъ Кромель, утверждая все сіе, присовокупляетъ, что во времена Галіена и Аврелія Римскихъ Кесарей, Дакія завоевана была въ панешствіе варварскихъ народовъ и что послѣ Готы удержали оную за собою.“

Весьма жаль, что сочинитель не посоветовался съ другими историками болѣе древними, чѣмъ запоздалый Панъ Кромель. Впрочемъ это общій недугъ и нашихъ юныхъ Историковъ, занимавшыхъ свои историческія свѣденія изъ цитатовъ, уже въ тридцатую книгу перешедшихъ, не справившись съ подлинными старинными лѣтописями. Однако признаться надо, что сей недостатокъ зависилъ отчасти и отъ рѣдкости подлинниковъ, или еще болѣе отъ трудности доступа къ онымъ. —

NB. Для чего пишу у насъ, *Gothi*, Готы, между тѣмъ какъ оно читается Готы, а не Готфы, и происходящее отъ онаго прилагательное Готическій, а не Готѣическій? Пора бы обращать вниманіе и на правописаніе собственныхъ именъ, которое еще до сихъ поръ

per Ausoniac fines sine lege vagatur; шакъ на примѣръ есть люди, съ удовольствіемъ называющіе себя Императорами, копорые пишуть: Рускій или даже рускій вмѣсто: Русскій.

„Но въ которомъ году именно сіе воспослѣдовало, въ точности неизвѣстно. Видно только, что страна сія безпрестанно подвергалась различнымъ перемѣнамъ, и переносила неисчислимья бѣдствія ошъ набѣговъ сосѣднихъ народовъ.“ Видно, что сіи мысли можно было написать и безъ помощи анналовъ.

„Проведенные во многихъ мѣстахъ въ Бессарабіи, Молдавіи, *Валлахіи* и по правую сторону Дуная земляные валы, называемые *Тралновыми*, доказываютъ заботливость сего Императора или къ удержанію сосѣднихъ народовъ ошъ внезапнаго вторженія ихъ во владѣнія его, или же къ означенію только границъ своихъ.“ Правда; но почему возвращаться было сочинителю ошъ Гошовъ въ IV столѣтіи обратно къ 106 году?

„Разрушительнѣйшее опустошеніе мѣстъ; прилежащихъ къ Дунаю въ Молдавіи и частію въ Валлахіи, произведено Ташарами“ (а развѣ не прилежавшія къ Дунаю, ш. е. болѣе сѣверныя части сихъ Княжествъ, уцѣляли ошъ Ташарь?) „въ 1228-мъ году“ (только въ эшомъ?) „послѣ Рождества Христова.“

Какой скачокъ изъ начала II столѣтія въ начало XIII-го! слишкомъ шысячу лѣтъ према-

муль сочинитель! Какъ жаль, что онъ полѣнился исчислить своимъ любопытнымъ читателямъ хотя нѣсколько изъ неисчислимыхъ бѣдъ сей сего края въ продолженіе сего времени, и оставилъ огромную въ своей Исторіи разсѣлину. И шакъ сочинитель шакже представилъ публикѣ древнюю Исторію Молдавіи и Валахіи, какъ и обстоятельное описаніе нынѣшняго состоянія Молдавіи и Бессарабіи.

Изъ уваженія къ любопытству читателей, я заложилъ бы разсѣлину въ Исторіи сочинителя прекрасною каршиною; но я не мастеръ, и замѣчу шолько слѣдующее, сюда принадлежащее.

Въ концѣ IV столѣтія сталъ показываться съ сѣвера народъ могущественный, воинственный, чисшій Словенскій къ Дунаю. Готы, обитатели Молдавіи и Валахіи, не хотѣвшіе ему уступить сіи плодосныя Княжества, были имъ силою изъ нихъ вышѣснены; они искали убѣжища и покровительства подь скипетромъ Цареградскихъ Императоровъ; въ слѣдствіе чего и переселились по шу сторону Дуная, въ разныя Дунайскія Префектуры Имперіи.

И шакъ прибывшій съ сѣвера Словенскій народъ занялъ Молдавію, Валахію, Банашъ и большую часть Венгріи, оставя однако за собою тѣ сѣверныя мѣста, копорыя прилежали къ Молдавіи.

Эшотъ сильный народъ, копорый въ существѣ былъ одинъ, разнымъ Визаншійскимъ Исто-

рикамъ сдѣлался извѣстнымъ подъ разными названіями, которыя однако при первомъ ихъ знакомствѣ были только произвольныя и нарицательныя, какъ вообще Византійскіе писатели сего времени ни одного Европейскаго, такъ называемаго варварскаго народа, не называли собственнымъ его именемъ.

Но и шумъ не было покоя и безопасности Гошамъ отъ новыхъ сѣверныхъ пришлецовъ, которые часто переправляясь чрезъ Дунай, грабили и мучили ихъ безжалостно; напрасно они жаловались Византійскому Правительству, которое лишилось своей дѣятельности; и наконецъ принуждены были оставить свои жилища и подъ начальствомъ своего Князя или Воеводы Θεодорика отправиться въ Италію, далеко отъ границы хищныхъ Сѣверянъ, которые опять оставленные Гошами жилища, хотя и принадлежащія Имперіи, стали занимать, и отшуда ихъ выжить никогда не могли Византійцы.

Наконецъ сей народъ, надѣвшій Грекамъ до красна, сдѣлался извѣстнымъ въ ихъ лѣтописяхъ подъ собственнымъ своимъ народнымъ именемъ; это были Болгаре, одна изъ лучшихъ отраслей Словенскаго міра.

Поселясь навсегда въ самыхъ плодородныхъ обласняхъ восточной Европы, въ Молдавіи, Бессарабіи, Валахіи, Болгаріи, Венгріи, они вели войну со всѣми своими окружными сосѣдами. Въ

продолженіе V, VI VII и VIII столѣтій они были бичомъ не только Европы, но и западной Азіи. Мечи ихъ сверкали также въ Персіи, вкругъ Каспійскаго и Чернаго морей, какъ и подъ Цареградомъ, подъ Римомъ, и подъ Шалономъ во Франціи.

И такъ бѣдные Гошы не могли скрыться отъ Болгаръ и въ Италиі; одинъ изъ ихъ собратій, Иорнандъ, писавшій около 550 года, говоритъ: Провидѣніе наслало на насъ за наши прегрѣшенія лютой бичъ — Болгаръ.

Многіе Словенскіе и Нѣмецкіе Князьки въ Германіи до самаго Рейна, — Словенскіе же въ Истрии, Каринтіи, Каріюліи, Краинѣ и Австріи (собственно владѣтели Адриатической Укранны), и Готскіе въ сѣверной Италиі, были вассалами Болгарскихъ Государей, или откупались деньгами (*).

Кажется, что весь древній міръ хотѣли раздѣлить между собою Болгаре и Аравитяне (Сарацины). Однако наконецъ возникъ въ Галліи народъ, Франки, который сначала храбро защищался, съ одной стороны противъ Болгаръ, съ

(*) Изъ жителей Германіи, непроходимы были для Болгаръ одни Бальшіи Словене, которые въ лютоши и храбрости не уступали Болгарамъ, но также: какъ и они, преданы забвенію, ибо Историческіе изсѣдованіи были до сихъ поръ почти одни только Шведы, кои во всякомъ почти древнемъ народѣ видѣли своихъ предковъ, или же Ташаръ.
Прим. Сов.

другой прошивъ фанатическихъ послѣдователей Корана.

Нѣсколько дѣятельныхъ Правителей Франковъ, послѣдовавшихъ одинъ другому, не только поддержали хорошо начатое дѣло, но еще и распространили. Конечно Франкамъ въ семь дѣлъ великое облегченіе причинили внутренніе раздоры между Болгарами, и недоспашокъ въ предпримчивыхъ полководцахъ съ 626 по 660 годъ.

Въ продолженіе сего времени Франки стали уже выходить изъ предѣловъ своихъ наступательно; первые ихъ успѣхи были надъ Савоіею и сѣверною Италіею, а потомъ и надъ Германіею. Болгаре опять собрали свои силы, но было уже поздно, ибо Франки уже слишкомъ усилились, и главою ихъ былъ мужъ доблестный, Карль Великій.

Нѣмцы въ Баваріи были уже въ его власти; теперь онъ угрожалъ уже Словенскимъ Князьямъ, Болгарскимъ вассаламъ въ Австріи, тогда называвшейся *Виденскою землею*, Пеширинъ, Каринтіи, Краинѣ; Болгаре приготовились къ борьбѣ для защиты *Словенъ*; они даже взбунтовали Нѣмецкаго бывшаго Герцога въ Баваріи, Тассалона, прошивъ Франковъ, снабдивъ его вспомогательными войсками.

Отсюда произошла жаркая война между Болгарами и Карломъ Великимъ, который однако взялъ верхъ и удержалъ за собою вышесказанныя Словенскія области; онъ въ послѣд-

ствіи были населены Нѣмецкими колоніями изъ Баваріи, и оставшись навсегда за Франками, а послѣ за Нѣмцами, при введеніи феодальной системы сдѣлались наследственной собственностью Нѣмецкихъ чиновниковъ, ими управлявшихъ, которые послѣ получили названіе Графовъ и Герцоговъ.

И такъ за Болгарами осталась только Паннонія или Венгрія по ту сторону Дуная, Кроація, Славонія и Сербія.

Между тѣмъ Словене въ Германской Украинѣ, *Mavehia Ucrainensis* или Украина, и прилежащія къ нимъ Сербы прибѣгли подъ покровительство Балшійскихъ Словенъ. Чехи же и Моравиане, во время Болгарскихъ переворотовъ, опирались на Болгаря, за то попались почти въ когти Франкамъ; и чтобы избѣгнуть рабства, Князья ихъ должны были принять Христіанскую вѣру и Латынь съ властью Франкскихъ Епископовъ.

Послѣ смерти Карла Великаго, Франкская его Монархія, превзошедшая силою Болгарскую, распалась на три, и тѣмъ самымъ самовольно унизилась предъ Болгарскою, ибо ея части, независяція одна отъ другой, сдѣлались гораздо слабѣе Болгарской державы, и тѣмъ самымъ уменьшилась опасность, угрожавшая Моравіи и Богеміи.

По крайней мѣрѣ со временъ Карла Великаго не было важной борьбы между Болгарами и его наследниками, которые уважали искренно Болгарскихъ Королей. Во все продолженіе IX вѣка Болга-

рія была одна изъ сильнѣйшихъ Державъ въ Европѣ.

И такъ легко можно себѣ вообразить, что Молдавія и Валахія въ продолженіе нѣскольکو столѣтій (до 900 г.) была обитаема народомъ воинственнѣмъ, и не видѣла въ предѣлахъ своихъ набѣговъ чужихъ народовъ, и Исторія сихъ земель заключаешь можешь внушрннѣ дѣла Болгарь.

Уже съ 670 года Болгаре изъ Валахіи перенесли свои завоеванія по ту сторону Дуная; вся Мизія осмалась за ними навсегда и получила названіе шоже Болгаріи. Переселенцы Болгарскіе, поддавшіеся Имперіи и служившіе оной, еще со времянь Имп. Юстина и Юстиніана I., населили Фракію и Македонію (NB. Греки никогда не населяли сихъ областей, кромѣ однихъ только городовъ).

Наконецъ Византійцы, въ кровопролитной войнѣ съ Болгарами, въ началѣ X столѣтія, лишились всѣхъ своихъ Европейскихъ владѣній, кромѣ столицы съ ея окрестностями, нѣсколькихъ крѣпостей, прилежащихъ къ Архипелагу и Греціи.

Между тѣмъ воспослѣдовала религіозная перемѣна въ Болгарской Державѣ въ царствованіе Короля Бориса, около 863 года; Христіанская вѣра, принятая сначала господствующимъ народомъ, смала распространяться и на подвластныя ему, какъ Словенскія, такъ и не Словенскія пле-

мена. Съ 900 году принуждены были принять оную и Сербы, послѣ нихъ и Кроаты, а съ 940 года и Волохи въ Трансильваніи; около 990 приняли оную наконецъ и Венгры и Россіяне. Всѣ сіи народы получили готовый переводъ Св. Писанія и Богослужебныхъ книгъ на Болгарскомъ языкѣ, приготовленный сначала для употребленія однихъ Болгарь.

Въ X столѣтій, послѣ смерти великаго короля Владимира II, нареченнаго въ крещеніи Симеономъ, подъ слабымъ правленіемъ его наследника, Болгарія подверглась сильнымъ внутреннимъ переворошамъ. Къ сему Греки, сильно чувствовавшіе могущество сей Державы, возбуждали противъ нее не только ея сосѣдей, но и подвластныхъ ей племень. Междоусобная война, — возмущеніе Сербовъ и Кроатовъ, и наконецъ оппаденіе, — нападеніе Угровъ и Россіанъ на Болгарскія владѣнія въ Венгріи и завоеваніе оныхъ, — нападеніе Россіанъ на самую Болгарію, — и наконецъ занятіе ея Греческими войсками, довершило бши лѣшній упадокъ сей сильной, но худо управляемой Державы въ концѣ X вѣка. Вскорѣ она возобновилась, послѣ смерти Цимисхія, храбрымъ Королемъ *Самуиломъ Мокрымъ*, но возникшая опять шягостная съ Византійцами 30-лѣшняя война, и смерть сего храбраго Короля ускорили паденіе сего Государства около 1018 года; Болгарія по шу сторону Дуная сдѣлалась областью Византійской Имперіи;

Болгарія въ Венгріи завоевана Уграми и Россами, и съ тѣхъ поръ образовалась нынѣшняя Венгрія. Угры и въ подмалашной прежде Болгарамъ Трансильваніи образовали особое Княжество.

И такъ съ 1000 году изъ сноль обширной Державы ошались въ рукахъ Болгаръ одна шолько Молдавія и Валахія.

Впрочемъ сей воинственный народъ не могъ ошашься въ покоѣ; въ продолженіи частыхъ и сильныхъ возмущеній въ Болгаріи, поддерживаемыхъ Болгарамъ съ сей стороны Дуная, хотя Болгаре выгоняли Греческіе гарнизоны по шу сторону Балкана, — однако возстановить Болгаріи, собственно такъ называемой, не могли, — и наконецъ уже шолько около 1186 года успѣли въ своемъ предпріятіи.

Завосаніе въ 1204 году Лашинцами Цареграда дало случай возродившейся Болгаріи болѣе и болѣе распространяшьяся: снова возросло могущество Болгаріи до шого, что Король оной *Калманъ* или *Иванъ* (иначе *Іоанникій*, *Іоанница*) принялъ шиншло Императора Болгаръ и проч.

Вскорѣ, воспослѣдовавшая ошь Волги Ташарская гроза, шшала угрожать владѣніямъ Болгаріи по шу сторону Дуная (Молдавіи и Валахіи); жинпели оныхъ конечно удалились на время ошь незванныхъ госпей въ горы Трансильваніи, чрезъ Дунай въ Болгарію; но послѣ ошбышій оныхъ возвращились въ свои жилища.

Болгарскіе Короли въ Валахіи и Молдавіи имѣли издавна своихъ воеводъ; жипели сихъ земель всегда были Болгаре, какъ господствующій народъ, хотя впрочемъ шамъ и сямъ находились въ оныхъ и не Словене-Волохи. Сей народъ, издавна будучи подданнымъ или подвласнымъ Болгарамъ, огрубѣлъ; между шѣмъ Болгаре, какъ дѣяшелейный народъ, были исключительно господами сихъ земель.

Въ послѣдствіи (въ XIV столѣтіи), когда вслѣдствіе внутреннихъ перевороповъ Венгріи на престолъ ея вступили иностранные Князья Римскаго исповѣданія; и когда сіе исповѣданіе, возшевши на престолъ и сдѣлавшись господствующимъ, стало угнѣпашъ Словенскую Церковь, -- то многіе изъ жипелей не только сосѣдственныхъ округовъ Венгріи, но и Трансилваніи, желая избѣгнуть угнѣпшенія ново-вводимаго Лапинскаго духовенства, переселились въ Молдавію и Валахію. Чувствительнѣйшее изъ подобныхъ переселеній было около 1350 году Карпашо-Россовъ (а не Волоховъ, какъ вообще думаютъ) изъ Мараморошскаго Ишпанства (ш : е. Жупанства, Графства) подъ предводителельствомъ ихъ Воеводы Драгоша. (*) Между

(*) Остатки сихъ Карпашо-Россовъ еще и нынѣ занимаютъ большую часть Мараморошскаго Графства и отличаются отъ прочихъ Россіянъ, живущихъ въ Венгріи, какъ одѣніемъ похожимъ на Спартанское, такъ и чистотою языка, удержавшимися у нихъ старинными Русскими обычаями, истинно Словенскимъ гостепримствомъ и величавымъ ростомъ. Они обы-

штѣмъ и изъ Россіи, а наипаче изъ Чермной Россіи и Подолья отъ Ташарь много ушло плуда же переселенцевъ.

Въ Валахію же постепенно переселились Трансилванскіе Волохи, такъ что простой Волошскій народъ счалъ превосходить числомъ господствующій Болгарскій.

Въ продолженіе сего времени Болгарское правительство потеряло свою дѣятельность: внутренніе раздоры и раздѣленіе Болгаріи между Князьями царственнаго дома позволило Туркамъ перенести свои успѣхи и на Европейскій берегъ. Изъ подобнаго безпорядка въ Правительствѣ произошло то, что Болгаре по сию сторону Дуная образовали особое независимое Княжество; ибо подобныя Княжества независимыя спали образоваться и изъ самой Болгаріи. Между штѣмъ и Карпато-Россы съ своей стороны образовали Воеводство, названное отъ рѣки Молдовы Молдовскимъ. Наконецъ около 1380 году пала вся Болгарія подъ иго Турковъ; большая часть Болгарскаго дворянства переправилась на сию сторону Дуная, а

кювенно наполняютъ гренадерскія роты Венгерской пѣхоты. Подробнѣе о Карпато-Россахъ вообще въ другой разъ — Посреди Графства существуетъ еще и нынѣ огромное селеніе, или лучше сказать мѣстечко, называемое *Драгошевымъ*, въ коемъ нѣкогда пребывалъ сей предприимчивый мужъ: въ народномъ преданіи еще и теперъ носятса въ народъ разныя сказки о Драгошѣ. Сіе мѣстечко (Драгошево) стоитъ между селами *Мокрымъ*, *Воловымъ* и синимъ *Виромъ*.

ославшаяся или плѣненная съ саблею въ рукахъ истреблена Турками; ибо вся страна едѣлась еобственностію Султановъ, тогда въ Адрианополь пребывавшихъ; одинъ только проспой Болгарскій народъ принужденъ былъ оспашься принятыми ошъ Султана мѣрами, кошорый ему сначала предославиль нѣкошорый призракъ свободы.

И шакъ снова независимость Болгарскаго народа ограничилась одною Валахіею, и ошчасти Молдавіею, въ коей нашли убѣжище и Болгаре и Россіяне ошъ преслѣдовавшихъ ихъ Ташарскихъ и Турецкихъ полчищъ.

Оба сіи Княжества были собшвенно Словенскія, ибо владѣемы были Словенами; всѣ почти Воеводы сихъ земель были Словене или изъ Болгаръ, или изъ Россіанъ, преимущественно въ Молдавіи, что видно, — если бы даже и самая Исторія сего не подшверждала явно — изъ Словенскихъ именъ Воеводъ (*).

Поелику Валахія обшшаема была собшвенно Болгарами, и въ послѣдствіи сей же самый народъ былъ въ ней господствующимъ; шо всѣ почти названія мѣстъ не только въ Молдавіи, но и въ Валахіи, 'суть Словенскія, и по большей части взяшыя ошъ именъ ихъ владѣтелей, или основателей, за исключеніемъ новѣйшихъ, кошорымъ Волохи дали названіе изъ своего языка.

(*) О Словенскихъ именахъ Воеводъ и мѣстъ скажу подробнѣе въ слѣдующемъ письмѣ.

Иныя сии Словенскія имена мѣсть частію оспались въ прежнемъ видѣ, частію же получили въ устахъ Волоховъ новыя окончанія. О сихъ названіяхъ поговоримъ ниже.

Какъ владѣтели и высшее сословіе Валахін составляли Болгаре, по не удивительно, что имена всѣхъ почти государственныхъ и придворныхъ чиновъ Болгарской Державы удержаны и въ Валахін и въ Молдавіи.

Письменный, придворный и всего высшаго и даже средняго сословія языкъ въ Валахін былъ Болгарскій, а въ Молдавіи смѣсь Болгарскаго съ Малороссійскимъ. Богослуженіе отправлялось единственно на Словенскомъ языкѣ.

Въ послѣдствіи, когда Турки завладѣли и Трансильванією и Венгрією, коими владѣли почти 150 лѣтъ, и Молдавія послѣ смерти Стефана Храбраго должна была понизить главу.

И такъ послѣ паденія Болгаріи сии Княжества предоставлены на произволь судьбы; съ 1400 года Турки сжали сильно напирать не только на Трансильванію, Сербію и Венгрію, но и на Валахію; Воеводы или Господари сей страны, не будучи въ силахъ противустать Туркамъ, и чтобы избѣгнуть разоренія постигшаго сопротивляющуюся Болгарію, передались добровольно Султану, ш. е. сдѣлались его Вассалами, чтобы не сдѣлались рабами.

Вассальство началось легкою данью, сообразно условіямъ капитуляціи, такъ сказать, цѣлой

спраны , подтвержденіе коихъ Сулпаномъ имѣло нѣкоторую силу закона, и предохраняло сію спрану отъ участи, постигшей Болгарію и Грецію.

Однакожь Турки со дня на день крѣпче привязывались къ симъ Княжествамъ, дѣлали вопреки условіямъ вассальства новыя припязанія, присвоили себѣ право ушверждашь, а послѣ и перемѣняшь Государей, сшали спроишь на ихъ землѣ крѣпости, и опшоргашь къ нимъ окрешности въ непосредственное свое владѣніе.

Между тѣмъ сшала возрасташь Россія. Господари собшвенно Словене, начали не рѣдко обращашься къ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ Государямъ, шо къ Россіянамъ, шо къ Полякамъ, шо имѣли сношенія съ Казаками.

Порша не могла эшого не замѣшишь и не предусмотрѣшь естественнаго побужденія, кошорое могли ощущашь сѣверные Словене, видя угнѣшеніе своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ; и такъ она рѣшилась уничтожишь сію естественную связь Россіи съ Молдавіею и Валахіею, ш. е. низпровергнушь Словень, Русскихъ и Болгарь съ древняго ихъ прешола сихъ земель, низизитъ всѣхъ Словень, находившихся въ семь своемъ опечествѣ.

Вслѣдствие сего, Порша издала постановленіе, что никакой Словенинь не можешъ возсѣсть на Княжескій прешоль. На мѣсто ихъ управление сими Княжествами предоспавлено ею Фанаріюшскимъ Грекамъ, кошорые, имѣя своихъ

родственниковъ въ Константинополѣ, а соотечественниковъ и единоплеменниковъ въ Турціи, а не въ Россіи, или въ Польшѣ, казались ей болѣе привязанными къ выгодамъ Султана. И дѣйствительно Греки оказывали немаловажныя услуги дѣламъ Порты.

Сверхъ сего, рѣшено было изгнать изъ церквей Молдавіи и Валахіи языкъ Словенскій, и замѣнить оный Волошскимъ, по большей части употреблемый у простаго народа; и такъ сей языкъ съ начала XVIII столѣтія вошелъ въ Богослуженіе въ Валахіи и Молдавіи, вытѣснивъ въ послѣдствіи Словенскій и изъ Трансильваніи, въ коей онъ былъ также богослужебнымъ какъ и во всей Венгріи.

И такъ наконецъ и здѣсь нанесенъ Болгарамъ послѣдній ударъ; Греки въ точности исполнили желанія Порты: какъ хлынули они въ обѣшанную имъ землю! Новые Фанариотскіе Господари приводили всегда съ собою новыя Караваны въ сіи страны; бѣдные племянники, братья, братаничи, сестриничи новыхъ господарей, бывшихъ прежде толмачей Порты, за посредственное жалованіе, подъ покровительствомъ своего новаго женились на богатыхъ болгарскихъ Болгарскихъ дочеряхъ; также участь ожидала и племянницъ ихъ Свѣшлоспей. Новые Господари привозили съ собою новыя явленія, новыя сцены, которыя почти всегда кончились выгодною свадьбою; истребленіе Болгарскаго дворянства проис-

ходило съ успѣхомъ; но болѣе, говорю, Болгарскаго языка.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ выгнанъ изъ Дворца, изъ судебныхъ мѣстъ и изъ церквей, онъ нигдѣ болѣе не имѣлъ пристанища; говоришь Словенскимъ языкомъ сдѣлалось преступленіемъ; никто не осмѣлился имъ говоришь, если не хотѣлъ навесити на себя подозрѣніе, и вмѣсто языка лишишься головы.

Все сосредоточилось, все способствовало для истребленія въ сихъ странахъ Словенизма, что произошло еще тѣмъ легче, что всякій Словенинъ, Русскій ли или Болгаринъ, зналъ и Волошскій языкъ, употребляемый болѣею частію простымъ народомъ; и такъ мало по малу какъ Русскій, такъ и Болгарскій, въ сихъ странахъ при-
 V нужденъ былъ выйдти изъ употребленія. Существовавшее въ Букарестѣ Словенское училище мало по малу приходило въ упадокъ, ибо стараніе Правительства обращено было на поддержаніе учрежденнаго имъ Греческаго училища; оно теперь, какъ замѣчаетъ Сочинитель Писемъ, въ совершенномъ упадкѣ, и до сихъ поръ болѣею частію поддерживаемо было частными Болгарами.

И такъ произошло то, что Болгаре въ Валахіи, а Россіяне въ Молдавіи оволошились; значительная часть нынѣшняго дворянства сихъ земель, хошя также оволошеннаго, беретъ свое начало изъ Фанара; но не смотря на сіе много,

много еще естъ боярскихъ семействъ; ведущихъ начало отъ знаменитыхъ нѣкогда Болгарскихъ вельможъ и удержавшихъ и по сію пору свои Болгарскія названія. Не смотря на сіе, Порша въ 1821 году, когда по прѣбованію Россіи допустила, чшобы впредь сими Княжесшвами управляли природные оныхъ Бояре, не преминула подтвердити свои мѣры, чшобы никакой Словенинъ небылъ допущенъ на престоль Княжескій; и выборъ новыхъ Господарей опять палъ на бояръ, собшвенно Грековъ.

Вотъ миниатюрная историческая спавня въ огромную историческую разщелину Сочинителя Писемъ о Молдавіи и Валахіи. Вся эта Исторія можетъ наполнить три или чепыре тома; она весьма любопытна въ подробностяхъ, и весьма важна для Русской, кошорая еще далека отъ своего совершенства. Молдавія и Валахія, всегда, но преимущественно въ древнія времена, касалась Руси; Исторія ея въ тѣсной связи съ Русскою. Сіи страны были точкою соприкосновенія и вѣгдашней связи Россіянъ съ Болгарами.

Симъ письмомъ больше всего я хотѣлъ обратити вниманіе любительей и изыскательей Отечественны Исторіи на знаменитый нѣкогда, но нынѣ забытый Болгарскій народъ, кошорый больше всѣхъ прочихъ народовъ заслуживаетъ особенное вниманіе Русскихъ Историковъ, и въ семъ отношеніи съ нимъ могутъ сравнитиься одни шоль-

ко Варяги, вліяніє коихъ на Россію никогда не имѣло шолкихъ послѣдствій (*), какія произошли изъ связи Россіянь съ Болгарами. Тогда шолько родилсѣ настоящая Русская Исторія, когда издадутъ кришическую Исторію всѣхъ тѣхъ народовъ, которые когда либо были въ связи или въ сосѣдствѣ съ Россіянами. Я предвижу, что и кришическая Исторія Болгаръ повлечетъ за собою сильныя перемѣны и въ Русской; впрочемъ, если чего либо ожидаешь должно, объяснишь время.

Но пора кончить, М. Г., письмо. я шолько замѣчу вамъ, что есть еще въ письмахъ о Молдавіи сямъ-и-тамъ большія и меньшія разщелины, о которыхъ сдѣлаю замѣчанія въ слѣдующей эпистолѣ. . .

Вашъ покорный слуга.

Юрій Венелинъ.

Начавъ издавать Московскій Вѣспникъ, мы имѣли въ виду такъ устроить ошдѣленіе кришки, чтобъ всякую примѣчательную книгу, въ Россіи выходящую, разбираеть шолько шопъ, кшо преимущественно и исключительно занимается частію наукъ, къ которой она ошносится; ибо судить одному обо всемъ — и невозможно и смѣшно. — До сихъ поръ, по недостатку средствъ, мы не успѣли еще, правда, исполнить своего намѣре-

(*) Въ этомъ нельзя согласиться безусловно. М. П.

нія во всей его обширности, — однакожь по нѣко-
 торымъ частямъ имѣемъ уже пошребныхъ сошруд-
 никовъ. Г-нъ Венелинъ принадлежишь къ числу
 ихъ. Природный Карпато-Россъ, родившійся въ
 коротко знающій Венгрію, Трансилванію, Гали-
 цію, Болгарію, онъ общался намъ доставляшь свѣ-
 денія обо всемъ, относящемся до сихъ странъ.—
 Г-нъ Хаке, Финляндець, которому одолжены мы
 переводомъ Акселя, будешь сообщашъ извѣстія
 о Финляндіи и Швеціи, — Онъ благомыслящихъ
 соопечешвенниковъ зависишь подкрѣпляшь насъ
 въ нашемъ предпріятіи, которое должно, ка-
 жешся, приносишь пользу. М. П.

Пять лѣтъ въ два гаса, или какъ дороги утки !
Опера-Водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, передѣлан-
ная съ Французскаго А. И. Писаревымъ. Москва.

Въ Универс. Тип. 1828. въ 8-ку 81 стран.

Средство выдавать дочерей за мужъ, Опера-Во-
девиль въ одномъ дѣйстви, передѣланная съ
Французскаго А. И. Писаревымъ. Москва. Въ Унив.

Тип. 1828. въ 8-ку 54 стран.

Вошь еще два Водевила, оставшіеся намъ
 послѣ покойнаго Писарева. Конечно, въ эсихъ
 бездѣлкахъ не лзя видѣшь всѣхъ блестящихъ да-
 рованій, въ немъ опняшыхъ смершью у нашей
 Словесности; но живое удовольствіе, съ кошо-
 рымъ вы не шолько смошрите на сіи Водевила,

но даже читаете ихъ, вамъ и теперь доказываешь, какимъ непринужденнымъ оспроуміемъ одаренъ былъ Писаревъ, общавшій намъ *Христофора Колумба*.

О содержаніи перваго изъ сихъ Водевелей уже говорено было въ 3 мѣ Н. Драмаическихъ прибавленій. Расскажемъ содержаніе втораго.

Дюранъ, купецъ, желая скорѣе выдать дочь свою за мужъ, прибѣгаетъ къ необыкновенной хитрости. Однажды въ театрѣ случилось ему сидѣть въ креслахъ подлѣ молодаго богача, Адольфа Белькура, между шѣмъ какъ жена и дочь его были въ ложѣ. Разговорившись съ нимъ, спарикъ вдругъ обратилъ его вниманіе на красавицу въ ложахъ и довель его до своей дочери: Белькуру въ самомъ дѣлѣ она понравилась, а отецъ, желая подстрекнуть его, началъ бранить дочь свою, слово за слово . . и дѣло дошло до дуэли. Дюранъ пригласилъ къ себѣ на другой день Белькура и принялъ имя Рапирини, одного извѣстнаго дуэлиста, изъ страха, чшобъ отецъ Адольфа не открылъ ему, кто эшошъ Дюранъ. Адольфъ является, Дюранъ просишь его до дуэли позавтракать; онъ не соглашается. Входяшь жена Дюрана съ дочерью Викториной; Адольфъ узналъ красавицу, изумился и испугался. Начинается завтракъ; Адольфъ на вопросъ Г-жи Дюранъ, за чѣмъ онъ сюда пріѣхалъ? — рассказываетъ, какъ будто о своемъ пріятелѣ, происшествіе, съ нимъ

самимъ вчера случившееся, Дюранъ, не смотря на то, хочешь поддержашь честь свою и завлечь далье Адольфа. Жена уходитъ къ модной шорговкѣ, Дюранъ будто за пистоледами, а Адольфъ съ Викториною оспающася одни. Разумѣется, они признались другъ другу въ любви, и Адольфъ, по совѣту Викторины, рѣшился просить Дюмона, поварица Дюранова, бышь ихъ примиришелемъ, и ушелъ; Дюранъ приходить съ пистоледами и не засмаетъ уже Адольфа. Сей послѣдній еще ушромъ извѣстиль о будущей дуэли одного родственника своего, полковаго фехшмейстера, спрашнаго дуэлиста, Флере. Онъ являещя и предлагаешь свои услуги вмѣсто Адольфа; Дюранъ въ ужасѣ, — и видя, что дѣло пошло не на шушку, увѣряешь Флере, что они уже покончили мировую съ Адольфомъ и приглашаешь его на обѣдъ. При этой благоданной вѣспи, Флере успокоился и ушелъ въ комнашу хезяина оцдохнушь. Новая бѣда Дюрану! Сержантъ изъ Полици, кошорая узнала о его ссорѣ и дуэли съ Адольфомъ, равно и о томъ, что Адольфъ ушелъ съ ушра изъ дома и не являещя, приходить за мнимымъ Рапирини, какъ извѣстнымъ дуелистомъ. Дюранъ отрекаешя ошъ этого имени, кошорое себѣ присвоиль изъ хипросши, и спрашиваешь у вошедшей дочери: гдѣ Адольфъ? Она, боясь сказаць, что онъ пошелъ къ Дюмону хлопашь о ихъ свашповсшвѣ, говоришь: „вѣдъ вы давича собирались

прогуляйся въ Булонскомъ лѣсу.“ Подозрѣнiя усиливаюцца; приходитъ жена; Дюранъ велитъ ей и дочери сказать его имя; жена, которая въ разговоръ съ мужемъ, не знаетъ какое сказать: настоящее или поддѣльное? — Дочь въ смущенiи не отвѣчаетъ, и отчаянный отецъ поетъ:

..... На что похоже!

Жена, вѣдь стыдно наконецъ,

Что дочь не знаетъ — и чего же?

Не знаетъ, кто ея отецъ?

Флере приходитъ на шумъ и, услышавши, что Адольфъ пропалъ, нападаетъ на Дюрана. Сержантъ также. Они шатають его въ разныя стороны; Адольфъ приходитъ, дѣло объясняется, и Дюранъ успѣваетъ выдать за мужъ дочь свою.

Не лѣзя претоваться отъ Водевильей ни характеровъ, ни важной интриги. Смѣшныя положенiя, остроумныя куплеты, игра словъ, слогъ живой, разговорный — составляютъ все достоинство этихъ произведенiй, и въ этомъ Писаревъ, кажется, много успѣлъ. Выпишемъ нѣкоторыя куплеты изъ втораго Водвиля.

Но 1-й. Да нынче ктожь въ своей шарелкѣ?

Поэты пишутъ на заказъ,

Судьи ударились въ бездѣлки,

Купцы ползли на Парнассъ,

Мужья отъ власти отказались,

И въ наше время у людей

Тарелки такъ перемѣшались,
Что не найдешь никшо своей.

Но 2-й. Одинъ нечаянно другаго

Толкнешь иль локтемъ иль ногой . . .

Не лъзя-жь безчестія такого

Не смышь кровавою рѣкой.

На смершнй бой идушь аплешы!

И каждый секунданшь пока

Гошовишь явно писполешы

И ве-се-пе изподпишка.

Заключительные куплешы сего *Водевиля*
очень милы и остроумны. Вотъ они:

Д ю р а н ь.

Ахъ, дочери — мученье!

Скажете, кто имъ радъ?

Плаши за ихъ ученье,

Плаши за ихъ нарядъ.

А подростушь поболъ,

Тогда опца и машь

Спросите вы: легко ли

Ихъ за мужъ выдавашь?

Г-жа Д ю р а н ь.

Засиживались рѣдко

Невѣсты вспарь у насъ:

Смиреница, кокешка

Сходили съ рукъ шопчасъ.

А нынче остаюшя

Мужей лѣшь шридцашь ждашь . . .

Какъ бытъ? не выдаюшся!

А надожь выдавашь.

А д о л ь ф ь.

Всѣ прежніе поэшы,

Поэзію любя,

Любили браться совѣшны

И пробовашь себя.

А нынче ужь безъ пробы

Всѣ бросились въ печашь . . .

И выдаюшъ . . . чего бы

Не должно выдавашь.

Ф л е р е.

Во всѣхъ бесѣдахъ шумныхъ

Теперь приспращшый вкусъ:

Глупцы шамъ корчушъ умныхъ,

Героя корчишъ шрусъ;

И разночинцы даже

Пустились корчишъ знашъ . . .

Не за себя — себя же

Всѣ сшали выдавашь.

Викторина (къ зрителямъ).

А мы себя и пьесу

Вамъ смѣло выдаемъ;

И нашему процессу

Конца смиренно ждемъ.

Но вамъ еще прошенье

Рѣшаемъ подашь:

Намъ выдашь наше мнѣнье,

А насъ не выдавашь.

Не будемъ указывать на недоспашки сихъ двухъ Водевилей: хотя еще горестнѣе сердцу видѣшь однѣ красоты въ произведеніяхъ погибшаго шаланша; но недоспашки ихъ могутъ ли послужить утѣшеніемъ для шѣхъ, кошорые умѣють цѣнить дарованіе? — Мы увѣрены, что Писаревъ оспавиль бы скоро свои Водевили и посвящилъ бы себя произведеніямъ высшаго рода, еслибы смерть его пощадила. Изъ прежнихъ шрудовъ его, изъ комедій, водевилей, купленовъ, мы видимъ, что онъ, хотя не владѣлъ богашою фаншазіей, но сверхъ живаго, природнаго оспроумія, имѣлъ много связи въ умѣ своемъ (conserption), много ясности, много шого цеменша, въ кошоромъ нуждаешся не одинъ изъ нашихъ молодыхъ писателей. Простое, но ясное расположеніе его комедіи: Христофоръ Колумбъ, намъ извѣстное, служилъ подтвержденіемъ нашему замѣчанію. Мы весьма бы желали, чтобъ друзья покойнаго, издавши сей планъ и первое дѣйствіе комедіи, указали скорѣе публикѣ, чего она въ немъ лишилась.

Но если бесполезно высчитывать частныя недоспашки въ произведеніяхъ шаланша, еще погибшаго до своей зрѣлости; шо видѣшь общіе его недоспашки поучительно. Писаревъ, опредѣлившій себя на лестное служеніе Талии, увлекался болѣе минушою, внушеніемъ извинительнаго славолубія, кошораго сильная шепенъ спановишся однако пагубною для писателей Драмашическихъ. Мы не

одобряемъ въ немъ ни общаго тона его Водевилей, ни даже того, что онъ обрабатывалъ въ нихъ характеры по ролямъ и способностямъ извѣстныхъ актеровъ театра. По нашему мнѣнiю, Авторъ драматическiй для пользы сцены, для усовершенствованiя театра, для успѣха не временнаго, не случайнаго, но вѣрнаго, — долженъ споясть выше своихъ актеровъ, долженъ увлекать за собою и ихъ и самую публику, — не пошворешивать имъ, а быть ихъ наславникомъ. Только дѣйствительными, положительными средствами можно двигать впередъ образованiе Словесности: пора уже не увлекаться волною, а управлять ею. Кому возможнѣе ею править, какъ не писателю драматическому, въ единое мгновенiе попрысающему тысячи душъ и умовъ? —

Немногiе писатели назначены къ тому, чтобы идти передъ толпою и предводить образованiе Литтературы; но и эти немногiе, къ сожалѣнiю, не избѣгаютъ (говоря вообще, безъ примѣненiй) праведнаго упрека въ томъ, что они часто бываютъ безпечно равнодушны къ славѣ своего народа и къ своимъ дарованiямъ.

S.

Иностранная книга.

Похождения Иоанны д'Аркъ по вновь найденной Орлеанской Рукописи. Schicksale der Jungfrau Johanna von Arc.

Какъ ни различны толкованія о нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ и походахъ Орлеанской Дѣвы, но мало естъ предметовъ въ древней Французской Исторіи, привлекашелейнѣйшихъ для Историка, который не ограничиваясь военными и придворными происшествіями, желаетъ изучать духъ народа.

Дѣло открывается изъ показаній слишкомъ 200 свидѣтелей, въ протоколахъ двухъ слѣдствій, и занимаетъ почти тридцать томовъ въ Королев. Парижской Библіотекѣ. Къ сему присоединяются современные писатели: Жанъ и Аленъ Шартье, и предубѣжденный противъ Иоанны Монспрелешъ, который принадлежалъ Бургундской партіи. Исторія осады Орлеана по одной рукописи вышла еще въ 1606. Англійская Хроника Голлиншеда согласна Монспрелеша съ протоколами. Всѣ сіи документы критически изслѣдовалъ ученый правовѣдецъ л'Аверди: сочиненіе его занимаетъ почти цѣлой томъ въ четвертку въ изданіи: *Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du Roi.* О Вольшерѣ и объ Юмѣ здѣсь говорить разумѣется нечего. Послѣ л'Аверди вышло множество сочиненій объ Иоаннѣ, изъ коихъ въ одномъ исчислено прочихъ до 400.

„Изъ всѣхъ разсуждавшихъ подробно о явленіи пастушки Грѣзской предводительницею вельможъ и воиновъ Франціи,“ замѣчаетъ издатель объявленной нами книги, „Вольтеръ и Юмъ въ изученіи событій показали наиболее легкомыслія, а въ изслѣдованіи наименѣе крипики: они презирали до крайности (*) всѣ человѣческія суевѣрія, ненавидѣли всякое зло, причиненное народамъ своекорыстіемъ и невѣжесшвомъ, и пошому были иногда несправедливы къ людямъ и событіямъ: часто въ иномъ явленіи не хотѣли совершенно признавать добродѣтели, пошому что къ ней присоединялось нѣсколько односпорное невѣденіе, — не хотѣли признавать блага, пошому что къ нему примѣшано было нѣсколько зла. Родившись въ то время, какъ разумъ человѣческой началъ возвращать себѣ владычество, они хотѣли воспользоваться минушою, обезпечить прочное шоржество его, и искоренить навсегда заблужденія и глупости людей. Чтб они сдѣлали, то, вѣроятно, могло бытъ сдѣлано шолько ими шакимъ образомъ и въ то время. А мы,

(*) Обращаемъ вниманіе молодыхъ нашихъ учащихся читателей на это мѣсто: современники иногда воздаютъ должную дань хвалы писателю, (Юму, Робертсону); но сія должная похвала не должна дѣлаться *общимъ мѣстомъ* (какъ у насъ бываешь) для потомства, которое, въ слѣдствіе новыхъ своихъ шребованій, можетъ производить другой судъ писателю, и сказать, чтб въ немъ приносило пользу современникамъ, и чтб приносило еще пользу въ ихъ время; шожь слѣдуетъ разумѣть и о порицаніи. М. П.

явившіеся послѣ побѣды, обязаны шеперь соблю-
дать ббльшее безприсраспіе. Мы не хотимъ изслѣ-
довашь произшествій съ шѣмъ, чшобъ ихъ оспо-
ривашь, но съ шѣмъ чшобъ ихъ знашь.“

До сихъ поръ была издана вполнѣ толь-
ко хроника, въ собраніи Годфруа, кошорая
простираешя до плѣненія дѣвы при Компьентъ;
изъ дѣла извѣстно было только нѣсколько пунк-
товъ, и Бушонъ, оказавшій важную услугу
изданіемъ *Chroniques nationales*, увеличилъ ее еще
болѣе сообщеніемъ сего процесса, со многими
обстоятельствами, остававшимися дошолѣ въ не-
извѣстности, на прим. дипломами на дворянство,
данными семейству Іоанны, съ письмами и проч.

И въ издаваемой нынѣ Хроникѣ есть много
любопытныхъ подробностей, (*) на пр:

„Король, услышавъ о Дѣвѣ, получилъ совѣтъ
отъ своего духовника или другихъ, поговорить
съ нею и разспросить ее келейно, можешь ли
онъ въ самомъ дѣлѣ вѣришь, чшо Богъ послалъ
ее къ нему, дабы могъ положиться на нее лучше
и повѣришь словамъ ея, чшб помянушій Госу-
дарь и сдѣлалъ, на чшо она ошвѣщствовала:
„Государь! если я скажу тебѣ шайныя вещи,
о кошорыхъ вѣдаетъ только Богъ и шы, повѣ-
ришь ли шы тогда, чшо я послана отъ Бога?“
Король ошвѣчаетъ, чшо дѣва можешь спраши-
вашь его. „Государь! помнишь ли шы, чшо въ

(*) Переводчикъ старался сохранить всю грубую
престому Хроники.

послѣдній день Всѣхъ Святыхъ, въ Лохскомъ замкѣ, въ своей моленной, совершенно одинъ, ты обратилъ при молитвѣ къ Богу? Король отвѣчалъ: — хорошо помнишь, что обратилъ нѣкогоря (аусипезъ) молитвѣ, и тогда спросила его Дѣва, открылся ли онъ о сихъ просьбахъ своему духовнику или кому другому? Король сказалъ: нѣтъ. „А если я скажу тебѣ при просьбѣ, которыя ты къ нему вознесъ, дашь ли ты полную вѣру словамъ?“ Король отвѣчалъ: да. Тогда сказала ему дѣва: „Государь, первая просьба, которую ты обратилъ къ Богу, была, что ты молился, чшобъ онъ, если ты не настоящій наслѣдникъ Франціи, благоволилъ опилать у тебя мужество въ томъ упорствовашъ, да не будешь ты болѣе причиною вести войну и поддерживать; откуда происшекаетъ столько зла, чшобъ возвратишь помянутое Королевство. Вторая просьба была, что ты ему молился, если великія неудачи и напасти, кои переносятъ и такъ долго переносятъ бѣдный народъ Французскій, по своимъ грѣхамъ насылаются, и что это швоя вина; то чшобъ онъ благоволилъ народъ дшъ шого избавить, и чшобъ ты одинъ былъ за шю наказанъ и несъ кару, или смершію или другимъ какимъ наказаніемъ, какое ему угодно будешь. Третья просьба была: если грѣхи народа причиною означенныхъ неудачъ, то чшобъ онъ благоволилъ, означенному народу простишь, свой гнѣвъ укро-

пить, и Королевство отъ напастей избавить, кои оно уже слишкомъ двѣнадцать лѣтъ переносишь.“ Король зная, что она говорила правду, повѣрилъ словамъ ея, и былъ того мнѣнія, что она послана ему Богомъ, и возимѣлъ великую надежду, что она ему поможетъ получить опять свое Королевство, и рѣшился воспользоваться ея помощію и во всѣхъ случаяхъ принимать ея совѣты. Впрочемъ я долженъ возвратиться къ моей Исторіи. . .

Вскорѣ послѣ того разговора Іоанна продиктовала слѣдующее письмо: „Иисусъ, Марія. „Король Англійскій, и ты, Герцогъ Бешфоршъ, который называешь себя Регентомъ Франціи; ты, Вильгельмъ Пуль; Ты Суффоршъ, „Іоаннъ Тальбошъ, и ты Томасъ (Herr von Escalles), „который называешь себя памѣстникомъ вышеупомянутаго Бешфорша, дай те удовольвореніе „Царю Небесному вручишь дѣвъ, которая послана отъ Бога, Царя Небеснаго, ключи городовъ, взяшихъ и покоренныхъ вами во Франціи“ и ш. д. Это есть мѣсто, мастерски изложенное Шиллеромъ. „И если вы не хотите вѣришь словамъ Бога и дѣвы,“ сказано въ томъ письмѣ, „шо я даю вамъ знать, что, на какомъ бы мѣстѣ вы ни находились, мы ударимъ на васъ и напишемъ и сдѣлаемъ такую великую сѣчу (Ha hay) какой тысяча лѣтъ во Франціи не бывало, и будише увѣрены, что Царь небесный пошлетъ дѣвъ споль-

ко силы, что нивы невозможете, ни ваши рашники, вредить ей или ея спутникамъ; и по крѣпкимъ ударамъ (hotions) увидяшь, кто правѣе.“

Изъ многихъ мѣстъ въ объявляемой Хроникѣ ясно видно вѣроломство судей Иоанны. Предлагаемъ нѣкошорые любопытные ошвѣщанья ея.

На вопросъ, „подъ благодатию ли божіею она живешь“, ошвѣчала: „если я не подъ благодатию, што покарай мени Богъ; а если я подъ благодатию, што ошавъ ее надо мною.“

Около Домрени есть дерево, кошорое называется деревомъ женщинъ (der Damen), а другіе называютъ его деревомъ фей; по близости его бешеть ключъ, изъ кошораго воду пьютъ лихорадочные; но она не знаетъ, выздоравливаютъ ли они. Туда ходила она съ молодыми дѣвицами плески вѣнки Божіей Матери. Ее спросили „ходяшь ли шуда феи“, но она ихъ не видала.

На вопросъ, „что сказала она Королю“, ошвѣчала: „подите и спросите.“

На вопросъ, „видѣла ли она или узнала чрезъ ошкровенія, что благополучно кончишь дѣло свое“, ошвѣчала „Эшо не идешь къ дѣлу; развѣ вы хошите, чтообъ я говорила прошивъ себя.“

На вопросъ „говорила ли она, что знамена ей подобныя счастливы“, ошвѣчала, „что иногда говорила: „идише храбро на Англичанъ;“ и сама ходила вмѣстѣ.

На вопросъ, „не знаетъ ли она, что ея подвижники служили обѣдию, молились или говорили за

нес,“ отвѣчала: „если они молились за меня, то не сдѣлали никакого зла.“

На вопросъ, „какъ освободила она Герцога Орлеанскаго,“ отвѣчала: что она, взявъ его, взяла у Англичанъ сполько, что можешь знать, какъ это взять; а если она взявъ его, недовольно еще взяла съ этой стороны, то она пошла бы за море, чтобы насильно взять то въ Англии.“

„Не навидишь ли Богъ Англичанъ?“ — „Олюбви и ненависти, кошоры пишаешь Богъ къ душамъ ихъ, она ничего не знаетъ, но то знаетъ, что они изгнаны изъ страны, кромѣ шѣхъ, кошорые шамъ умрушь.“

„За чѣмъ носили ея знамя въ Реймсъ?“ — „Она была при шрудѣ, сѣдовашельно должна была бышь и при славѣ.“

По приговору, говоритъ Хроника, рѣшили Епископы, Инквизишоры и часть Судей, и осудили Иоанну на эшафопъ. А начальникъ Руанскій, Англичанинъ, шамъ бывший, безъ всякаго процесса произнесъ еще приговоръ надъ нею, чтобы она отведена была на мѣсто, гдѣ должна бышь сожжена. Когда Иоанна услышала сіе приказаніе, то начала кричать и спенашъ споль необыкновенно, что весь народъ и всѣхъ присушествовавшихъ подвигла къ состраданію, до слезъ. (*)

(*) Lequel commandement ouï par Johanne, elle commença à crier à et se plaindre si merveilleusement, qu'elle mut le peuple et tous ceux qui étoient présents, à pitié jusques aux larmes.

И тогда тотчасъ приказалъ помянутый начальникъ, чшобъ развели огонь, что и произошло, и она была сожжена въ сшенаніяхъ и умерла великою мученическою смершію, что было удивительною жестокостію; а иные, какъ знаные шакъ и просшюлюдины, весьма ропшали на Англичанъ.

Вошъ молишва Іоанны съ Латинскаго подлинника.

„Боже Подашель мира, безъ луковъ и стрѣль низлагающій непріашелей, по мѣрѣ какъ на себя надѣющся, помоги, умоляемъ себя, будь покровишелемъ нашему несчастію, и освободивый народъ свой рукою жены, возвысь Карлу, нашему Королію, десницу на побѣду, да одолѣешь онъ шеперь враговъ, кошорые надѣющся на свое множество и гордяшся своими луками и копьями, и къ тебѣ Господи, кошорый еси пушь, истина и живощъ, достигнешъ со вѣреннымиъ ему народомъ, въ нашемъ Господѣ Іисусѣ Христѣ.“

Вникнувъ въ духъ шого времени, мы видимъ, что не должно удивляшся осужденію Іоанны. Мы даже осмѣлились бы нѣсколько извинишь жестокія мѣры ея плѣнишелей, если бы они не были побуждены къ нимъ Главами Англійскаго Правительшва, и если бы самыя соощечешвенники Іоанны не содѣйшвовали къ ея несчастной смерти. Пушь вспомнишь, что Томазіи, умершій въ Германіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія, съ великимъ шрудомъ могъ оспоришь вѣру въ вѣдьмъ, колду-

новъ, чернокнижіе, привиденія. Въ достовѣрныхъ книгахъ читается, что до Томазія всякая спаруха съ красными глазами должна была опасаться, чтобы ее не обвинили въ колдовствѣ и не посадили на костеръ. —

Всѣ изображенія Іоанны, лѣпныя, живописныя, липыя, не имѣютъ никакой достовѣрности и принадлежатъ ко временамъ позднѣйшимъ.

(Изъ Morgenblatt) М. П.

Vie politique et militaire de Napoléon, etc. Политическая и военная жизнь Наполеона, рассказанная имъ самимъ передъ судилищемъ Цезаря, Александра и Фридриха. 4 тома. Парижъ.

Полагаютъ, что Авторъ сего сочиненія — Жюмини. Вотъ что сказано объ этомъ сочиненіи въ *Revue Encyclopédique*: „Если нуженъ былъ Робертсонъ для Исторіи Карла Пятаго, уступающаго гениемъ Наполеону, — то не В. Скопшу, превращающему Исторію въ Романъ, предлежала честь неизгладимыми чертами изобразить жизнь Наполеона. Для такого подвига потребенъ писатель, чуждый пристрастія, чуждый аристократіи и феодализма, писатель, постигшій духъ революціи, а не предубѣжденный противъ умовъ, ею порожденныхъ, писатель, который имѣлъ бы основательное познаніе въ политическихъ отношеніяхъ Державъ ХІХ столѣтія и могъ бы судить о воинскихъ подвигахъ великаго полководца. Въ этомъ отношеніи Авторъ сей книги возьмешь верхъ надъ историкомъ Англійскимъ.

С М Ъ С Ъ.

Приключеніа Хаджи Бабы.

(Продолженіе).

Отдохнувши на палубѣ корабля отъ перваго изумленія, мы сошли въ комнату, украшенную зеркалами и разною утварью, сообразно нравамъ и обычаямъ Европейцевъ. Здѣсь только мы получили ясное понятіе о той постели, которую намъ предлагали: это былъ родъ висячаго матраса, употребляемаго Армянами въ Юлфѣ; однимъ концемъ онъ прикрѣпленъ къ столбу, другимъ къ стѣнѣ, и качается такимъ образомъ. Посланникъ выбралъ для себя постель этого рода. Я положилъ свой матрасъ на полу въ передней; слуги наши разстлали ковры между пушками и повѣсили свои мушкеты, мечи и пистолеты на гвозди, такъ какъ обыкновенно дѣлывали они на твердой землѣ въ Караванъ-сараяхъ.

Описать не возможно, какъ провели мы первую ночь. Мало сказать, что у насъ головы вкругъ ходили, что желудокъ потерялъ равновѣсіе съ печенью, что печень разстроилась съ фибрами сердца: всего этого недоспачочно для изображенія нашихъ бѣдствій. Безпрерывное качанье, необыкновенный шумъ, запахъ, говоръ, новосты предметовъ — все это приводило насъ въ такое изумленіе, что мы были почти въ безпамятствѣ.

Проснувшись на другой день, мы все еще не могли привыкнуть къ новости зрѣлища и по-

ложенія. Намъ казалось, что міръ и жизнь вовсе насъ оставили. Куда дѣвалась Тегеранъ, великолѣпіе нашего Шаха, его золоченыя палаты, его воины въ желѣзныхъ доспѣхахъ, его блестящіе придворные? Куда исчезла Испаганъ, высокой Демавендъ, равнины Султаніи, пущыни Мазандерана? Сполица со всею странною кровопійцы скрылась отъ нашихъ взоревъ, и мы были какъ почка въ океанѣ. Одними только облаками замѣченные, мы плыли мимо странъ, которыя какъ тѣни въ неизмѣримомъ отдаленіи мелькали передъ нами. И въ чьихъ рукахъ мы находились? — въ рукахъ у невѣрныхъ, которыя несли насъ, Богъ знаешь куда. Говорить съ ними мы не могли; они не въ силахъ были объяснить намъ, почему избрали дорогу черезъ море, гдѣ вовсе ея не было; почему корабль несея прямо впередъ, когда ничто не мѣшало ему плыть назадъ. Никто изъ насъ не зналъ, гдѣ Англія. Даже море мы могли считать странною невѣрныхъ. Но чтожь это за страна? Стало бытъ, люди должны тамъ жить въ такихъ же ящикахъ, въ какомъ мы находились; припомъ же, если всякой имѣешь волю ходишь куда ему угодно, — то какъ же управлять Шаху такими людьми? какъ наложишь, на примѣръ, снежную пеню? Однимъ словомъ, чѣмъ болѣе вникали мы въ свое положеніе, тѣмъ все страннѣе для насъ казалось. Самыя объясненія Меман-

дѣла не могли удовлетворить насъ, потому что онъ говорилъ о предметахъ, вовсе чуждыхъ нашему пониманію, — и мы увидѣли необходимость бросить наконецъ якорь нашего любопытства въ пристани ожиданія.

Пока мы плыли близко къ твердой землѣ, — по все еще могли постигнуть, какъ моряки не сбиваются съ дороги; но когда все скрылось изъ глазъ, кромѣ воды и неба, — мы не въ силахъ были постигнуть, что же могло указывать имъ путь? — Но и это намъ объяснилось, когда мы узнали, что на кораблѣ было множество звѣздочетовъ. Въ полдень явилась на палубѣ толпа молодыхъ людей съ Астролябіей для наблюденій надъ солнцемъ.

Вся эта молодежь показалась намъ сначала праздничношапачею. И какъ можно было отдать въ руки мальчикамъ орудіе небесной мудрости? Судя по ихъ отвѣтамъ на наши вопросы, они совершенно были увѣрены, что мы ѣдемъ по настоящему пути и что звѣзды намъ благопріятствуютъ. Могомедъ, не желая прослыть невѣждой, вынулъ также свою астролябію; но ему не удалось сдѣлать никакихъ наблюденій, какъ бывало въ Испани: онъ объяснилъ намъ, что звѣзды перемѣнились, и здѣсь имъ видимыя совершенно отличны отъ звѣздъ, сіяющихъ надъ нашимъ опочесствомъ. Однако мы заключили изъ этого, что у Франковъ другая наука, а не наша. Вскорѣ они

сами принялись намъ объяснять различіе между Астрономіею и Астрологіею. Хотя мы по видимому выводили свои заключенія изъ того же источника, но не согласовались въ цѣли. Въ послѣднемъ замѣчаніи мы убѣдились слѣдующимъ образомъ. Посланникъ дурно себя чувствовалъ и хотѣлъ принять лекарство: на сей конецъ послалъ онъ спросить одного изъ ихъ звѣздочетовъ, соизволяютъ ли ему шѣла небесныя въ этомъ намѣреніи? — Ему отвѣчали они, что наука ихъ ограничивается только опредѣленіемъ долгошы и широшы корабля, и что изъ нея не могутъ они узнать минушы, благопріятной для желудка Его Превосходительства. При этомъ случаѣ Могаммедъ Бегъ получилъ предпочтеніе въ глазахъ нашихъ, ибо онъ смѣло отвѣчалъ, что минуша весьма благопріятствуетъ къ очищенію желудка Его Превосходительства.

Мы не могли вдоволь надивиться, увидѣвъ, что толпа безбородыхъ юношей занимается Астрологіею. Мальчишки берутся за такое дѣло, которымъ у насъ занимаются мужи опытные, всю жизнь свою употребившіе на то, чтобы наблюдать звѣзды и опредѣлять минушы, благопріятныя для каждаго предпріянія человѣческаго. Меня увѣрили, что одинъ изъ сихъ наблюдателей съ помощію одной Аспролябіи могъ достоверно назначить то мѣсто на земли, гдѣ мы находились, и въ доказательство того онъ обѣщалъ намъ, что земля покажется вечеромъ при закатѣ солнца.

Кромѣ того что мы цѣлую недѣлю ужь пробыли на морѣ, — намъ любопытно было знать, въ самомъ ли дѣлѣ есть другія земли, кромѣ Персіи и Турціи, и пошому мы всѣ, вмѣстѣ съ Англійскими Астрологами, напрягали все наше зрѣніе для того только, чтобы скорѣе открыть землю. Наконецъ въ ту минушу, когда солнце погрузилось въ море, явилась полоса на небосклонѣ: всякой увѣрялъ, что это твердая земля, и меня позвали, чтобы на дѣлѣ убѣдиться въ точности изысканій Астролога. Могаммедъ Бегъ, который ученостью считалъ себя наравнѣ съ Абу-Мазеромъ (*), опцемъ разговора, сомнѣвался и увѣрялъ, что его мудрость гораздо выше Англійской; ибо онъ можетъ предохранить отъ событій невидимыхъ, а Англичане предсказываютъ одно только видимое. Тутъ, помнишься мнѣ, Могаммедъ Бегъ вступилъ въ жаркое преніе съ Мемандаромъ; сей послѣдній, стараясь объяснить намъ цѣль полдневныхъ наблюдений надъ солнцемъ, увѣрялъ, что земля вершицца около солнца; а у насъ въ Персіи, всѣ ученые со времени Джемшенда единогласно утверждаютъ, что солнце только и дѣла дѣлаешь, что около земли вершицца. Не могу припомнить всего, что оба они о семъ предметѣ говорили; но помню, что Могаммедъ Бегъ смущился отъ неслыханныхъ рѣчей Мемандара, прекратилъ бесѣду и

(*) Абу Мазеръ по Арабски значить: отецъ разговора; онъ былъ ученый Астрономъ и Астрологъ, и въ Европѣ извѣстенъ подъ именемъ Альбуазера.

оспался увѣренъ, что еслибъ онъ былъ въ Персіи на своей землѣ, то ужь вѣрно неоспоримыми доводами убѣдилъ бы всѣхъ въ истинѣ своихъ положеній.

На другое утро мы очутились близъ береговъ острова, именуемаго Мальшою, кошорый, по словамъ Мемандара, принадлежалъ нѣкогда шайкѣ воиновъ-Дервишей: единственнаго цѣлю сихъ послѣднихъ было исполненіе какихъ-то прошивуестественныхъ обѣщанъ и истребленіе чадъ истинной вѣры. Они поставили для себя однимъ изъ первыхъ законовъ — не женишься, — и какъ они могли еще жить? Еслибъ они позволили себѣ имѣть хотя половинное число женъ, назначаемыхъ пророкомъ, — то, вѣроятно, и шеперь бы еще процвѣтали. Любопытство, съ какимъ мы осматривали издали берега острова, скорѣе можно постигнуть, чѣмъ описать. Мы видѣли новыхъ мужчинъ, новыхъ женщинъ, новыя зданія; мы слышали новый языкъ, новые звуки. Еслибъ всѣ караваны, проходящіе по Аравіи и Персіи, собрались въ одно мѣсто, — то соединенный звукъ ихъ колоколовъ не превзошелъ бы непрерывнаго звона, кошорый шамъ раздается съ безчисленныхъ минаретовъ. Измаиль Бегъ, Назиръ (*), замѣтилъ очень правильно, что одно это обстоятельство показываетъ намъ, что мы находимся въ землѣ Христіанской; ибо Христіане по волѣ

(*) Домашній Гофмейстеръ.

своей бьютъ въ колокола, а у насъ въ городахъ ни одинъ бы не осмѣлился этого сдѣлать, не купивъ на то прежде законнаго позволенія. Онъ прибавилъ къ тому, что такое число колоколовъ могло бы принести значительный доходъ какому нибудь изъ сыновей Шаховыхъ.

Лишь только корабль спалъ на якорѣ, мы немедленно собрались идти на берегъ; но какъ намъ досадно было, когда услышали мы, что невозможно выдти прямо на берегъ, не просидѣвши сорока дней, и для чегоже? для очищенія. Гнѣвъ нашъ превзошелъ всякую мѣру, и мы всѣ отправились къ Посланнику, чтобы излить передъ нимъ свои чувства. „Во имя Аллы!“ сказала я за всѣхъ, „ужели мы до того дожили, что здѣсь называютъ насъ нечистыми? Мы Мусульмане, ничѣмъ не можемъ навлечь на себя нечистоту, развѣ только сообщеніемъ съ сими невѣрными псами. Во имя Пророка, мы желали бы возвратиться въ Персію. Если намъ здѣсь не позволяющъ выдти на берегъ, то и подавно не позволяющъ въ Англіи, ибо тогъ городъ есть подножіе ихъ престола.“ — „Вы не совѣтъ не правы, Хаджи Баба,“ отвѣчалъ мнѣ Посланникъ необыкновенно спокойнымъ тономъ. „Я также весьма изумился; но порученіе Шаха должно исполнить; если бы даже для того мы осуждены были ѣсть навозъ вмѣсто насущнаго хлѣба, то и шутъ не должны пропивиться, а ѣсть его и благодарить Аллу. Мемандаръ объяс-

няя мнѣ причину такого ихъ учрежденія. Онъ говоритъ, что это предохранительная мѣра противъ язвы и что во всѣхъ государствахъ Франкистана, даже въ угоду Царю, отъ нея не отступаютъ. Еслибъ кто захотѣлъ сему противиться, того бы застрѣлили, какъ дикаго звѣря: такая участь и насъ ожидаетъ, если мы будемъ противорѣчить: когда такъ, чтожь остается намъ дѣлать, коль не шептѣть? Эти люди совсемъ не вѣрятъ въ Такдиръ (предопредѣленіе). Они надѣются избѣгнуть смерти, а вѣдь, по моему мнѣнію, они не совсемъ неправы.“ — „Но у насъ нѣтъ язвы,“ воскликнулъ Ферашъ (*), Таки. „Мы изъ Ирана, куда язва никогда не проникаетъ. Пускай они Турковъ называютъ нечестными, никто ни слова не скажетъ, а вѣдь мы Персіане.“

Могаммедъ Бегъ сдѣлалъ глубокомысленное замѣчаніе о неизмѣнныхъ опредѣленіяхъ судьбы и привелъ свидѣтельство изъ Корана; шутъ же прибавилъ онъ, что если намъ не назначено быть на островѣ Мальшѣ, то нѣчего и словъ шерять по пустому.

Мы успокоились; къ тому же сказали намъ, что завтра мы отправимся въ путь на корабль гораздо большей мѣры. Намъ показали сей корабль, который дѣйствительно походилъ на плавающій чертогъ. А что мы на немъ видѣли, привело насъ,

(*) Разшилатель ковровъ.

въ крайнее изумленіе, — и малый корабль совершенно показался ничтоженъ въ глазахъ нашихъ, когда мы на большомъ узрѣли такое множество пушекъ, одна на другой стоящихъ, что въ Персіи никто бы не повѣрилъ, еслибъ мы сказали число оныхъ. Въ первый разъ намъ спало понятно, какъ Англичане завладѣли Индією, и мы рѣшишельно отвергли всѣ сказки, прежде слышанныя нами, о томъ, что будто бы старыя женщины управляютъ Англичанами. Кому бы не захотѣлось покорить міръ съ такими пушками и кораблями?

(*Продолженіе впрѣдъ*).

Литературныя новости.

I.

Въ Русской Просодіи произошла революція. Г. Кубаревъ, Магистръ Московскаго Университета, въ замѣчаніяхъ своихъ, приложенныхъ къ *Разсужденію Воссія о Музыкѣ древнихъ*, ясно доказалъ, что всякое Русское слово имѣетъ въ стихѣ точно также по одному ударенію, какъ и въ прозаической рѣчи, — что въ стихѣ за тяжельмъ удареніемъ слѣдуетъ непременно одно легкое или три, два или четыре, или шесть и проч., ш.е. такъ, содержащій въ себѣ другой нѣсколь-

ко разъ, можешъ замѣщать его. Объяснимъ примѣромъ:

Я Музу юную, бывало,
Встрѣчалъ въ подлунной сторонѣ,
И вдохновеніе лешало
Съ небесъ незваное ко мнѣ.

Сии стихи, по прежнимъ нашимъ правиламъ, мы называли ямбическими четырехъ-стопными, и предполагали въ нихъ слѣдующія ударенія:

$\overset{\circ}{\text{Я}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{Музу}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{юную}}, \text{ — } \overset{\circ}{\text{бывало}},$
 $\overset{\circ}{\text{Встрѣчалъ}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{въ}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{подлунной}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{сторонѣ}},$
 $\overset{\circ}{\text{И}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{вдохновеніе}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{лешало}}$
 $\overset{\circ}{\text{Съ}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{небесъ}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{незваное}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{ко}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{мнѣ}}.$

Такимъ образомъ словамъ *юную*, *сторонѣ*, *вдохновеніе*, *незваное*, мы насильно приписывали лишнія ударенія, но есть: *юную* вмѣсто *юную*, *сторонѣ* вмѣсто *сторонѣ*, *вдохновеніе* вмѣсто *вдохновеніе*, и проч. —

По новому правилу, сихъ лишнихъ удареній нѣтъ въ стихѣ.

$\overset{\circ}{\text{Я}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{Музу}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{юную}}, \text{ — } \overset{\circ}{\text{бывало}},$
 $\overset{\circ}{\text{Встрѣчалъ}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{въ}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{подлунной}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{сторонѣ}}$
 $\overset{\circ}{\text{И}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{вдохновеніе}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{лешало}}$
 $\overset{\circ}{\text{Съ}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{небесъ}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{незваное}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{ко}} \text{ — } \overset{\circ}{\text{мнѣ}}$

Такимъ образомъ въ одномъ мужескомъ или женскомъ стихахъ можеть быть меньше удареній, чѣмъ въ другомъ мужескомъ и женскомъ, но число гласныхъ должно быть одинакое (кромя вольныхъ стиховъ и проч. и проч. — Пусть любопытные читатели сами обращать вниманіе на важную сдѣлю Гна Кубарева, помѣщенную въ Апенѣ, издаваемомъ Профессоромъ Московскаго Университета Павловымъ. —

Гнъ Кубаревъ общаетъ намъ и полную Русскую Просодію, въ коей будуще изложены непреложныя правила Русскаго стиха. За чѣмъ же у него остановка? — За пѣмъ же, за чѣмъ. . . ну да объ этомъ послѣ. *М. П.*

II.

Дополненіе къ Вѣспнику Естественныхъ наукъ и Медицины.

Въ Вѣспникъ Естественныхъ наукъ и Медицины помѣщающіяся предметы, относящіяся или непосредственно къ Медицинѣ, или собственно къ Химіи, какъ наукѣ. Примѣненія Химіи вообще къ хозяйству не входящъ и не могушь входить въ планъ сего Журнала; ибо таковыя примѣненія имѣюшь совершенно особенное направленіе, совершенно отдѣльную цѣль: здѣсь, собирая все, чѣмъ щасельное изслѣдованіе природы обогащаетъ умъ человѣческой, полагается

основаніе природы новой, природы богатой и формами и окрасками, которой произведенія оцѣняются только потребностями общественными. Издапель, занимаясь долгое время и здѣсь и въ чужихъ краяхъ сею частію, рѣшился сообщать собранное имъ своимъ соопечесвенникамъ. У насъ еще почти нѣтъ ничего, что относится къ общей Химіи, а и того менѣе, что принадлежитъ къ Хозяйственной Химіи. Примѣненія сіи будутъ издаваемы въ дополненіе къ Вѣстнику Естественныхъ наукъ и Медицины и будутъ состоять изъ двухъ отдѣленій: 1, изъ Примѣненій Химіи къ Сельскому Хозяйству, и 2, изъ Примѣненій Химіи къ Искусствамъ.

Въ *первомъ отдѣленіи* будутъ излагаемы:
а.) Предметы, относящіеся къ Химическому изслѣдованію различныхъ почвъ.

б.) Предметы, относящіеся къ дѣйствию составныхъ началъ почвы во время произрастанія, въ особенности тѣхъ составныхъ частей, кои вредны и кои полезны произрастанію.

Во *второмъ отдѣленіи* будутъ помещаемы статьи, относящіяся вообще къ Искусствамъ: здѣсь будутъ описываемы Химическія усовершенствованія и вообще предметы, къ фабрикамъ и заводамъ относящіеся, какъ то: пракшическіе способы бѣленія, крашенія, пригошвленія красокъ какъ минеральныхъ, шакъ и расписельныхъ, пригошвленія лаковъ, улучшение металлическихъ

сплавовъ и пр. и пр. При семъ издашеть поста-
рается предлагать преимущественно то, въ чемъ
удословился онъ самъ при своихъ Химическихъ
занятіяхъ.

Каждый мѣсяць будетъ выходить шестрадка,
не менѣ двухъ печатныхъ листовъ содержащая;
при каждой шестрадкѣ будетъ находиться особен-
ный листъ съ чертежами и рисунками, изобра-
жающими важнѣйшіе химическіе снаряды. Цѣна за
сіи Дополненія полагается самая умѣренная, и
именно: Особы, получающія *Вѣстникъ Естествен-
ныхъ наукъ*, прибавляютъ за годовое изданіе сихъ
дополненій 10 рублей, не платя особо за пересыл-
ку. Желашіе же имѣть сіи дополненія отдѣльно,
платятъ въ Москвѣ 15 рублей, а съ пересылкою
въ другія города 20 рублей. Сіи дополненія нач-
нутся съ Января 1829 года. Подписка на нихъ
принимается во всѣхъ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы-
дается *Вѣстникъ Естественныхъ наукъ*.

III.

Въ Петербургѣ перевели сочиненіе: Два года
въ Коншантинополѣ и Морѣѣ. Зная любопытную
книгу эту по отрывкамъ, помѣщеннымъ въ ино-
странныхъ журналахъ (и переведеннымъ опчаспи
въ Москов. *Вѣстникѣ*), мы смѣло обращаемъ на
нее вниманіе нашихъ читательей, шѣмъ болѣе,
что въ настоящее время она имѣетъ и относи-
тельное достоинство. — Переводъ, судя по от-
рывку, приложенному къ объявленію, хорошъ и
соотвѣтствуетъ достоинству подлинника.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Столѣтіе уже и при года миновали по кончинѣ Преобразователя Россіи, Петра Великаго. Для кого изъ Россіянь не любопытно будетъ сравнить шогдашнее состояніе Ошечества нашего, сосшоаніе, въ каковомъ оставилъ его сей его Отець (шишло, данное ему современниками) съ нынѣшнимъ? Эшо были бы двѣ обширныя, великолѣпныя каршины, прошивуположенныя одна другой, которыхъ сличеніе не шолько займешъ надолго Историка, Сшадписшика и Философа, ушѣшающихся посшепенными успѣхами рода чедовѣческаго, но удовлешворишъ и желанію всякаго просвѣщеннаго чедовѣка нашихъ временъ.

Къ сшасшію, каршина Россіи, написанная за сто лѣшь предъ симъ, именно въ 1727 году, съ величайшею точностію, *достойною. и нынѣ подражанія*, а въ первоначальномъ опышѣ шого вѣка едва имовѣрною, каршина сія сохранилась въ Архивѣ дѣдовъ нашихъ — и представляешся шеперь очамъ Публяки :

„Ц В Ъ Т У Щ Е Е С О С Т О Я Н І Е
ВСЕРОССИЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,

Въ каковомъ натазь, привелъ и оставилъ неизретенными трудами Петръ Великій, Отець Отечества, Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій.
и прогая, и прогая, и прогая.

Въ двухъ книгахъ, въ которыхъ описаны Губерніи и провинціи, въ нихъ города и гарни-

зоны, артиллеріи, Канцеляріи, Конторы, Управители съ подчиненными, Епархіи, монастыри, церкви, число душъ, расположенные полки и доходы, какъ оныя нынѣ состоятъ. Въ первой: Губерніи С.-Петербургская, Московская, Смоленская, Кіевская, Воронежская, Рижская, Ревельская. Во второй: Нижегородская, Астраханская, Казанская, Архангелогородская, Сибирская.

Собрано трудами Статскаго Совѣтника и бывшаго въ Сенатѣ Оберъ-Секретаря Ивана Кирилова, изъ подлиннѣйшихъ Сенатскихъ Архивъ, въ Февраль 1727 года.“

Изданіе сей книги сопряжено съ большими издержками. Издатели, не приступая еще къ печатанію, рѣшились открытъ на нее предварительно подписку. Они увѣрены, что всѣ Государственные люди, для коихъ необходимо почное и подробное свѣдѣніе о Россіи, всѣ любители наукъ и патриоты примуть участіе въ семъ изданіи. Почему они обращаются къ Г-дамъ Членамъ Государственного Совѣща, Министрамъ, Губернаторамъ, Попечителямъ Университетовъ, Начальникамъ учебныхъ и Присудственныхъ Мѣстъ, журналистамъ и всѣмъ друзьямъ просвѣщенія, дабы они оказали необходимое пособіе къ совершенію сего труда, во славу безсмертнаго Преобразователя Россіи, Императора Петра Великаго, возлюбленнаго Отечества и въ поученіе современникамъ.

Имена подписавшихся будутъ напечатаны въ концѣ второй Часпи и объявляемы въ газетахъ и журналахъ. Пусть Публика узнаеть, кому она будетъ одолжена за изданіе сего древняго спашисшическаго сочиненія въ Европѣ!

Цѣна за обѣ Часпи, заключающія въ себѣ до 500 стран., въ 8 ю долю листа, съ карпою Россіи того времени, на бѣлой бумагѣ въ бумажномъ переплестѣ здѣсь въ Москвѣ 25 р. Государственными ассигнаціями, и съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи на велен. бум. 40 р. ассигнац. За кожаный переплестъ прибавляется по 150 к. за книгу.

Подписка принимается здѣсь въ Москвѣ въ Университетской книжной лавкѣ у *А. С. Ширяева*, въ С.-Пепербургѣ у *А. Ф. Смирдина*.

Василій Каразинъ, Статскій Совѣтникъ, Правитель дѣлъ Харьковскаго Филотехническаго Общества, разныхъ Россійскихъ Университетовъ и Ученыхъ Обществъ Дѣйствительный и Почетный Членъ.

Михаилъ Погодинъ, ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета Адъюнктъ-Профессоръ Исторіи, ИМПЕРАТОРСКОЙ С.-Петербургской Академіи Корреспондентъ, разныхъ Россійскихъ Ученыхъ Обществъ Дѣйствительный Членъ.

Александръ Ширяевъ, ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета Коммиссіонеръ.

Третье письмо къ Издателю М. Вѣстника.

Въ письмѣ моемъ къ вамъ, ошъ 2-го Іюля (Моск. Вѣстн. Но 13, спран. 77), указавъ два немаловажные промаха въ Но 8 и 9 Московскаго Телеграфа — и упомянувъ о повадкѣ нѣкоторыхъ Журналистовъ, которые свои ошибки и промахи обыкновенно объявляють опечатками (хотя бы въ полспраницы, и болѣе), я заключилъ сими словами: „Не уже ли Издатель Телеграфа, который „во всемъ высокъ и необыкновененъ, прибѣгнешь „къ подобной уловкѣ мѣлкихъ умовъ, для разрѣ- „шенія приведенныхъ мною загадокъ Хронологіи? „Ошъ его изобрѣщательности я имѣю право „ожидать чтонибудь новое, соразмѣрное его вы- „спренности и шалантамъ.“

Предсказаніе мое сбылось. Въ Но 11-мъ Телеграфа, въ ошвѣщъ на мои замѣчанія, ошъ лица Издателя, вопъ что напечатано: „Признаю себя „виноватымъ, что, положась на надпись (Ношъ „о дѣлахъ Турецкихъ), я не повѣрилъ ее съ ка- „коюнибудь Хронологією; не извиняю себя ни- „какими примѣрами подобныхъ, ошъ послѣдно- „сти происходящихъ, ошибокъ.“ Далѣе: „За до- „сповѣрность обоихъ писемъ (Визиря и Гр. П. А. „Румянцова) я не ручаюсь, прося почтенную „особу, сообщившую мнѣ списокъ оныхъ, доста- „вить и доказательство въ достовѣрности ихъ.“ — Чшъ хорошо, шъ хорошо. Какъ не похвалишь

Издашеля Телеграфа за шакую кропость и смяреніе! *Признаніе половина исправленія.*

Я имѣлъ честь разсмашривашъ пошь актъ, кошорому въ Но 8-мъ Телеграфа дано шакое заглавіе: *Нота о Турецкихъ и Персидскихъ дѣлахъ, поданная въ докладъ Императрицѣ Екатеринѣ Іѣ, знаменитымъ Росс. Дипломатомъ* (Барономъ А. И. Осшерманомъ), *въ 1728 году.* Самъ Издашель Телеграфа мнѣ его доставилъ. Вошь мой опчешъ о семь актъ: „Эшо шешрадь (въ нѣскольکو листовъ), писанная канцелярскимъ почеркомъ первой половины прошедшаго вѣка, безъ заглавія, подписи, года и числа — *гисто* копія. Сія шешрадь обвернуша листомъ писчей бумагіи, на кошоромъ (лѣшь за 40 предъ симъ) какой-шо Дипломашъ — *юноша* (*) сдѣлалъ надпись: *Нота 1728 года*, и проч. Эшою-шо надписью Издашель Телеграфа введенъ въ искушеніе. Чшо Баронъ А. И. Осшерманъ могъ сочинить сію дипломатическую бумагу (пущенную въ дѣло, или нѣшь?), объ эшомъ покамѣшь я не спорю; но чшобы она была докладъ или нота (**), поданная Императрицѣ Екатеринѣ І-ѣ, эшо явно несправедливо. Въ концѣ сего акта (*Москов. Телегр. Но 8*

(*) Nescire quid antea, quam natus sis, acciderit, id est semper esse puerum. Слова Цицерона.

(**) Представленія Высочайшей Особѣ Россійскихъ министровъ называются: *доклады*, *докладниа записки*; а *ноты* суиъ представленія Правительству ошь пословъ и посланниковъ чужеспранныхъ.

стран. 489) между прочимъ сказано: „Ея Импер. Величество получишь;“ въ наспоющемъ докладѣ слѣдовало бы сказать: „Ваше Импер. Величество получишь изволише,“ или какъ-нибудь иначе. — Сія *Записка* относится не къ 1728, и не къ 1726 (какъ поправлено въ Но 11-мъ стран. 402), а къ началу 1727 года, когда мирные переговоры Ешрефъ (или Ашрафъ) - Хана съ Поршою Опшоманскою приходили къ концу и Дворъ Россійскій изъявлялъ безпокойство, относительно уступки первымъ послѣдней многихъ Персидскихъ областей; что вскорѣ и дѣйствительно послѣдовало“

Въ 1825 году, Издашель Телеграфа вопъ какъ выражался о своей любви къ точности: „я говорю „что знаю, что мнѣ кажешся; совѣшуюсь съ шѣ-ми, на кого надежно могу положиться“ (Особ. *Приб. къ Моск. Телегр.* 1825, стран. 2). — Правила прекрасныя. Лучше сообщашъ Публикѣ чужое, но вѣрное; нежели свое, но съ промахами и ошибками (разумѣешся грубыми). Отъ чего же, въ 1825, Издашелю Московскаго Телеграфа не стыдно было совѣшовашся съ людьми знающими (*); а

(*) Издашель Телеграфа не забылъ (думаю) того радушнаго Аншикварія, который, своими совѣтами и руководствомъ, доставилъ ему блестящую побѣду по поводу пресловутой монеты Игоря (См. *Славян.* 1828, № XXVIII стран. 71); который помогъ ему написать статью о взятіи Азова, чрезъ - чуръ выхваленную въ *Москов. Вѣстникѣ* (1828, № 5, стран. 98); который, и проч. Сей Аншикварій и теперѣ

въ 1828, понятія его о семь предметъ совершенно превратились? — Non vitia hominis, sed vitia saeculi (*)!

Отвѣвъ на мои замѣчанія Издашель Телеграфа заключаетъ такъ: „Исполняя желаніе Г-на „Спроева, какъ только будетъ у меня болѣе до„сужнаго времени, я переведу изъ Edinb. Review „спашью: *О пивныхъ кабакахъ въ Англии* и на„печашаю въ Телеграфъ (**), съ посвященіемъ „ему.“ — Mille et mille graces Г. Издашелю: какъ онъ добръ и услужливъ! Обыкновенно, у особъ, которымъ что нибудь посвящаютъ, испрашивается напередъ позволеніе: при семь случаѣ самолюбивое смиреніе папроновъ крайне страждетъ отъ сего этикета учиваго кліентства. Издашель Телеграфа намѣренъ поднести мнѣ важный резульпашъ своего мастерства въ языкѣ

готовъ способствовать Издашелю Телеграфа всѣмъ, что знаетъ и имѣетъ въ своей библіотекѣ, только для того, чтобы не видать *промаховъ* (sic) и анахронизмовъ, до которыхъ онъ большой неохотникъ (*). Сісего. См. *Славян.* 1828, No XXVI, стран. 510, No XXVIII, стр. 68, и въ др. мѣст.

(**) Здѣсь не ошибка ли, отъ поспѣшности? Кажется вмѣсто словъ *я переведу и напечатаяю*, правнльнѣе: *я попрошу (прикажу, поручу, найму) перевести и напечатаяю.* — Почему такъ? спросилъ меня одинъ романшикъ, читавшій изъ - за плеча, когда я писалъ. — Отъ того, что Издашель Московскаго Телеграфа не учился по Англійски. — Какой вздоръ! А общія идеи; а основныя начала всѣхъ языковъ; а философская всемірная Грамматика? — Виноватъ, я позабылъ.

Англійскомъ, безъ моего позволенія и согласія; хочешь избавить меня отъ боренія скромности съ самолюбіемъ; дѣлаешь мнѣ *сюрпризъ*. — Какъ онъ упредителенъ, великодушенъ, оригиналенъ!

Въ 1810 году, одинъ спарожиль - Липшерапоръ, умирая, завѣщаль мнѣ рукопись своего Дневника, въ которомъ онъ обыкновенно записывалъ все, что видѣлъ и слышалъ на сценѣ нашего липшерапорства. Сколько въ этой рукописи анекдотовъ и походовъ, истинно забавныхъ? На прим. спарикъ рассказываетъ, что въ 1778 году (*ровно за 50 лѣтъ предъ симъ*) онъ зналъ въ Москвѣ одного самозванца ученаго, который, когда ему приходила охота писать что-нибудь дѣльное, мастерски умѣлъ заманивать къ себѣ какого нибудь знашока, и въ видѣ разговора выпрашивалъ что ему нужно; а въ то же время, его cousin, сидя за ширмами, записывалъ слышанное. Бывало выдешь въ свѣтъ разсужденіе, или криптика: и дѣльно, и изрядно; а *лартикъ просто открывался*. — Еще спарикъ слышалъ отъ своего дѣда: въ 1728 году (*ровно за сто лѣтъ предъ симъ*) одинъ писака издавалъ что-то въ родѣ журнальной смѣси, подъ названіемъ: *Московская каланга*. Умникъ воображалъ, что, дабы разсуждать о чемъ нибудь дѣльно, должно говорить свысока; бывало влѣзеть на свою каланчу, да и занесетъ дичь. Тогда была пословица отвѣчавъ рассказчикамъ небылицъ: *ужь не съ каланги ли ты то принесъ?* Однажды,

ахъ! его лукавый побери. . . .

Но письмо мое слишкомъ длинно. Когда Изда-
датель Московскаго Телеграфа помѣститъ у се-
бя въ журналъ спашью изъ *Edinb. Review: О пив-
ныхъ кабакахъ въ Англіи* (съ посвященіемъ ея
мнѣ), я дославлю вамъ, для помѣщенія въ вашемъ
Вѣстникѣ, десяпка полшора анекдотовъ изъ мо-
ей рукописи, о томъ же писакѣ, кошорый въ 1728
году издавалъ въ Москвѣ *Калангу* и, въ знакъ
обоюдной учтивости, буду имѣть честь дедико-
вашь ихъ почтеннѣйшему Н. А. Полевому.

Courage, Г. Издаватель Телеграфа: скорѣй за
пивные кабаки; я за рукопись.

До того времени, Vale.

П. Строевъ.

Августа 2, 1828.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типогра-
фіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь эк-
земпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на
основаніи узаконеній. Москва, Августа 24 го дня, 1828 года.

*Въ должности Предсѣдателя Сергѣй
Аксаковъ.*

МОСКОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

№ XVI.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Цыганская пляска.

Видалъ ли ты, какъ пляшешь Египтянка ?
Какъ вихрь она шполбомъ взвѣваешь прахъ,
Бѣжишь, поешь какъ дикая Вакханка,
Ея власы, какъ змѣи, на плечахъ.

*

Какъ пѣсня вольности она прекрасна,
Какъ пѣснь любви она души полна,
Какъ поцѣлуй горячій сладострасшна,
Какъ буйный хмѣль неистова она.

*

Она лепишь какъ полный звукъ цѣвницы,
Она дрожишь какъ звонкая струна,
И пышешь взоръ какъ жаркій лучъ денницы,
И дышешь грудь какъ бурная волна.

Цыганка.

— Какъ ты, Египтянка, прекрасна!
 Какъ полонъ чувства голосъ швой!
 Признайся: страши роковой
 Служила ты, была несчастна?
 За чѣмъ на черные глаза
 Нашла блестящая слеза?
 Не даромъ смуглыя ланишы
 Больною блѣдностью покрышы. —

„Въ печальныхъ пѣсняхъ, въ грустномъ взорѣ
 Прочель ты прежде мой ошвѣтъ:
 За чѣмъ шебъ чужое горе, —
 Иль своего на сердце нѣтъ?
 Моя шоска живешь со мною,
 Я ей ни съ кѣмъ дѣлишься не могла:
 Она сроднилася съ душою,
 Она лишь мнѣ одной мила.“ —

— Пусть съ равнодушными сердцами
 Ты не дѣлилася слезами;
 Но кто съ тобою слезы льешь,
 Кто тронушь былъ швоею пѣсней,
 Кому сама ты пѣсень всѣхъ прелестнѣй
 Цыганка, шощъ шебя пойметъ. —

„Когда судьбы нещадная рука
 Ошнимешъ у жены супруга,
 То неизмѣнная доска
 Замѣнишь ей утраченнаго друга.
 Есть прихоши у пламенной любви,
 Несчастье также прихошливо:
 Не прогай же страданія мои,
 Я ихъ люблю, я къ нимъ ревнива.“

Цыганская пѣсня.

Добры люди, вамъ спою я,
 Какъ Цыганы жизнь ведушь;
 Всѣмъ чужіе, вѣкъ кочуя
 Бѣдно бѣдные живушь.
 Но мы пѣснями богашы,
 Пѣсня — другъ и счастье намъ:
 Съ нею радости, ушрашы
 Дружно дѣлимъ пополамъ.
 Пѣсня все намъ замѣняешъ,
 Пѣснями вся жизнь красна,
 И при пѣсняхъ пролешаетъ
 Вольной пѣсенкой она.

Александрѣ Сергѣевичу Грибовѣдову.

Въ веселомъ Горѣ отъ ума

Вы вѣкъ Полковничій сполкнули съ Бригадир-
скимъ . . .

Въ немъ живы Фамусовъ и Хлѣшова — кума,
Аншонычъ — лжець, Молчалинъ — низкій;

Въ немъ доказали вы умъ свѣшлый мудреца,
И живописца даръ, пишашъ умѣнье ксшати,
Любовь къ странѣ родной, могущество Пѣвца,
И что *успѣхъ* важнѣй *пегати* :

Безъ шипа, не умрешъ въ Россіи Скалозубъ. . . .

Я просто, въ *колпакѣ*, признался, что я
глупъ.

Я знаю, міру въ шомъ неважная услуга . . .

Но ктожь излечитъ пѣвуновъ

Ошъ стихошворнаго недуга? —

Когда у васъ естъ часъ досуга ;

Для Русскихъ кнѣжекъ, для стиховъ ,

Почтенный жишель справъ далекихъ !

Ошъ важныхъ дѣлъ, ошъ думъ высокихъ ;

На мой Колпакъ склоните взоръ

И эшомъ стихошворный вздоръ

Судите вы, какъ вы хошите :

Но если прежнее знакомство вы съ Пѣвцомъ ,

Прочтя Колпакъ, возобновише ,

Мнѣ легче будешъ жить на свѣшѣ дуракомъ. . . .

Мая 1. 1828 г. С. П. Б.

В. Филимоновъ.

П Р О З А.

Отрывокъ изъ Исторіи Швейцаріи для Швейцарскаго народа (*). Соч. Генриха Цшокке (2, испр. изд. 1824).

8.

Какъ Швейцарія сдѣлалась областію Нѣмецкой Имперіи и какъ построились въ ней города.

(Отъ 900 до 1,200 г.)

Короли въ великомочной Франціи были долгое время сильнѣе прочихъ, а самымъ сильнымъ изъ нихъ былъ Король Карлъ Великій. Онъ велѣлъ короновать себя въ Римѣ Императоромъ древней Римской Имперіи, которую опять возстановить намѣревался; именемъ же Императора ему хотѣлось наекнуть, что онъ Королей Король. Однакожь его дѣши и дѣши дѣшей его были Государи вздорливые, а часпо и люди со слабымъ духомъ. Всякому хотѣлось имѣть долю во владѣніи, и они раздробили обширное царство. Одинъ взялъ себѣ Францію, другой Испалію, третій Германію. Между ними начались великія войны, которыми конца не было. При сихъ же

(*) Вошь еще открытое, обширное поприще для Русскихъ Литтераторовъ. У насъ до сихъ поръ нѣтъ книгъ для народа.

раздѣлахъ случилось и то, что часть Гельвешской земли, причислявшаяся дошолъ къ Герцогству Швабіи, перешла къ Нѣмецкой Имперіи.

Такъ какъ было тогда много Государей, и они безпрестанно, воевали между собою, то произошло во всѣхъ мѣстахъ великое замѣшательство. Этому были очень рады значныя сановники и намѣстники Государей, а именно Герцоги и Графы. Ибо они спали управляться съ шѣхъ поръ не боясь наказанія, и умирая передавали свои мѣста сыновьямъ, и смолрѣли на Герцогства и Графства, какъ на наследственныя лены, или даже какъ на собственное свое имѣніе. Герцогъ Швабскій не хотѣлъ повиноваться никому, а Герцогъ Бургундскій называлъ самъ себя Королемъ. Какъ Герцоги не смолрѣли на Королей, такъ Графы не смолрѣли на Герцоговъ, содержали войско, и всему давали свой судъ. Да и Епископы не оспались въ праздности. Въ своихъ Епархіяхъ и обласняхъ почтенные и сильные, не уступали они ни въ чемъ Графамъ и Герцогамъ, вышли изъ-подъ свѣтскаго суда, надѣли панцырь и лапы, и явились передъ своими полками. А какъ Епископы поступали съ Герцогами и Графами, такъ Папа въ Римѣ поступалъ съ Императоромъ.

рами и Королями, взявъ надъ ними власшь, и надъ всѣми Епископами и церквами въ ихъ странахъ, и наконецъ надъ ихъ народами.

Во время сего всеобщаго смященія произошло, что владѣльцы и Графы, жившіе въ Гельвеціи, мало наконецъ спали слушались Герцоговъ Швабскихъ, дѣйствовали своевольно и боялись развѣ только Королей или Императоровъ Нѣмецкой Имперіи, или увивались около нихъ, когда надѣялись еще увеличить чрезъ нихъ свою силу. Согласно между собою они не были никогда, кромѣ нѣхъ случаевъ, когда имъ всѣмъ угрожала одна великая опасность.

Въ такую опасность попались они всѣ въ царствованіе Императора Генриха, прозваннаго Пшицеловомъ. Съ Востока, отъ Чернаго моря, по рѣкѣ Дунаю явился дикій народъ, воинственный, многолюдный какъ песокъ морской, всѣ на коняхъ. Его называли Венгерцами. Жгли и палили они, проходя по Германію, по Италію; ничто имъ не препящивало, никакая рѣка, никакая гора. Только до крѣпкихъ городовъ и замковъ не касались они, потому что не умѣли осаждать. Это было чрезъ 900 лѣтъ по Р. Х.

Тогда повелѣлъ Императоръ, чтобы всѣ большія селенія въ странахъ были обнесены стѣнами, валами и рвами отъ

свирѣпаго непріятеля. Такимъ образомъ огражденъ былъ спѣнами С. Галень и Базель, ибо находились на границахъ, также Цюрихъ при озерѣ. Они были какъ будто народныя крѣпости, въ которыхъ каждый во время нужды спасалъ свое добро. И изъ свободныхъ, благородныхъ людей, имѣвшихъ небольшія помѣстья, девятый долженъ былъ переселиться въ народную крѣпость, чѣмъ защищать ее въ военное время и управлять ею въ мирное. Такимъ образомъ произошли города и городскія Думы. Свободные дворяне, приписанные къ городскимъ полкамъ, называли себя Папприціями.

По сему примѣру возникло вскорѣ еще много народныхъ крѣпостей или городовъ, какъ *Люцернъ* и *Золотурнъ*, а послѣ, на мѣстѣ перегрузки при Рейнѣ, гдѣ эша рѣка бросается внизъ черезъ утесъ, изъ пловецкихъ домовъ, *Шафгаузенъ*. Что было въ Нѣмецкой Гельвеціи, то случилось и въ Бургундской, когда Императоры причислили ее также къ Нѣмецкой Имперіи и Герцоговъ Церингенскихъ сдѣлали тамъ Имперскими намѣстниками. Тамъ уже спояли древніе города *Женева* и *Лозанна*. Къ нимъ Имперскій намѣстникъ Берпольдъ, Герцогъ Церингенскій, прибавилъ городъ *Фрейбургъ*, который онъ построилъ въ Ехшландѣ въ защиту и оборону оныхъ шамонскихъ

спропшивыхъ владѣльцевъ и Графовъ. Тоже сдѣлалъ и сынъ его и поспроилъ городъ *Бернъ* при излучинѣ рѣки Аара.

Всѣ сіи и другіе города, которые шамъ-и-сямъ возникли, при окруженіи спѣнами и укрѣпленіи какого нибудь опкрышаго мѣстечка, получили пѣже поспановленія и права, какія были и у древнѣйшихъ городовъ въ Германіи. Земледѣлецъ и ремесленникъ, поселявшіеся въ городъ, получали право гражданства, для защиты должны были держанъ при себѣ мечъ и копье, плашншь подаши и имѣшь ведро, чшобъ гасишь огонь на пожарахъ; ибо дома въ городахъ спроились еще изъ дерева, какъ въ деревняхъ. Въ важныхъ случаяхъ собиралась мірская сходка. Текущія дѣла ввѣрены были Думѣ, избравшейся гражданами; главою Думы былъ Бургомистръ. Обыкновенная расприоканчивала Дума; а высшимъ уголовнымъ судопроизводствомъ завѣдывалъ Имперскій намѣстникъ или повѣренный Аббата или Графа, или кто другой, могшій бышь градскимъ правешелемъ.

Безопасношю за спѣнами опъ неприяшельскихъ нападений приманились многіе граждане въ городъ, а многолюдство породило рукодѣлья, ремесла. Возбудилась дѣяшельность, началась шор-

говля, завелись рынки, на которыхъ поселянинъ продавалъ избытки ошь полей и снадъ своихъ, а горожанинъ вымѣнивалъ на нихъ шовары, изгошвенные имъ въ своей рабочей.

Граждане сдѣлались ошь шого зашпоще и изобрѣшашельше; довольство улучшило нравы; ихъ согласіе и сила внушили къ нимъ уваженіе владѣльцевъ и дворянъ, которые жили по окрешношьямъ въ уединенныхъ замкахъ и крѣпосняхъ. Герцоги, Короли и Императоры съ удовольствіемъ заѣзжали въ города на перешуше, получали ошличное угошеніе, и награждали ихъ изъ благодарности правами и вольностями.

Но когда Графы, Рыцари и владѣльцы увидѣли возрастаніе городовъ, шю начали соревновашъ имъ. Они спарались увеличивашъ свое могущество и доходы, служили усердше Королямъ и Герцогамъ и монастырямъ, чшобъ получить новыя лены и помѣшья, или вели малыя войны съ сосѣдами, чшобъ имѣшъ добычу. Многіе, знавшіе свои выгоды, облегчали иго для своихъ крѣпосныхъ и съ удовольствіемъ видѣли, когда народъ умножался въ ихъ помѣшьяхъ. Поелику со времени завоеванія страны вся земля съ жилищами, пашбищами и лѣсами сдѣдалась ихъ собшвенношью или леною, шю они и

раздѣлили шеперь пахашную и луговую землю на участки, за которые наемщики платили пошлину поземельную и десятинную, и ходили на барщину. Такъ и спали умножались безпрестанно деревни, хушоры и дворы. Со всякаго дома платились на барскій дворъ оброчныя куры и лица. По смерти крѣпостнаго опца семейства, оставшіяся дѣли отдавали владѣльцу или Божіему храму, или кому они принадлежали, лучшее платье изъ сундука, лучшую ушварь изъ дому и лучшую голову изъ стада. По заплащъ сего налога, оставальное крестьяне удерживали за собою, какъ бы то была ихъ собственность или наследство.

Такимъ образомъ изъ боярщины и оброковъ умножились доходы владѣльца. Нераздѣленные же участки, покрытые побольшей часпю высокими лѣсами, оставались достояніемъ господина. Изъ сихъ лѣсовъ оброчнымъ и крѣпостнымъ людямъ своимъ давалъ онъ лѣсу на нужду, и по своей благосклонности позволялъ употреблять желуди на опкармливаніе свиней; или дѣлилъ между ими за деньги, или дарилъ со всѣми покосами по межѣ или дорогу сосѣдняго хушора или деревушки.

Безъ позволенія владѣльца никто не имѣлъ права на его дачахъ лѣсъ вы-

жигать, вырубать или искоренять, — чтобы обращать землю изъ-подъ него въ пашню или пасбище. А если умножались пята и ошспроивались новые дворы, то это было очень пріятно господину. Тогда позволялъ онъ вырубать часть лѣсу, и бралъ съ новыхъ хозяевъ новинный и поземельный оброкъ. Такъ произошли многія селенія, когорыя до сихъ поръ сохранили ошсюда свои названія (Schwändi и Rütli или Reuti, выжиги, новины). Земледѣльцы, если они прежде еще не были свободны, оставались у него въ крѣпости, какъ были ихъ опцы, и что у нихъ было, то почишалъ онъ своимъ. Ибо онъ давалъ имъ не только землю, но и лѣсу на дома и хлѣвы, для пашни плугъ, телегу и сѣмена, въ домъ — попоръ и лѣспницу, въ конюшню первыхъ коровъ, свинью съ поросятами, а на дворъ пѣшуха съ курами. За это они во первыхъ должны бы обрабатывать его поля, давали подводы въ его замокъ, платили поземельный и десятинный оброкъ съ жатвы сыромъ, холстомъ, курами и яцами.

Такъ произошли въ Швейцарской споронѣ города и деревни.

*Еще нѣкто о городахъ и большихъ владѣльцахъ:
(ошъ 1,200 до 1,290 г.)*

(Здѣсь Цшокке исчисляешъ по именамъ главнѣйшихъ владѣльцевъ и мимоходомъ упоминаешъ объ ихъ распрахъ).

. . . Изъ сихъ древнихъ и знаменитыхъ родовъ тогда-еще многіе вымерли и совершенно исчезли. Особенно это произошло тогда, какъ сдѣлалось долгомъ чести и вѣры совершать съ мечемъ въ рукѣ пупешествіе въ Іерусалимъ къ Святому Гробу, чшобъ освободитъ его изъ рукъ язычниковъ и невѣрныхъ. Безчисленными ополченіями изъ всѣхъ Хрисціанскихъ земель собирались вооруженные богомольцы и каждый годъ пускались въ обшпованную землю, опличаясь знакомъ креста, которій пришивался къ ихъ одеждѣ. Шли юноши и старцы, даже дѣти, Князья, Короли, Императоры, монахини, Княжны. Но ошъ тысячи и тысячи воротились изъ сихъ походовъ шолько немногіе; ибо бѣльшая часть померла дорогою, или въ Азіи и Африкѣ, ошъ голода, болѣзней, меча, язвы, проказы, или въ плѣну у невѣрныхъ. Много женъ тогда овдовѣло, много машерей ошалось бездѣшными.

Что причиняло такого рода вредъ Графамъ и Рыцарямъ, но приносило пользу крѣпостнымъ людямъ въ деревняхъ и дачахъ, и также гражданамъ въ городахъ. Ибо съ крѣпостными людьми обходились ласково, дабы они оспаивались дома и не искали вольности въ крестовыхъ войскахъ. Имъ дали больше свободы и правъ, чтобы можно было употреблять ихъ въ домашнихъ войнахъ. И граждане въ городахъ получали много барыша своими издѣліями и сношеніемъ при вооруженіи, одѣяніи и снабженіи всѣмъ нужнымъ безчисленныхъ ополченій въ Святую землю. Завелась обширная торговля чрезъ Венгрію до Греціи, и чрезъ Италію по морю до Египта и Востока. Особенно процвѣлъ Базель, куда уже попало вино изъ Кипра, и Цюрихъ, гдѣ начали воздѣлывать дорогій шелкъ.

Когда благосостояніе и богатство въ городахъ преисполнилось, то граждане приложили особенное стараніе умножить свои права и распространить городскія области покупкою. Они начали мало по малу учинять ошягошительныя верховныя права Епископовъ, Аббатовъ и Наспоятелей, подъ власнію копорыхъ искони жили, и всунили лучше подъ покровительство Нѣмецкой Имперіи, чтобы никто не споялъ надъ ними, кромѣ самаго Короля, или во имя

его намѣстника. Золотурницы опложились опъ монастыря (St. Ursusstift), копорый долженъ былъ принимать много участвія въ ихъ правленіи, пошому что много способствоваль къ основанію ихъ города. На мѣстечко Шафгаузенъ имѣлъ много вліянія Аббатъ богатаго монастыря Всѣхъ Святыхъ, и приводилъ въ дѣйствіе свои верховныя права чрезъ повѣреннаго. А теперь граждане позволили ему назначать только половину Думы; другую же половину спали выбирать сами. Вскорѣ же въ свѣтскихъ дѣлахъ они опложились вовсе опъ монастыря, и вступили, какъ другіе, подъ покровительство Имперіи. Базельцы поступили такъ же съ своимъ Епископомъ, и чрезъ нѣсколько времени сдѣлались сами себѣ господами подъ покровительствомъ Имперіи, какъ Бернъ и Фрейбургъ сдѣлались гораздо прежде по милости Императора.

Примѣру сильнѣйшихъ послѣдовали, смотря по тому какъ шо позволялъ случай, и многіе изъ малыхъ городовъ; съ благоразуміемъ пользовались они смятеніями въ Имперіи. Если Короли, или прочіе Господа, опъ копорыхъ они зависѣли, шерпли нужду въ деньгахъ, шо они опкрывали городскую казну; во время общей опасности рука и мечъ у нихъ были наготовѣ. Всякій

гражданинъ жилъ просто и бережно дома, но оказывалъ щедрость на общую потребу. Жилища были на взглядъ плохи; но общеспвенныя зданія, Думы и церкви, велики и красивы. Ремесленники спарались доспавлять хорошіе товары, и спрудомъ, искуспвомъ и обдуманностію улущають свои ремесла. Цехи спомрѣли за работою. Ошь того всякое ремесло приносило честь и барышь, и никто не хощьль за себя взять дороже того, чего онь спойль. Богобоязливость, честность и спрудолюбіе обипали въ домъ, а справедливостъ, благоразуміе и безкорыспіе въ Думъ. Щечипсья изъ общей казны никто не желаль, а помогають ей въ случаъ нужды и плашиють подати на полезныя учрежденія, гошовъ былъ всякій.

Чрезъ сіе города возрасли и сдѣлались сильны и пріобрѣли большія права, недвижимыя имѣнія, всякія пошлины и другія преимущества. Посему вознамѣрились они всѣ непоередспвенно подчинилсь Императору и Имперіи, а ошь другихъ господъ освободилсь, чшобъ избирать себъ начальниковъ и судей и управляють своимъ общимъ достояніемъ. За это съ удовольспвіемъ плашили они Имперскіе налоги. Право Императора имѣль въ своихъ рукахъ его намѣспникъ, кошорый судилъ и

уголовныя дѣла передъ всѣмъ народомъ, пошому чшо онъ, какъ иносстранецъ, могъ судить безприсраспнѣе нежели какой нибудь гражданинъ изъ того же сословія. Въ военное время выбирали сильнаго, храбраго Господина или Графа въ военачальники, и плашили ему за то жалованье. Для бѣльшей безопасности города, заключали иногда между собою союзы, равно какъ и съ Императорскими городами въ Швабіи и по Рейну.

Такимъ образомъ, послѣ продолжительнаго угнетенія, между монастырями и замками опять возникла нѣкошораго рода свобода, сначала въ городахъ. Какъ будто бы на Швейцарской землѣ не могла укоренишься никакая насильшвенная власшь, откуда бы она ни происходила, извнѣ или внушри! Здѣсь хочеть жить благородная свобода, какъ орель на вершинахъ нашихъ ушесовъ. *М. П.*

Ошрывокъ изъ Ишторіи Шотландіи, сочиненной
В. Скошшомъ для его внука.

Робертъ Брюсъ.

Ты не забудь, мой другъ, я надѣюсь, чшо всѣ войны, угнетавшія Шотландію, произошли по смерти Александра III, опть

распри между вельможами за корону, и опъ неоспорожности, по которой они избрали Эдуарда (*) судіею въ эпомъ дѣлѣ, и такимъ образомъ облегчили ему средствъ надѣсть ее на свою голову. Ты помнишь, что онъ лишилъ престола Іоанна Балъола за то, что сей послѣдній хотѣлъ возвратишь независимосшь Государству, полученному опъ него въ качествѣ вассальнаго. Шотландцы за эшо даже мало любили Балъола. Онъ отказался опъ престола и пятнадцать лѣтъ жилъ внѣ Шотландіи, оставаясь почти все эшо время въ плѣну у Короля Англійскаго. Такимъ образомъ Шотландцы, рѣшившіеся опять сражашься для того, чтобы свергнушь съ своего опечесства иго Англичанъ, спали искашь себѣ другаго Короля въ предводителіи. Англійское владычество было обременительно для всѣхъ, и пошому всѣ вельможи, имѣвшіе по ихъ мнѣнію право на корону, начали спановишься въ ряды, чтобы имъ воспользовашься.

Допуская, что Іоаннъ Балъоль, въ слѣдствіе опреченія опъ престола и плѣну, пошерялъ на него всѣ права, главныхъ искапелей было два: Робертъ Брюсъ, Графъ де Каррикъ, и внукъ шого

(*) Эдуардъ I, Король Англійскій.

Брюса, который оспаривал престолъ у Иоанна Балбола, и Иоаннъ Коминъ или Кумингъ де Бадночь, прозывавшійся обыкновенно Коминомъ Рыжимъ, въ оплечіе ошь брата Комина Чернаго, которой получилъ это прозваніе по черному цвѣшу своего лица. Сии два могущественные барона принимали спорону Сира Вилліама Валласа (**) въ войнахъ противъ Англичанъ; но послѣ пораженія при Фалькиркѣ, почиая освобожденіе Шотландіи невозможнымъ и боясь потерять обширныя свои владѣнія, они не только покорились Эдуарду и признали его Королемъ, но и соединились съ Англичанами, чтобъ драгаться съ пѣми изъ своихъ соотечественниковъ, которые продолжали еще прошивиться похищешелю. Вопшь что, по древнимъ преданіямъ Шотландскимъ, открыло глаза Брюса и показало ему всю низость его поведенія: ему случилось бышь на одной изъ безчисленныхъ сшибокъ Англичанъ съ Шотландскими его соотечественниками, и онъ помогъ первымъ одержать побѣду. Послѣ сраженія онъ съль объдашь не умывъ рукъ, обогрѣныхъ кровію; Англіійскіе рыцари замѣшивъ это, спали говориль между со-

(*) Бойца Шотландіи. Онъ цѣлую жизнь свою сражался за свободу ошечества и причиняль много покойства сильному своему прошивнику Эдуарду I.

бою пошихоньку: каковъ Шотландецъ, свою родную кровь вспѣ! Брюсъ слышаль сіи слова и былъ пораженъ ими. Не собсшвенная ли кровь въ самомъ дѣлѣ обогрѣла его руки, ибо эша кровь была его храбрыхъ соотечественниковъ, кошорые сражались за независимоспѣ Шотландіи, между шѣмъ какъ онъ изъ подлоспи присоединился къ ихъ угнешашелямъ, кошорые смѣялись еще надъ нимъ, оскорбляли его за прошивуешшешшвенное поведеніе. Онъ былъ шакъ живо пронушъ сими размышленіями, что шотчасъ всшаль изъ-за спѣла, пошѣлъ въ сосѣдную часовню, и шамъ, обливаясь горькими слезами, произнесъ шоржешшвенный обѣшъ упошребитъ всѣ свои силы на шо, чтообъ освободитъ Шотландію опъ чуждаго ига. Вѣрный своему слову, онъ шотчасъ оставиль Англійскій спанъ, и спшаль думашъ шолько о средеспвахъ возврашшш свободу своему отечешшву.

Робертъ Брюсъ былъ силенъ и храбръ. Никшо въ Шотландіи не смѣлъ съ нимъ равняшся кромѣ Вилліама Валласа, и съ шѣхъ поръ, какъ умеръ сей герой, Брюсъ оспался сильнѣйшимъ воиномъ. Благоразуміе и ошорожноспѣ принадлежали шакже къ числу его особливыхъ доблесшей. Словомъ, онъ былъ опличшый полководецъ, шо еспъ онъ умѣлъ

вспи войско и распавляшь его въ боевой порядокъ, можешь бышь, лучше всѣхъ знаменитыхъ современныхъ военачальниковъ. Опъ напурь онъ былъ благосклоненъ и великодушенъ, но имѣлъ однакожь и недоспашки, копорые болѣе должно приписать варварству его вѣка, нежели его собственному характеру. Онъ былъ вспыльчивъ, сердитъ, а въ припадкахъ бѣшенства ему случалось бышь жестокимъ и безжалостнымъ.

Робертъ Брюсъ рѣшился, какъ я уже тебѣ сказалъ, испытать еще разъ средства испоргнуть Шотландію изъ рукъ Англичанъ, и хотѣлъ склонить на свою сторону соперника въ исканіи престола, Іоанна Комина Рыжаго, чшобъ вмѣстѣ изгнать иноплеменника. Въ семъ намѣреніи онъ пріѣхалъ изъ Лондона въ Думфрисъ, на границѣ Шотландіи, и требовалъ свиданія съ Іоанномъ Коминемъ; оно было въ тамошней церкви Миноритовъ, передъ прешоломъ. Неизвѣстно, чшдъ произошло между ими; извѣстно только то, что они поссорились; за то ли, что у нихъ были общія пріязнанія на прешоль — за то ли, что Коминъ отказался помогать Брюсу въ назначенномъ восстаніи — за то ли, что измѣнилъ Брюсу, открывъ Англичанамъ его планъ бунта,

Испорики въ этомъ несогласны. Вѣрно то, что заспорили они очень горячо, назвали себя именами самыми оскорбительными, и что наконецъ Брюсъ, которъй, какъ я тебѣ сказала, былъ очень вспыльчивъ, позабылъ, въ какомъ священномъ мѣстѣ онъ находился и поразилъ Комина кинжаломъ. Лишь только совершилъ онъ это пресшупленіе, какъ и бросился изъ церкви и поспробовалъ свою лошадь. Двое дворянъ изъ числа его друзей, Линдезай и Киркпаприкъ, ожидали его у ворошъ. Увидя его блѣднаго, окровавленнаго, въ величайшемъ смущеніи, они спросили у него о причинѣ. „Мнѣ кажется, опвѣчалъ онъ, что я убилъ Комина Рыжаго.“

„Какъ! тебѣ кажется! воскликнулъ Киркъ-Паприкъ; этого дѣла не должно оставлять въ сомнѣніи, и я устрою его.“

При сихъ словахъ онъ вошелъ въ церковь съ Линдезаемъ, и они оба пронзили кинжалами несчастнаго раненаго. Дядя его, Сиръ Робертъ Комиръ, былъ убитъ въ тоже время.

Убийство Комина было дѣйствіемъ безчестнымъ, и Испорикъ Брюса говоритъ, что виновника съ тѣхъ поръ преслѣдовало Небесное мщеніе: ибо ни одинъ человекъ не переносилъ столько несчастій, какъ Робертъ Брюсъ, хотя подъ конецъ своей жизни онъ и видѣлъ

себя на верху могущества. Положеніе Брюса, послѣ смерти Комина, сдѣлалось очень крипическимъ: онъ совершилъ такое преступленіе, которое необходимо должно было навлечь на него мщеніе всѣхъ родспвенниковъ Комина, вражду Короля Англійскаго, и неудовольствіе церкви за убіеніе непріятели въ священной оградѣ. И такъ онъ рѣшился дѣйствовать прямо и объявить торжественно свои права на престоль. Онъ собралъ всѣхъ своихъ сообщниковъ, созвалъ шѣхъ изъ бароновъ Шотландскихъ, которые хотѣли сражаться за свободу, и повелѣлъ провозгласить себя Королемъ въ Аббатствѣ Сконскомъ, обыкновенномъ мѣстѣ вѣнчанія Королей Шотландскихъ.

Въ этомъ священномъ обрядѣ все было сдѣлано наскоро: вмѣсто древняго вѣнца Шотландскаго, увезеннаго Эдуардомъ въ Англію, употребленъ былъ небольшой серебряный кругъ, на скоро обдѣланный. Графъ Файфъ, попомокъ храбраго Макдуфа, который по сему праву долженъ былъ возложить корону на главу Короля, отказался присутствовать при вѣчаніи. Сестра его Изабелла, Графиня Буханъ, безъ согласія брата и супруга, исполнила сію обязанность. Нѣсколько бароновъ, которыхъ имя всегда оспанешся любезнымъ для Шотландіи, при-

соединилось къ Брюсу на помощь, чѣмъ освободить ее.

Ярости Эдуарда не было предѣла, когда онъ узналъ, что не смотря на всѣ его старанія, не смотря на пролитую кровь, Шотландія еще старалась освободиться изъ-подъ его власти. Хотя онъ былъ уже слабъ, боленъ и въ престарѣлыхъ лѣтахъ, но произнесъ торжественный обѣтъ, на большомъ пиру, опмстивъ Брюсу и его сообщникамъ самымъ жестокимъ образомъ; послѣ этого онъ обѣщался не обнажать меча на Христіанина, а только на невѣрныхъ, чѣмъ освободить Святую землю. И такъ онъ собралъ многочисленное войско и пошелъ противъ Брюса.

Начало новаго царствованія ознаменовалось великими бѣдствіями. Онъ былъ вѣнчанъ на царство 29 Марта 1306 года. Мая 18 былъ онъ оплученъ опъ церкви буллою Папы, который лишилъ его всѣхъ благодѣній церкви и далъ всякому право его убить. Наконецъ 19 Іюня новый Король подъ Мешвиномъ былъ совершенно разбитъ Англійскимъ Генераломъ Графомъ Пемброкомъ. Лошадь Роберта была подъ нимъ убита, на минуту онъ былъ плѣнникомъ, но попался въ руки Шотландскому рыцарю; который, хотя сражался въ рядахъ Эдуарда, однако испугался мысли вы-

дашь ему Брюса, и освободилъ плѣнника. Побѣдители поступили съ плѣнниками съ обыкновенною жестокостію. Въ семь числъ находились юные и благородные опрасли первыхъ фамилій Шотландскихъ: Гей, ошъ котораго произходяшь Графы д'Ерроль, Соммервиль, Фразеръ и многіе другіе, которые безъ милосердія были осуждены на смерть и казнены.

Брюсъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми вѣрными друзьями, между коими былъ молодой Лордъ Дугласъ, прозванный послѣ добрымъ Лордомъ Джемсомъ, бѣжалъ въ верхнія горы. Изгоняемые изъ убѣжища въ убѣжище, они подвергались многимъ опасностямъ и находились въ крайней нуждѣ. Супруга Брюса, тогда уже Королева Шотландская, и нѣкоторыя другія дамы, сопровождали несчастныхъ бѣглецовъ; у нихъ не было никакихъ средствъ для пропитанія, кромѣ охоты и рыбной ловли. Молодой Дугласъ былъ счастливѣе и проворнѣе всѣхъ на сихъ промыслахъ и имѣлъ много успѣха; ему особенно несчастные его поварищи обязаны необходимою помощію.

Гонимый съ горы на гору, Брюсъ пыпался проникнуть въ Лорнъ, но вездѣ встрѣчалъ непріятелей. Мак-Дугласы, сильные владѣльцы, принявшіе шитло

Лордовъ Лорнскихъ, держались спороны Англии. Когда они узнали, что Брюсъ старался проникнуть въ ихъ страну, они вооружили всѣхъ жителей, отъ нихъ зависѣвшихъ, и напали на несчастныхъ бѣглецовъ. Джонъ де Лорнъ, старшій въ родѣ Дугласовъ, питалъ непримиримую вражду къ Брюсу за умерщвление Роберта Рыжаго, близкаго своего родственника. Брюсъ, притѣсненный многочисленными непріятелями, опять былъ разбитъ подъ мѣспечкомъ Далри; но онъ показалъ при этомъ новомъ несчастіи, какова была его сила и мужество. Онъ велѣлъ своимъ поварамъ опустить узкою пѣсиною, а самъ пошелъ за ними послѣдній, сражался и наказывалъ смертью всякаго, кто напиралъ на него близко. Трое изъ Дугласовыхъ воиновъ, Мак-Андроссеръ и сыновья, извѣстные своею исполнскою силою, видя съ какимъ успѣхомъ прикрывалъ Брюсъ опустение своихъ людей, произнесли обѣтъ взять его живаго или мертваго. Они бросились на него всѣ вмѣстѣ. Король былъ на лошади въ узкомъ проходѣ, о кошоромъ мы говорили, между крупнымъ утесомъ и глубокимъ озеромъ. Одинъ изъ сыновей Андроссера схватилъ за узду его лошади, и Брюсъ далъ такой сильной ударъ мечемъ по рукѣ своего отважнаго прошив-

ника, что пошь упаль обагранный своею кровію. Въ это время другой братель схватилъ его за ногу и хотѣлъ повадиль; но Король, вонзивъ шпоры въ живость своей лошади, такъ разгорячилъ ее, что она, спавъ на дыбы, опрокинула Горца, и когда онъ покусился подняться, то Робертъ раскроилъ ему голову. При видѣ двухъ умирающихъ сыновьевъ, Андроссеръ бросился на Брюса, схватилъ его за плащъ, и такъ спянулъ около шѣла, что Король не могъ болѣе махатъ длиннымъ мечемъ своимъ; но рукояшью, или, по другимъ извѣстіямъ, молоткомъ привѣщенный къ сѣдлу такъ ударилъ прешьяго нападашеля, что у него выскочилъ мозгъ изъ головы. Между шѣмъ рука Горца, окоспенѣлая по смерти, держала плащъ еще крѣпче, и Король, чтобы избавишь отъ шрупа, долженъ былъ спорватъ запонку, кошорою заспегивался плащъ и оставишь по и другое. Эша запонка хранишь до сихъ поръ въ фамилии Мак-Дугласовъ Лорнскихъ, какъ неопровержимое доказательство, что знаменитый Робертъ Брюсъ попался было однажды въ руки одного изъ ихъ предковъ. Король всегда пишаль вражду къ Джону Лорнскому, и въ обстоятельстввахъ счастливейшихъ не упускалъ случая мспишь ему.

Робертъ Брюсъ подвергался множеству подобныхъ опасностей въ продол.

женіи своихъ бродяжническихъ походовъ; однакожь, не смотря на то, что всегда былъ разбиваемъ большими силами Англичанъ и Шотландцевъ, которые держали спорону сихъ послѣднихъ, никогда не унывалъ и всегда поддерживалъ мужество своихъ соповарищей. Онъ былъ образованъ больше, нежели можно было ожидать въ эту эпоху въ Шотландіи, гдѣ кромѣ духовенства, никто не умѣлъ ни читать ни писать. Король обладалъ сими двумя искусствами, и рассказываетъ, что онъ иногда читалъ своимъ солдатамъ въ поученіе, преплывая обширныя озера въ верхней Шотландіи на ушлыхъ ладіяхъ, которыхъ они могли достать себѣ.

Между шѣмъ опасности такъ умножились, что храбрый Робертъ не могъ имѣть при себѣ Королевы и дамъ, которыя ее сопровождали. Зима приближалась и женщинамъ не возможно было переносить всѣ трудности сей бродяжнической жизни въ горахъ, покрытыхъ снѣгомъ и льдомъ. И такъ онъ оставилъ Королеву съ Графиней Буханъ и нѣкоторыми другими въ единственномъ у него остававшемся замкѣ Кильдрумскомъ, близъ источника Дона, въ Графствѣ Абердинскомъ. Король поручилъ младшему своему брату Ниджелю Брюсу защищать замокъ отъ Англичанъ, а самъ,

съ Эдуардомъ, впорымъ своимъ брашомъ, воиномъ безпрепечнымъ, но еще больше дерзкимъ, нежели самъ Робертъ, удалился съ немногими остававшимися у него людьми на островъ Рахринъ, близъ Ирландіи, гдѣ и провелъ зиму 1306 года. Въ продолженіи сего времени несчастіе не переспавало гнать его въ лицѣ шѣхъ, кои были ему любезны въ Шотландіи. Замокъ Кильдрумскій былъ взятъ Англичанами, и Ниджель Брюсъ, храбрый и прекрасный молодой человекъ, былъ осужденъ на люшую казнь. Королева и дамы ея свиты были взяты въ плѣнъ и подвергнуты жестокому заключенію. Сии новости дошли до Брюса, когда онъ былъ въ лачугѣ на островѣ Рахринъ, и повергли его почти въ отчаяніе.

Къ этому времени, кажешся, принадлежишь случай, извѣстный только по преданію въ фамиліи Брюсовъ, но вѣроятный, судя по нравамъ и мыслямъ того времени. Рассказываютъ, что получивши непріятное извѣстіе о происшедшемъ въ Шотландіи, Брюсъ лежалъ пошпру на вешкой кровати, и спрашивалъ себя, не лучше ли ему совсѣмъ отказатьсь отъ надежды получить когда нибудь престоль Шотландской, отослать отъ себя своихъ солдатъ и отправиться съ братьями въ Палестину.

ну, чтобы посвящать остатокъ дней своихъ на бипву съ невѣрными, и загладишь пресупное умерщвление Коми-на въ церкви ДумФризской.

Но съ другой стороны не было ли прусосшію, — еще болѣе, не было ли пресупленіемъ оставишь свое опечество въ порабощеніи, покамѣсь оставалась еще какая нибудь надежда къ спасенію. Въ этомъ состояла его обязанность, еще болѣе священная, чѣмъ идти на войну въ Палестину, хотя суевѣріе его вѣка и могло думать прошивное.

Погруженный въ сіи размышленія, перзаемый сомнѣніями, Брюсъ сморѣль въ пошолокъ, и увидѣль паука, которій, повиснувъ на своей ниши, старался съ одной перекладыны доспигнуть другой, и привязавъ нишь, на которой располагался разложишь свою шкань. Онъ попробоваль еще разъ, но опять безъ успѣха, началъ опять и все безъ пользы. Наконецъ Брюсъ видѣль, какъ паукъ шесть разъ повшорилъ свои покушенія, и шесть разъ онъ ему не удавались. Ему пришло въ голову, что и онъ далъ шесть сраженій Англичанамъ, и слѣдовашельно находился совершенно въ томъ же положеніи, какъ и бѣдный паукъ, сдѣлавшій столько же попышокъ, съ такимъ же малымъ успѣхомъ.

„Такъ и бышь ,“ сказалъ Брюсъ „я не имѣю никакого средства узнать , на что я долженъ рѣшиться, и попому я послѣдую примѣру сего прудолюбиваго насѣкомаго. Если онъ попытается въ седьмой разъ привязать свою нить, и успѣеть, то и я еще разъ попробую счастья ; если же ему не удастся, то я опшправлюсь въ Палестину, и никогда не увижу моего опечесшва.“

Между тѣмъ какъ Брюсъ принялъ сіе намѣреніе , паукъ собралъ всѣ свои силы , чшобъ сдѣлать новый опытъ и дошелъ наконецъ до того , что привязалъ свою нитку на перекладинѣ, которую такъ долго шарался достать. Ободренный симъ примѣромъ , Король рѣшился еще разъ попытаться счастья на войнѣ. До сихъ поръ онъ не одерживалъ никогда побѣды, съ сихъ поръ онъ не прешерпывалъ почти никогда поражения. — Мнѣ часто случалось бышь съ Шотландцами, носящими имя Брюса: они такъ увѣрены въ испинѣ сего анекдота , что ни за какую цѣну не захотятъ убить паука , попому что насѣкомое сего рода подало примѣръ упрямки, и надежду на успѣхъ, великому герою ихъ поколѣнія.

(*Продолженіе впрѣдъ*).

Н А У К И.

О древнемъ и нынѣшнемъ Богослуженіи Монголовъ (*).

Китайская Исторія замѣтила нѣкоторыя черты древняго Монгольскаго богослуженія. Въ повѣствованіи о Гуннахъ (**) сказано: „ежегодно „въ новый годъ Князя собираются въ Ханскую „Орду (***) во храмъ предковъ. Въ пяшой лунѣ „сѣзжаются въ Лунченъ для жершвоприношенія „предкамъ, Небу, землѣ и Духамъ.“ Далѣе: „по ушру „Ханъ выходитъ поклонаться солнцу, въ вечеру „поклонаться лунѣ.“ ... „Во 121 году до Р. Х. Ки- „шайскій полководецъ Хо-цзюй-бинъ, разбивъ За- „паднаго Гуннскаго Князя (****), нашель въ его

(*) Приносимъ глубочайшую благодарность ученому нашему Оріенталисту за доставленіе сей важной статьи. М. П.

(**) См. Исторію старшаго дома Ханъ (Цзянь-хань-шу).

(***) Это есть Монгольское слово *Ордо*, которое означаетъ Ханское становище, Резиденцію и Дворецъ. Древніе Россіане, вздвигшіе къ Монгольскимъ Ханамъ, подъ Ордою также разумѣли Ханское мѣсто-пробываніе: но въ послѣдствіи, по недоразумѣнію значенія онаго, перенесли смыслъ сего слова на самыя владѣнія Хана и подданныхъ его. Нынѣ Монголы произносятъ сіе слово *Ордо* и *Уртэ*, и разумѣютъ подъ нимъ и стойбища и станицы, отъ чего Россіане и самыя кибитки ихъ называютъ юртами. Кибитка по Монгольски называется *гыръ*.

(****) Сей Князь занималъ сѣверовосточную часть Китайской Губерніи Гань-су и смежныя съ нею заграничныя земли. Въ то время въ сей Губерніи еще не было Великой стѣны.

„спавкѣ *золотой истуканъ*, которому, по замѣчаніямъ Кишайскихъ Испориковъ, Гунны поклонялись подь именемъ *Царя неба*. Увѣряюшь, что въ земляхъ западнаго Гуннскаго Князя находился даже храмъ въ честь сего истукана.“ Еще ниже: „Вэй-люй (*), предпріявши погубишь Ли-гуанъ-ли (**), научилъ Гунна при ворожбѣ, по случаю болѣзни Ханской мапери, сказашь, что для выздоровленія ея нужно принести жершву полководцу Ли-гуанъ-ли.“ — И шакъ послѣдній былъ убишь и удостоенъ поклоненія. Сіе произшествіе случилось за 90 лѣтъ до Р. Х.

Изъ приведенныхъ выше мѣстъ можно извлечь одно общее заключеніе, что поклоненіе Богу въ часяхъ міра, наиболѣе являвшихъ его силу и премудрость, и обоготвореніе славныхъ мужей по смерти, составляли древнюю Монголовъ религію, которую нынѣ называюшь Шаманствомъ, а пророчества составляли часть богослуженія. Сію же самую религію болѣе сорока вѣковъ исповѣдуешь и Кишай; но Кишайцы ошь прочихъ народовъ всегда отличались тѣмъ, что употребленіе особливыхъ жрецовъ признавали суевѣрїемъ. У нихъ приношеніе жершвъ славнымъ мужамъ возложено на мѣстныхъ начальниковъ; а приношеніе жершвъ предкамъ предоспавлено спартышинѣ въ

(*) *Вэй-люй* былъ Ханскій Визирь изъ Кишайцевъ:

(**) *Ли-гуанъ-ли* былъ Кишайскій знаменишый полководецъ, котораго Гуннскій Ханъ, по взятіи его въ плѣнь, женилъ на своей дочери.

родъ или семействъ. Нынѣшнее Шаманство у Тунгусовъ есть не что иное, какъ искаженный остатокъ общей религіи, существовавшей въ Азіи въ древнѣйшія времена.

За десять вѣковъ до Р. Х. явилось (*) въ Индіи вѣроученіе Будисшовъ, основаніе котораго составляетъ темное понятіе о Мессіи и переселеніи душъ, а цѣль — возстановленіе поврежденнаго человѣческаго естества. Сіе ученіе около времени Р. Х. проникло въ Среднюю Азію; въ 65 году перенесено въ Кишай: но сколь давно вошло въ Монголію, трудно опредѣлить истинную точку времени. Въ Исторіи Монгольскаго народа, въ описаніи о Южныхъ Гуннахъ (**), подъ 336 годомъ по Р. Х., сказано: „Индійскій Фолу-ченъ, часто предсказывалъ Государю Ши-лэ объ успѣхахъ и неудачахъ въ войнѣ; почему сей Государь имѣлъ къ нему почтеніе. Ши-ху, по вступленіи на престолъ, обратился на него особенное вниманіе. Сей монахъ ходилъ въ шелковомъ одѣяніи, выѣзжалъ въ рѣзной колесницѣ. Во время собраній при дворѣ, Наслѣдникъ престола и прочие Князья подъ руки вводили его въ пронную. „Вельможи особенно прилѣпились къ его ученію;

(*) Надобно полагать, что вѣроученіе Будисшовъ существовало за долго до сего времени: ибо Шага-муни почитается не основателемъ, а возстановителемъ онаго.

(**) Сія исторія находится въ рукописи и не издана въ свѣтъ.

„они наперерывъ строили монастыри, и обривъ
 „головы вступали въ монашество. Нѣкоторые же,
 „уклоняясь отъ подаей и службы въ монасты-
 „ри, начали производить грабежи; почему въ ука-
 „зѣ, данномъ Сенашу, Государь Ши-лэ спрашивалъ:
 „можно ли дозволишь народу обожашь Фо (*),
 „почитаемаго дворомъ? Сенашъ по сему поводу
 „предсавилъ слѣдующее мнѣніе: для жершвопри-
 „ношеній, кошорыя Государь обязанъ совершашь,
 „существующъ учрежденные обряды. Фо есть
 „иноземный духъ, и сыну неба не прилично
 „приносить ему жершвы. При династіясь Хань и
 „Вэй дозволено было однимъ жишелямъ Западнаго
 „края (Индійцамъ) спроишь монастыри въ спо-
 „лицѣ Кишай; но Кишайцамъ вступашь въ мо-
 „наштыри запрещено было. И такъ нынѣ слѣду-
 „етъ предписашь, чшобы отъ Князей до низшихъ
 „чиновниковъ никто не смѣлъ входить въ мона-
 „штыри для возжиганія благовоній и поклоненія.
 „Гунновъ же, вступившихъ въ монашество, всѣхъ
 „возвращишь въ прежнее соспояніе. Ши-лэ въ
 „своемъ указѣ на сіе предсавленіе сказалъ: я
 „родился за границею (п. е. въ Монголіи) и
 „пріобрѣлъ владычество надъ Кишаемъ. Относи-
 „тельно жершвоприношеній (богослуженія) при-
 „лично слѣдовашь собшвеннымъ обыкновениямъ;
 „почему какъ Кишайцамъ, такъ и иностранцамъ

(*) Въ Кишайской словесности подъ Фо разумѣется
 Шага-муни, а ивогда и самая религія Будистовъ.

„(Гуннамъ), желающимъ почиташь Фо, дозво-
„ляется сіе.“

Въ той же Исторіи въ періодъ Киданьскаго Дома подь 1055 годомъ сказано: „Цзунь-чжень, „по прибытіи въ горы на осеннюю облаву, за- „немогъ и на другой день скончался. Сей Государь „быль безпечень, разсыянъ. Часно, по ночамъ „забавляясь пиршествами, самъ вмѣшивался въ „шолцу музыканшовъ. Многократно переодѣтый „(инкогнишо) хаживаль по корчмамъ и монасты- „рямъ. Особенно былъ привержень къ Шигя-муніе- „ву ученію; Ламъ производилъ министрами и да- „же везирами.“ Изъ сихъ двухъ спашей можно видѣшь, что вѣроученіе Будисшовъ въ началъ IV вѣка уже находилось въ Монголіи, и духовные были въ высокомъ уваженіи у Монгольскихъ вла- дѣтелей. Здѣсь нужно замѣшшь, что вѣроученіе Будисшовъ въ началъ было единообразное какъ въ Кипшаѣ, такъ и въ Монголіи, чшдъ ясно откры- ваешся изъ вышеприведенной спашьи о Гуннахъ. Въ послѣдствіи, оно раздѣлилось на двѣ секшы, ш. е. Фоисшовъ въ Кипшаѣ и Ламъ въ Тибешѣ и Монголіи. Существенное различіе помянушихъ секшь сосшощь не въ ученіи, а въ обрядахъ бо- гослуженія и наружномъ образѣ жизни. Не могу опредѣлишь, сколь давно послѣдовало сіе раздѣле- ніе; но въ XI столѣшши оно уже существовало: ибо какъ въ самомъ Пекинѣ, такъ и въ окрестно- стяхъ его находящяся монастыри, которые осно-

каиы при династїи Ляо, ш. е. въ XI столѣтїи, и принадлежали Ламамъ (*).

Что касается до самаго вѣроученїя Ламъ, хотя мнѣ часпо случалось любопытствовашь объ ономъ; но какъ сужденїе о вещахъ по однѣмъ поверхностнымъ свѣдѣнїямъ не рѣдко вводитъ насъ въ погрѣшности, то я ограничусь описанїемъ видѣннаго мною.

Ламы совершаютъ богослуженїе три раза въ день: утренняя и полуденная на голосахъ, причемъ между разстановками бьютъ въ лишавры, а вечернее на духовыхъ музыкальныхъ орудїяхъ. Зовъ къ богослуженїю производится трубнымъ звукомъ въ большїя морскїя раковины. Ламы, собравшись въ храмъ, садятся на шюфяки, по полу разложенные на правой и лѣвой сторонѣ. Они сидятъ лицомъ другъ къ другу и читаютъ на распѣвъ одноименнымъ голосомъ священныя книги, лежащїя предъ ними на длинныхъ низкихъ столахъ. Здѣсь не бываетъ предсѣдательствующаго лица, кромѣ Кэзгуя, надзирающаго за благочинїемъ. Во время первосвященническаго служенїя главное лице сидитъ у дверей храма на престолѣ въ бо-

(*) У Западныхъ горъ, въ 30 верстахъ отъ Пекина къ западу, монастырь *Да-цзю-сы*, занимаемый Хошанами, при Дин. Ляо принадлежалъ Ламамъ, и надгробныя субарги ихъ, находящїяся позади монастыря къ востоку, и понынѣ стоятъ въ цѣлости. Внутри монастыря, позади одного храма, есть огромное писташковое дерево, которое по запискамъ монастыря существуетъ болѣе 800 лѣтъ.

гашомъ губервъ (*), имѣя лице обращенное къ кумирамъ. Служащіе Ламы стоящъ предъ нимъ по сторонамъ въ рядъ въ маншіяхъ, съ кадилами въ рукахъ, а иногда въ однѣхъ эпанчахъ на подобіе губерра, и читающъ на распѣвъ. Главное лице, которое обыкновенно бываетъ Хушухша или Камба, читаетъ возгласы и начинаешъ пѣніе, позванивая серебряннымъ въ рукахъ его колокольчикомъ. Прочіе Ламы сидящъ позади служащихъ на полу безъ всякаго дѣйствія, и только нѣкоторые при извѣстныхъ разстановкахъ бьютъ въ бубны и шарелки. По окончаніи служенія главное лице снимаетъ губервъ, сходитъ съ престола и удаляется. Символъ оканчивается служеніе, если нѣтъ никакихъ постороннихъ обрядовъ или процессій.

Образъ построенія монастырей не менѣе замѣчательнъ. Въ окружности храма каждый Лама имѣетъ свой домикъ съ моленною, или небольшимъ храмомъ, и содержитъ учениковъ, которые считаются духовными дѣтьми его. Сии ученики по большой части поступаютъ въ монастыри на 4, 5 и 6-мъ году возраста, при томъ по назначенію своихъ родителей и съ дозволенія вышшаго начальства. Старшій изъ нихъ всупаетъ въ наслѣдство учителя, и обязанъ содержать младшихъ. Собраніе шаковыхъ домовъ обыкновенно

(*) Губеръ имѣетъ видъ шаля, и въ обыкновенное время употребляется точно такъ, какъ пишутъ верхнее одѣяніе на древнихъ Евреяхъ, а во время богослуженія покрываются имъ, какъ плащемъ.

обведено бываетъ стѣною и называется *монастыремъ* или *капищемъ*, по Монгольски *Хитъ* (*). Въ каждомъ большомъ монастырѣ поставляется настоятель, по Монгольски *Ихэ-Лама*, Казначей — *Дэмци*, Благодѣтельный — *Кэзгуй*, Провизоръ или управитель *Нерба* и Уставщикъ — *Умзатъ*, кошорый долженъ имѣть лучшій окшависшый басъ. Въ стѣхъ монастыряхъ, въ кошорыхъ живутъ Хушухы, бываетъ ошсшупленіе ошъ общаго ушшава.

Монгольскіе храмы имѣютъ входъ съ Южной стороны, и сей самый входъ составляетъ лицевую сторону ихъ. Сіи храмы вообще мрачны; весьма слабый просвѣтъ сквозь дверь и огонь лампы освѣщаютъ ихъ внутренность. Впереди на возвышенномъ пьедесталѣ поставлены при огромные кумира, изъ кошорыхъ средній есть Сэгцзя-Мони или Шагя-Муни, кошораго признаютъ начальникомъ Будисшкой вѣры и величайшимъ праведникомъ. Бога изображаютъ однимъ сіяніемъ, озаряющимъ міръ; прочіихъ же своихъ праведниковъ имѣютъ или изваянныхъ, или писанныхъ на холстѣ и ашласъ красками, иногда въ золошыхъ вѣнцахъ вокругъ головы. Монголы называютъ ихъ *Бурханъ*, Индійцы *Буда*, Кішайцы *Фо* или *Фо-ъ* (*). Послѣднимъ

(*) Нынѣ монастыри болѣе называютъ *Сумэ*, что значитъ *храмъ*.

(*) Ошъ сихъ словъ и послѣдовашелей его называютъ *Будистами* и *Фонстами*, а самое ученіе *Будизмомъ* и *Фонзмомъ*.

словомъ Кипайцы чествують и живыхъ Хушухъ. На длинномъ столѣ предъ Бурханами спавяпъ приношенія, состоящія въ различныхъ масляныхъ сахарныхъ хлѣбцахъ и въ прекрасныхъ искусственныхъ цвѣсахъ, дѣлаемыхъ изъ сала. Зимой спавяпъ и цѣлыхъ барановъ замороженныхъ. Въ одной чашѣ на столѣ горитъ неугасаемое коровье масло, а въ другую, наполненную чистымъ пепломъ, приходящіе для поклоненія вшыкають зажженные Тибешскія куришельныя свѣчи; послѣ чего, прикладывая сложенные руки ко лбу, дѣлають нѣсколько земныхъ поклоновъ. Впрочемъ здѣсь нѣтъ обыкновенія, чтобы народъ присудствовалъ въ храмахъ во время богослуженія. Равнымъ образомъ и Ламы не завѣдываютъ народомъ непосредственно.

По Тибетской Іерархіи *Далсй-Лама* и *Баньтенъ* занимають первое мѣсто; за ними слѣдуютъ прочіе Хушухы, хотя и первые два суть не иное что, какъ владѣтельные Хушухы. Камбы занимають послѣднюю степень между высшимъ духовенствомъ и соопвѣштвуютъ Христіанскимъ Епископамъ. Если Камба или Настоятель присудствуешь въ Консиспоріи, то называютъ его *Чжасакъ-Ламой*. Слово *Чжасакъ* значить: *управляющій*. Низшее духовенство составляютъ *Гэлунъ*, *Гэцуль*, *Баньди* или *Шабн* и *Обуши*, давшій только обътъ веспи духовную жизнь. Они различаються между собою нѣкоплыми на-

ружными знаками, получаемыми при посвященіи. У Монголовъ общее имя духовнымъ естъ *Хуаракъ*, а *Ламами* называются собственно только высшее духовенство; но нынѣ изъ учтивости названіе сіе вѣсь присвоено. Естъ и монахини, называемыя *Чибганца*; но въ Монголіи нѣтъ женскихъ монастырей. Онѣ также принимаютъ посвященіе, бръютъ головы и, вопреки уложенію, носятъ Ламское одѣяніе съ красною чрезъ плечо перевязью, но живутъ въ домахъ и не рѣдко съ мужьями. Въ Тибетѣ сіи монахини живутъ въ монастыряхъ и имѣютъ *Хушукшиссу*.

Ламы здѣсь почищаются грамотѣями, знающими писаніе; они же суть лѣкари и ворожеи. Особенно хвастаются дѣйствіемъ своихъ заклинаній или священныхъ наговоровъ, писанныхъ на Индійскомъ (Санскрипскомъ) языкѣ. Почему простые люди оказываютъ великое уваженіе Ламамъ и долгомъ набожности считаютъ принимать благословеніе отъ нихъ. Ламы благословляютъ возложеніемъ руки на шею, а для благословленія подходящъ къ нимъ съ опкрышою головою. Но какъ богослуженіе въ Монголіи совершается не на отечественномъ, а на Тибетскомъ языкѣ; шо самая большая часть Монгольскихъ Ламъ погружена въ грубѣйшее невѣжество. Вся ихъ ученость состоитъ въ буквальномъ чтеніи богослужебныхъ книгъ, и въ знаніи обрядовъ съ суевѣрными понятіями объ оныхъ. Только Ламы, образовавшіеся

въ Хласѣ, показывающъ довольно свѣдѣній въ догматахъ своей вѣры, также въ Магіи, Астрономіи и Медицинѣ. Въ исходѣ прошедшаго столѣтія хотя всѣ священныя Тибетскія книги переведены въ Пекинѣ на Монгольскій языкъ, но совершашъ богослуженіе на семь языкъ дозволено только одному находящемуся въ Пекинѣ монастырю Махагала - сумэ. — Сіе запрещеніе будещъ содержашъ Монголію во всегдашней зависимости отъ Тибета. Немаловажное обстоятельство для спокойствія Кипайской Имперіи!

Почитая Далай-Ламу и прочихъ Хушухшъ (*) очищенными и усовершенными чрезъ перерожденіе до высочайшей степени свящоспи, Монголы имѣющъ безпредѣльное къ нимъ почтеніе. Посѣщеніе, сдѣланное Хушухшою какой либо высокой особѣ, почтаешся рѣдкимъ счастьемъ. Перерожденіе Хушухшъ зависшъ не отъ ихъ назначенія, ниже отъ выбора Ламъ, но отъ воли Кипайскаго двора, который по своимъ видамъ указываетъ справу и домъ, гдѣ душа скончавшагося Хушухшы имѣешъ снова воплошьяся.

Въ правилахъ Ламской духовной жизни положены созерцательное сидѣніе, или умшвенная молишва ночная въ общемъ собраніи всей брашні, разныя добровольныя, но мучительнѣйшія изнуренія плоти, сидѣніе на гвоздяхъ, ношеніе цѣпей,

(*) Слово *Хутухту* значшъ *переродившійся, перерожденецъ*.

долговременное стояніе съ поднятыми вверхъ руками, затворничество въ сполпахъ, опшельничество въ пещеры, строгій постъ, въ кошоромъ всѣ даже пряныя овощи, какъ-то лукъ, чеснокъ и проч., имѣющія возбуждительную силу, запрещены. Но странно то, что Ламы какъ въ Монголіи, такъ и въ Тибетѣ, вѣруя переселенію душъ, употребляютъ въ пищу всѣхъ сѣдлыхъ животнохъ, исключая лошадей, свиней и рыбы.

Словесность и просвѣщеніе Монголовъ.

Въ древнія времена Монголы были раздѣлены на многія владѣнія, другъ ошъ друга независимыя. Любовь къ вольности не шерпѣла многосложнаго гражданскаго порядка; простота нравовъ и малочисленность дѣлъ не требовали онаго. За два вѣка до Р. Х. Модо-Ханъ соединилъ Монгольскія поколѣнія въ одну державу и привелъ подъ свое владычество сосѣдственные народы. Обширность предѣловъ и многосложность дѣлъ пошребовали новаго порядка. Тогда Монголы почувствовали нужды въ письмѣ и начали употреблять Кишайскіе гіероглифы, не приспособляя оныхъ къ своему языку, какъ сдѣлали Японцы, Корейцы и Тункинцы. По сей причинѣ Модо-Ханъ и его преемники давали великія преимущества ученымъ Кишайцамъ, поступавшимъ въ службу ихъ. Въ послѣдствіи уже каждый владѣтельный домъ въ Монголіи шакимъ же образомъ поступалъ; но думашъ надобио,

что сильныя поколѣнія, бывшія въ непосредственной связи съ Китаемъ, еще за долго до Модохана употребляли сію мѣру; въ противномъ случаѣ не могли бы заключать договоры съ Китаемъ: въ чемъ удостовѣряетъ Исторія.

Опъ время Модохана болѣе тысячи лѣтъ Монголія стояла на сей степенѣ просвѣщенія, и пастушеская ея словесность по возрастала опъ степенѣ благопріятствующихъ обстоятельствъ, по упала опъ недоспашка въ средствахъ къ ея поддержанію и возвышенію. Наконецъ въ XV вѣкѣ въ первый разъ показалось у Монголовъ собственное письмо. Оно изобрѣшено первымъ Киданьскимъ Государемъ Амба-гянемъ въ 920 году. Нючжисцы, испровергшіе Киданьское Государство, также изобрѣли въ 1119 году письмо, которое, по собственному ихъ признанію, составлено было изъ Киданьскихъ буквъ съ небольшими перемѣнами. Словесность сихъ народовъ, по изобрѣженіи письма, скоро пришла въ цвѣтущее состояніе. Обыкновенно опредѣляли къ должностямъ такихъ людей, которые на испытаніи получили степень Студентовъ, Кандидатовъ, Магистровъ и Докторовъ. Нючжисцы даже перевели на свой языкъ многія Кипайскія классическія книги. Но удивительно, что съ разрушеніемъ домовъ Киданьскаго и Нючжискаго не только памятники ихъ просвѣщенія и словесности, но и самыя буквы, утрачены, такъ что и до нынѣ не отыскано ни

одного отрывка, по которому бы можно было узнать форму употребляемых ими букв и судить о тогдашней лицеватуре ихъ. Чингисъ-Ханъ, основатель Монгольскаго дома, и его преемники употребляли Уйгурское письмо, также вели письменныя дѣла и на Киданьскомъ языкѣ. Уже въ 1269 году Тибетскій Лама Поксба изобрѣлъ нынѣшнія Монгольскія буквы. Въ Хубилаевомъ Манифестѣ по сему случаю сказано. „Нашъ домъ воспріялъ начало въ сѣверныхъ странахъ, и для объясненія отечественныхъ словъ употреблялъ письмо Киданьское и Уйгурское. Обращая взоръ на Ляо (Кидань) и Гинь, видимъ, что оба сія дома имѣли собственныя буквы. Словесность нашего языка мало по малу образовалась; но мы до сего времени еще не имѣли собственныхъ буквъ. Въ слѣдствіе сего государственный учитель (Го-ши) Поксба изобрѣлъ Монгольскія буквы, которыя нынѣ и разсылаемъ по провинціямъ, дабы впредь всѣ дѣла производимы были на нашемъ отечественномъ языкѣ. За таковой трудъ жалуемъ Поксбу титуломъ: *Изловань* (Король вѣры).“ Исторія присовокупляетъ къ сему, что число буквъ его простиралось до 1000 (*), и главное свойство ихъ состояло въ изображеніи тоновъ или звуковъ голоса.

(*) Изобрѣшенныхъ Поксбою буквъ считалось 41, а со складами до 1000.

Не смотря на выраженія Хубилаева манифеста, сіе изобрѣшеніе новыхъ Монгольскихъ буквъ, вѣроятно, было не что иное, какъ преобразование стараго Киданьскаго письма, употребляемаго и Нючжисцами. Въ семь предположеніи ушверждаютъ насъ двѣ причины: 1 е, невозможно, чшобъ потомки Киданьскаго дома, удалившіеся въ Тарбагшай, не могли сохранить прежняго своего письма; ибо основанное въ 1125 году здѣсь ими царство разрушилось уже въ 1201 году, когда Чингисъ-ханъ началъ усиливаться. Сверхъ сего первый на западъ Государь ихъ Блюй-Даши былъ по испытанію признанъ Академикомъ по словесности. Ошъ паденія же Нючжискаго дома до изобрѣшенія новыхъ Монгольскихъ буквъ прошло только 35 лѣтъ, и также совершенно невозможно, чшобъ въ столь крашкое продолженіе времени могло погибнуть письмо, употребляемое столь обширнымъ, могущесшвеннымъ и образованнымъ государствомъ, каково было Нючжисское. 2 е. Чшо самые Уйгуры, кошорыхъ письмо употреблялъ въ началѣ домъ Чингисовъ, были Тарбагшайскіе Монголы, ушвердившіеся въ восшочномъ Туркшпанѣ, гдѣ потомки ихъ, ошавшіеся къ Турпанѣ, не смотря на шо, чшо говорятъ Турецкимъ языкомъ и исповѣдуютъ Магомешанскую вѣру, и теперь употребляютъ древнее Уйгурское письмо, кошорое сходствуетъ съ нынѣшнимъ Монгольскимъ.

Съ другой стороны Хойхорцы и Киданьцы были одинъ и шопъ же Монгольскій народъ, но шолько подъ двумя именами, заимствованными опъ господствовавшихъ надъ ними домовъ. Но какъ Кидани имѣли главное пребываніе на самой границѣ, ошдѣлявшей Монголію опъ Маньчжуріи и существовали послѣ Хойхорцевъ; Хойхоры напрошивъ царствовали въ сѣверной Монголіи и имѣли шѣсныя связи съ западными народами: шѣ ближе и правдоподобнѣе полагаешъ, что Хойхорцы первые изобрѣли древнее Монгольское письмо, называемое по сему Уйгурскимъ, и положили изображаешъ буквы съ верху къ низу для примѣненія къ переводу съ Кишайскаго языка; домъ Киданьскій принялъ или усвоилъ оное себѣ уже по покореніи Монголіи. Нючжисцы, какъ извѣстно, заимствовали сіе письмо у Киданьцовъ. Кажешся, симъ же образомъ въ послѣдшви поступили и Монголы. Молчаніе Кишайской исторіи въ семъ случаѣ не можешъ служишъ опроверженіемъ, когда свидѣтельствами западныхъ историковъ доказано будешъ, что Хойхорское письмо существовало еще до X столѣтія. Но думаешъ съ Европейскими учеными, что Уйгурское письмо изобрѣшено коренными Турпанцами, прошивно здравому разуму; пошому что Турпанское Княжество, имѣющее нынѣ около 3000 семействъ, и въ древности было не многлюднѣе. Удобнѣе было сдѣлаешъ сіе Кашгару, или Яркани, какъ

городамъ многочислѣннѣйшимъ, имѣвшимъ тѣсную и непосредственную связь съ западными народами.

По изобрѣшеніи буквъ, Монгольская словесность, всегда противупоставляемая Китайской въ переводахъ, сдѣлалась богашою. Упражнявшіеся въ Монгольскомъ языкѣ увѣрили меня, что онъ сполько же обилень въ словахъ, какъ и Китайскій; между тѣмъ какъ въ Маньчжурскомъ языкѣ рѣдкое слово не имѣеть нѣсколькихъ значеній: ясное доказательство недоспашка словъ въ отношеніи къ числу понятій.

Въ продолженіе династїи Минъ, монастыри и Княжескія резиденціи въ Монголіи служили приближеніемъ словесности. При настоящей династїи Цинъ, съ того времени, какъ Монголы вступили въ Китайское подданство, всѣ общественныя дѣла ихъ производятся на Маньчжурскомъ и Монгольскомъ языкахъ. Для образованія юношества въ Монгольской словесности заведены Китайскимъ правительствомъ училища въ Калганѣ и Пекинѣ. Въ первомъ обучають Чахарскихъ дѣтей языкамъ Монгольскому и Маньчжурскому, приговоря ихъ къ производству письменныхъ дѣлъ по своему Корпусу. Въ Пекинѣ для Монголовъ, обучающихся своей словесности, установлено испытаніе, на которомъ дають задачи для перевода сочиненій въ прозѣ и стихахъ. Испытуемые раздѣлены на три класса, ш. с. на по-

спушающихъ въ Сшуденшы, Кандидашы и Магиспры.

Для пособія учащимся изданы словари: 1й на Маньчжурскомъ и Монгольскомъ; 2й на Маньчжурскомъ, Монгольскомъ и Кишайскомъ; 3й на Маньчжурскомъ, Монгольскомъ, Кишайскомъ и Тибетскомъ языкахъ. Сии три словаря въ сущестствѣ своемъ суть одинъ и тотъ же: разность состоитъ въ присовокупленіи языковъ. Но какъ здѣсь Маньчжурскій языкъ принятъ основаніемъ, съ котораго сдѣланъ переводъ на прочіе три языка; то естественно, что послѣдніе не могутъ быть полными. Сверхъ сего издано Монгольское Уложеніе на трехъ языкахъ: Маньчжурскомъ, Монгольскомъ и Кишайскомъ. Въ исходѣ прошедшаго столѣтія особенною Коммиссіею, составленною при Пекинскомъ Дворѣ, переведены всѣ священныя Тибетскія книги на Монгольской и Маньчжурской языки. При семъ случаѣ съ Тибетскаго переводили на Монгольскій, а съ Монгольскаго уже на Маньчжурскій. Сверхъ сего, въ Пекинѣ ежегодно печатающъ на семь языкъ пространнѣйшій Астрономическій Мѣсяцословъ для Монгольскихъ Князей. Въ заключеніе можно присовокупить, что въ Пекинѣ знаменитыя Тибетскія монастыри имѣющъ шипографіи, въ которыхъ печатающся словари и разныя богослужбныя и нравственныя книги на одномъ Монгольскомъ языкѣ; а въ Хласѣ высшее духовенство,

по причинѣ тѣсной связи съ Монголією, необходимою поставляешь имѣшь свѣдѣніе въ семь языкѣ. Сказываютъ, что въ Монголіи находятся и другія произведенія Лишперашуры ея, и въ печати и въ рукописяхъ; но мнѣ не случилось ихъ видѣшь.

Что касается до первоначальнаго происхожденія Монгольскаго языка, то не малое число находящихся въ немъ Турецкихъ словъ, означающихъ первые и ближайшіе къ человѣку предметы, ясно открываютъ источникъ онаго, такъ какъ и происхожденіе самаго народа отъ Турковъ (*).

(*) *Турками* называється осѣдлый народъ средней Азіи, обитающій на земляхъ отъ Аральскаго моря къ востоку до Комула, т. е. въ Коканъ и малой Бухаріи, кошорую вездѣ я называю *Восточнымъ Туркистаномъ*, потому что природные жители сихъ странъ называютъ свои земли *Туркистанъ*, а себя *Турки*.

Приносимъ усердную благодарность достопочтенному отцу Іакинѣу, и прежде уже украшавшему Московскій Вестникъ своими учеными, Европейскими спашьями, за доставленіе предложенной.

К Р И Т И К А.

Русскія книги.

1. *Пѣсни золотого рожка, отысканная рукопись неизвѣстнаго сочинителя.* Москва. Въ Типогр. Авг. Семена. 1827. въ 8-ку. 87 с.

2. *Лирическія поэмы, Николая Невѣдомскаго.* Русскій Орель. Наполеонъ. С. Петербургъ. Въ Тип. Имп. Воспит. Дома. въ 1828. въ 7-ку. 76 с.

3. *Признаніе на тридцатомъ году жизни. Повесть въ стихахъ. Сочиненіе Платона Волкова.* Москва. Въ Тип. Авг. Сем. 1828 въ 7-ку 27 с.

4. *Цѣвница. Стихотворенія А. Рѣдкина.* Москва. Въ Тип. С. Селивановскаго. 1828. въ пол. 8-ки. 46 с.

5. *Разбойникъ. Сочиненіе Петра Машкова.* С. П. Б. 1828 г. въ Тип. Г. Іоаннесова. въ 8. 40 с.

6. *Сельская жизнь. Стихотвореніе Семена Дьягкова.* Москва. Въ Тип. С. Селивановскаго. 1828. ва 17-ю д. 33 с.

Въ помъ же порядкѣ, въ какомъ поставили мы сіи стихотворныя произведенія, онѣ, по нашему мнѣнію, должны стоять и въ современной Лишерашурѣ. Не входимъ въ подробный разборъ оныхъ, потому что боимся непріятныхъ повщореній всего того, что уже сказали мы прежде при разборъ подобныхъ стихотвореній и поэмъ.

Въ Лирическихъ поэмахъ есть по крайней мѣрѣ нѣчто особенное и въ хорошемъ и дурномъ отношеніи, показывающее, что сочинитель не принадлежишь къ числу подражателей рабскихъ.

Въ хорошемъ — замѣшимъ начало:

„Высокій духъ спиховоренья,
 Подашель щедрый вдохновенья!
 Вишавшій въ младоспи вѣковъ
 Подъ вѣчной шѣнію Ливана,
 Надъ дымомъ Греческаго спана;

.....

При Ломоносовыхъ громахъ,
 Слѣтавшій во дворець Царицы!
 Чшобъ оправдашь пуши Творца,
 Водившій дерзкаго слѣпца
 По безднамъ адовой пучины,
 По первосозданнымъ цвѣшамъ
 Едемской, роковой долины:
 Дай силу, жизнь моимъ спихамъ, и проч.

Въ дурномъ:

Тамъ Волховъ плаващелей жадный,
 Къ сіяющему солнцу хладный,
 Глошавъ суда, какъ падшій снѣгъ,
 За холмы ошдвигаетъ брегъ;
 Подъ взброшеннымъ вѣшрами прахомъ,
 Онъ понижая дно лешись
 Къкъ спешью конь, объятый страхомъ.

Признаніе на 30 году жизни написано стихами легкими, индѣ забавными, напр.

По барски я всегда живаль,
 Обѣды черезъ день даваль;
 И въ посшный день и въ день скоромный,
 Бывало, шполь всегда огромный,
 Какихъ шупъ не было зашѣй?
 Всегда уха изъ шерлядей;
 Всегда запасы осешрины,
 И пшиць дворовыхъ и дичины;

.....

 Десершь выписываль бывало
 Съ нарочными издалека,
 И, словомъ, шолько молока
 Лишь пшичьего не доспавало.
 Шапо-ла-фишь какъ квась шекло
 И алой романе рѣкою
 Лился въ граненое шекло.

Будь гощь вельможа, — будь незнашный,
 Для всѣхъ бываль одинъ приемъ,
 Токай спруился аромашный
 Предъ пьяницей Секретаремъ,
 Кошорый послѣ ошзывался:
 „Напитокъ бы хорошъ казался,
 „Да что-шо силы мало въ немъ.“

Содержаніе очень бѣдно, и Авшору не шой-
 ло бы, кажется, шпуда признавашься въ шакихъ
 пошлоспяхъ предъ Публикою. Иное даже, (на с. 8.
 сшихъ 16 и 17; с. 9. сшихъ 1—6) чшашь нешри-
 яшно въ нравшвенномъ ошношеніи.

Издашеть Телеграфа, такъ выразился о Цѣвницѣ. „Первыя мечпы, первыя впечатлѣнія, произведенныя въ юной душѣ поэта зрѣлищемъ міра, общества и чтеніемъ поэтовъ, переданы здѣсь въ легкихъ, пріятныхъ стихотвореніяхъ, Подражанія Т. Муру, Ламаршину, Парни, Байрону, Гафицу и другимъ Персидскимъи Арабскимъ (*) Поэтамъ, и нѣсколько собственнхъ піесей составляютъ содержаніе этой не большой, красиво напечатанной книжечки.“ Мы прочли сей отзывъ Телеграфа, еще не издавши Цѣвницы, и съ радостію подумали было: у насъ явился новый Пушкинь, если не Байронъ; Поэтъ, передающій въ стихахъ свои впечатлѣнія, производимыя на него зрѣлищемъ міра и другими Поэтами. . . . Съ какимъ нетерпѣніемъ мы ожидали его произведеній . . . и чтожь? . . . намъ приносящъ книжечку въ полосьмушки; въ 46 страничекъ, въ которой нашли мы по одному подражанію всѣмъ высчитаннымъ поэтамъ, не имѣющему и пѣни сходства съ подлинникомъ, и нѣсколько альбомныхъ списковъ не совсѣмъ гладкихъ, не вездѣ логически правильныхъ. . . Читатель представитъ себѣ, какъ ужасно было наше разочарованіе!

(*) Иной насмѣшникъ сказалъ бы, что, по мнѣнію Телеграфа, Т. Муръ, Ламаршинъ, Парни, Байронъ, принадлежатъ къ числу Арабскихъ Поэтовъ.

Наконецъ *Сельская жизнь* могла бы стоять въ заключеніи шестидесятой полудюжины, если бы по грѣхамъ нашимъ накопилось такое количество поденныхъ риѣмосплененій. Здѣсь нѣтъ даже и стиховъ гладкихъ, нѣтъ даже *слѣдовъ* здраваго смысла. — Вотъ какъ Авторъ ошзывается о природѣ :

Природа насъ переселила,
Какъ въ міръ чудесный, неземной,
И всѣмъ прелестнымъ надѣлила,
И всюду блескъ простиерла свой.

Привѣщствую долины злчны,
И васъ, дремучіе лѣса,
И берега рѣки прекрасны,
Тебя священная краса!

Васъ, скалы дики, возвышенны,
Прохладная о роцей шѣнь,
И дубы вѣтхіе, надменны —
Тебя, прекрасный лѣпній день! и проч.

Совѣтуемъ Автору учиться Грамматику,
Просодіи, Логикѣ.

Опыты Александра Шишкова 2 го, 1828 года.
Москва. Въ Университ. Типогр. 1828. въ 8-ку 47 с.

Преимущественное достоинство стихотвореній Гна Ш. заключается въ ошдѣлкѣ стиховъ и онъ идешь по шрощѣ, избытой нашими под-

ражашелями. Къ сему замѣчанію, мы прибавимъ сожалѣніе наше, что Г. Ш., столь искусно владѣющій стихомъ, не обогащаетъ содержанія своей Поэзіи. Мы внимательно прислушивались къ гармоніи стиховъ его, и находимъ въ ней, что стихотворецъ не безъ внутренняго наслажденія пишетъ ихъ. Чтеніе писателей отечественныхъ иноземныхъ, Исторія, размышленіе, ученіе, — вошь средства къ обогащенію Поэзіи. Если къ нимъ прибѣгнешь Г. Шишковъ, то мы смѣемъ обѣщать ему, что стройный стихъ его не прозвучитъ даромъ, какъ пустой звукъ. Эша пріятная надежда заставила насъ особенное обратитъ вниманіе на Опыты Г. Шишкова 2го и ошдѣлимъ его произведенія отъ шести предъидущихъ.

С. III.

Замѣганія на сочиненіе Г-на Яковенка о Молдавіи и Валахіи, и проч.

(Письмо второе къ Издашелю Московск. Вѣспника).

Въ первомъ своемъ письмѣ, М. Г., я распрошился объ Исторіи Молдавіи и Валахіи, которую представилъ въ самомъ сокращенномъ видѣ. — Исторія сихъ двухъ земель собственно принадлежитъ къ Исторіи Болгарской Державы; — она въ спрагомъ смыслѣ не обни-

маешь Исторіи ни Славянь-Болгарь, ни Волоховъ вообще.

Исторію послѣдняго народа надобно искашь и дополняешь изъ Исторіи Трансильваніи и Венгріи; Валахія же собственно принадлежишь къ Исторіи Болгарь, и только въ новѣйшія времена ограничивается одними Волохами.

Спрана, называемая нынѣ Валахією, прежде была раздѣлена на разные округа, которые всѣ назывались именами Славянскими, ш. е. Болгарскими. Имена сіи отчасти и до нынѣ уцѣляли; отчасти простирающіяся только на малые уѣзды, или даже города. Наконецъ имя одного изъ сихъ уѣздовъ, Влашскимъ называвшагося, перешло и на цѣлую страну.

Итакъ Романскій, или такъ называемый Волошскій народъ собственно своей Исторіи не имѣешь; ибо онъ почти никогда не былъ народомъ самостоятельнымъ: переходя изъ рукъ однихъ господъ къ другимъ, его дѣянія не рѣдко поглощаемы были именемъ его господъ. Вся Исторія Волошкаго народа можешь состояшь только въ описаніи постепенныхъ перемѣнъ въ его судьбѣ. Посему на Исторію Валахій должно смотрѣть не иначе, какъ на Исторію Болгарской области.

Исторія Волошкаго народа любопытна и достойна вниманія Русскихъ Историковъ; но Исторія Болгарь есть крайняя необходимость для исправленія и объясненія Россійской. Можешь

быть, сіе мое положеніе покажется кому-либо необдуманнѣмъ; но я не сшану объ немъ здѣсь распространяться; ибо, сколь оно справедливо, покажешь время. Исторія Волоховъ послужилъ для объясненія Болгарской, а сія Русской: вошь отношеніе сихъ двухъ Исторій къ Русской. — Но обратимся къ Письмамъ Г. Яковенка.

Во *второмъ* своемъ письмѣ сочинитель говоритъ, что былъ угощенъ въ дворцѣ Господаря церемоніальнымъ образомъ. Воспользуясь симъ случаемъ, онъ наименовалъ Молдавскіе Государственныя чины, всегда сравнивая ихъ съ Волошскими, коихъ еще, по видимому, ни онъ самъ (ибо тогда только ѣхалъ въ Валахію), ни его читатели не знали. Изъ подобнаго сравненія происходитъ неясность, непонятность; естественнымъ порядкомъ надлежало бы прежде описать Молдавскіе чины безъ сравненій и потомъ прибѣгать къ сравненіямъ при описаніи Волошскихъ.

Послѣ чиновъ сочинитель даетъ понятіе о власти Господарей, — и вошь все, что онъ говоритъ о нынѣшнемъ состояніи Молдавіи. „Прочія подробности о Молдавіи“ продолжаетъ онъ „можете видѣть изъ Исторіи, Княземъ Кантемиромъ писанной“ слишкомъ 100 лѣтъ тому назадъ „и на языкъ нашъ давно уже переведенной *Василіемъ Левшинымъ*, 1789 года.“

Въ *четвертомъ* достоинъ замѣчанія списокъ Господарей, владычествовавшихъ съ памятныхъ

время въ сихъ двухъ обласяхъ до нынѣшняго времени.

Конечно подобныя хронологическія списки весьма важны для Историка, но тогда только, когда извлечены изъ Исторіи строгою кришикою. Къ несчастію, признаюсь должно, что мы не имѣемъ еще надлежащей исторіи сихъ земель; она находится отрывками у Византійцевъ, Турковъ, Венгровъ, Поляковъ и Малоросіянъ; посему и на списки сіи Государей нельзя полагаться совершенно. У меня есть при разные списки Молдавскихъ Государей, но всѣ при не сходны между собою во многихъ мѣстахъ не только въ лѣточисліи, но и въ самыхъ даже наименованіяхъ Князей.

По причинѣ сей сомнительности въ подлинности или достоверности списковъ Государей, я думаю нужнымъ удержаться на нѣкоторое время отъ приложенія къ собственнымъ именамъ Государей числительныхъ I-й II-й, III-й, и проч.; ибо если окажется какое либо изъ именъ несправедливымъ, то должна послѣдовать перемѣна и въ числахъ прочихъ Воеводъ; это будетъ шѣмъ непріятнѣе, что много Князей было одного и тогоже имени. Самаго вѣрнаго списка Воеводъ обѣихъ земель можемъ надѣяться тогда только, когда очистишься кришикой вся Исторія сихъ странъ.

Касательно именъ Князей сихъ странъ замѣчу еще слѣдующее. Въ спискахъ сочинителя пи-

семь многія Болгарскія имена Господарей находящяся въ сокращенномъ видѣ, и, кажешся, въ шомъ, какъ они произносимы были просшымъ народомъ; шакъ напрымѣръ *Радъ* естъ сокращенное имя шрехъ Славянскихъ-Болгарскихъ именъ: *Радованъ*, *Радиславъ*, *Радомиръ* (у Германскихъ Славянъ : *Радогосшъ*, *Радославъ*. Женщины какъ у Болгаръ, шакъ и у самыхъ Вандаловъ: *Рада*, *Радослава*, *Орада*). Къ симъ *Радамъ*, правившимъ Валахію, просшой Волошскій народъ прибавилъ окончательный членъ изъ своего языка *уль*, чшо сшошвѣшшвуешъ Французскому *le*, а Италіанскому *il*; ошскуда вышло *Радуль*. Сихъ Радуловъ въ Валахіи было до 11 или 12; посему дѣло въ шомъ, чшобы симъ Радуламъ возврашшшь ихъ настоящія подлинныя имена, ш. е. ошыскашь, если гдѣ возможно, кшо изъ нихъ назывался *Радомиромъ*, *Радиславомъ* и проч.

Такимъ образомъ изковеркано въ Драг-уль имя *Драгъ*, кошорое собшвенно естъ или Драгошъ, или Драгомиръ. (*Ошъ* естъ окончаніе Задунайскихъ Славянъ, какъ у Болгаръ и Сербовъ: *Урошъ*, *Милошъ*, *Драгошъ*). — Сюда принадлежашъ и имена: 1. *Владъ*, кошорое значишь или Владиславъ, или Владиміръ; впрочемъ нѣсколько Владиславовъ находишся въ спискѣ Воеводъ Валахіи; посему я думаю, чшо *Влады*, коихъ естъ нѣсколько, сущъ собшвенно Владиміры. — 2. *Данъ*. Ихъ естъ нѣсколько въ спискѣ Валахіи; сіе

имя естъ сокращенное или, лучше, послѣдній слогъ именъ: *Богданъ*, *Мирданъ*, *Проданъ*. Всѣ сіи имена еще и нынѣ въ употребленіи у Карпашо-Россовъ въ Венгріи, и замѣняюща въ обыкновенномъ разговорѣ однимъ словомъ *Данъ*, или уменьшительнымъ *Данко*. Молдаване же своихъ *Дановъ* произносили цѣльнымъ именемъ — Богданами, коихъ было до 5 ши. — 3. *Мириша*, а не *Миртга*, какъ пишешь Сочинишель, естъ имя Михаила, какъ и *Михна*. — 4. *Щербана*, какъ у Сочинишеля, никогда не бывало, но были *Щербаны* или *Сербаны*; оба сіи имена и нынѣ употребляюща у Карпашо-Россовъ: первое ошь слова *Щербавый*, или *Щербашый*, а послѣднее ошь глагола *сербаяу* ш. е. хлебаю; оба означаютъ качество лицъ, къ коимъ они прилагались и проч. Наконецъ, прибавлю еще, что Волохи въ обоихъ Княжествахъ названіе *Воевода* превратили въ *Вода*, на пр: *Радул-Вода*, ш. е. Воевода Радиславъ.

Обозрѣніе Букареста, гдѣ слишкомъ 80,000 жителей, слишкомъ поверхностно, и заключаетъ въ себѣ простое исчисленіе шѣхъ предметовъ, кои попались шолько на глаза Сочинишеля; посему мы шолько же познакомились съ жителями Волошской столицы, сколько съ гражданами Самарканды, или Алеппо. Даже онъ, кажешся, нарочно избѣгалъ представитъ намъ нравственное сосшоаніе жителей сей столицы, которое шолько же важно, какъ и простое исчисленіе церквей, домовъ и проч.

5-ое Письмо. Въ семь писемъ Сочинитель говоритъ нѣсколько подробнѣе о положеніи Іерархіи въ Валахіи, о числѣ монастырей, церквей, священниковъ, діаконовъ и проч.

„Изъ числа протоіереевъ, священниковъ и діаконовъ“ говоритъ онъ между прочимъ „въ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ мало есть такихъ, кои бы опличали себя познаніемъ наукъ и свѣдѣніями, для духовнаго наставника необходимо нужными.“

Сія участь Духовенства равна во всѣхъ Христіанскихъ обласяхъ, подвласныхъ Туркамъ. Причиною тому Сочинитель приводитъ „несуществованіе порядочныхъ училищъ“; а этому что причиною? непросвѣщеніе народа. Впрочемъ, если обращать вниманіе на просвѣщеніе и образованность цѣлаго общества по его сословіямъ, то, безъ сомнѣнія, прочимъ должно предшествовать духовное; эшошь порядокъ есть здравый, естественный, необходимый для поддержанія добра-правія. —

Обозрѣвъ Волошскую Іерархію, Сочинитель касается древней вѣры, нѣкогда господствовавшей въ сей странѣ; Впрочемъ онъ и здѣсь попросилъ монаха-спарца (какъ и въ другихъ мѣстахъ не самъ говоритъ, а заставляеть рассказывать посѣщенныхъ имъ шугемцевъ) сказашъ ему: „какая вѣра была исповѣдуема въ Валахіи прежде введенія Христіанской? Спарецъ отвѣчалъ, что

сіе покрьшо совершенно неизвѣстностію, но надобно думать, что древніе Даки поклонялись такимъ же богамъ, какихъ суевѣріе возстановляло и между Скивами, какъ-то *Перуну, Купалу, Ладо* и тому подобнымъ.“

Почт. старецъ, по манеру Византійскихъ монаховъ, коснулся кое-какъ до Даковъ и Скивовъ, и, можешь быть, еще прибавилъ въ угодность Славяно-Русскому путешественнику имена: *Перуна, Купала* и *Ладо*. Впрочемъ онъ, высказавъ свое мнѣніе для поддержанія разговора, опіюдь не надѣялся, что Сочинитель внесетъ его слова въ число своихъ многолѣпныхъ наблюдений въ Валахіи вмѣсто наличной истины.

„А Христіанская вѣра“ продолжаетъ старецъ „распространена въ Валахіи около 325 года послѣ Р. Х. Находившійся тогда въ Дакии Епископъ Никиша, бывшій на Соборѣ Никейскомъ, удостоился чина и званія Апостола или Провѣдника въ Репезію, называемую нынѣ Банатомъ. Сооружены были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ четыре церкви съ каменными вокругъ оградами, и ученіе Божіе чинаемо было въ оныхъ на разныхъ четырехъ языкахъ. Но въ послѣдствіи произошли столь великія въ сей землѣ бѣдствія, что ни церкви, ни какое либо другое учрежденіе не могли сохраниться въ своемъ существованіи.“

Послѣ сего Сочинитель непосредственно присовокупляетъ, что первый Митрополищъ въ Ва-

лахіи былъ *Нифонъ* въ концѣ XV столѣтія. Какой опять скачекъ съ 325 году до 1485! Какая же вѣра была въ сей странѣ, если проповѣдники, представшіеся послѣ 325 году, изгнаны, и чешыре церкви разрушены, и когда опять въ сіи страны введено Христіанство?

Болгаре съ 400 году изгнали изъ сей страны Римскихъ проповѣдниковъ, а въ послѣдствіи и изъ Мизіи; — и Христіанство, начавшее со времени Константина Великаго распространяться къ Дунаю, и даже переходить за оный въ Дакійскія Римскія колоніи, опять изгнано обратно сими гордецами за Балканы, копорые долгое время были сѣвренною его границею. Съ сего времени господствующая вѣра въ Болгаріи, Валахіи, Венгрии, Молдавіи, была Болгарская, ш. е. одна и ша же съ Русскою; ибо Болгаре шаже чтили *Перуна*, *Купалу*, *Ладо*, какъ и Русскіе; посему въ нѣкошоромъ отношеніи почтенный старецъ не ошибся, замѣнивъ только Болгарь Даками, копорые назывались дѣйствительно и Даками; ибо населяли страну обширную, называемую Дакіею. — Однако Волошскій народъ почишалъ другихъ боговъ, ш. е. другія имена, копорыя были въ употребленіи у ихъ единоплеменниковъ, Римлянъ. Досшойно замѣчанія шо, что Волохи еще и нынѣ Бога называютъ *Домнь-Зеу*, Господиномъ Зевесомъ, *Dominus Zeus*.

Наконецъ съ 865 году Христіанская вѣра изъ-за Балканскихъ горъ вдругъ распространилась по всей Болгарской Державѣ, въ Болгарію, Венгрію, Валахію, Молдавію до береговъ Днѣстра и Днѣпра; въ послѣдствіи же она проникнула въ Сербію, Кроацію и Далмацію; въ слѣдъ за снмъ принялъ оную, вмѣстѣ съ Болгарскими письменами и Болгарскимъ богослуженіемъ, изъ рукъ самихъ же Болгаръ, и Волошскій народъ, преимущественно обитавшій въ Трансильваніи около 935—940 годовъ. Вотъ начало Христіанства въ Валахіи!

Въ заключеніе сего Письма Авторъ приводитъ слова почтеннаго старца касательно двухъ мнѣній о происхожденіи Волошскаго языка, изъ коихъ одно гласитъ, что сей языкъ произошелъ отъ Латинскаго, а другое отъ Италіанскаго. *Idem per idem.*

Къ несчастію сей народъ былъ до недавнихъ временъ почти неизвѣстнымъ Европѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и его языкъ. Въ послѣдней половинѣ прошедшаго столѣтія Тунманъ спалъ обращать вниманіе на знакомые только по имени народы юго-восточной Европы, и между ними на Волоховъ. Къ сожалѣнію, сей проницательный мужъ не былъ коронко знакомъ съ Волошскимъ языкомъ, послѣдствіемъ чего было то, что онъ касательно происхожденія сего народа увлекся въ странныя и неосновательныя предположенія.

Послѣ него писатели спали чаще поговаривать о семъ народѣ въ отдаленныхъ углахъ Ев-

ропы, и шуть-шо пошли новыя предположенія о древней исторіи Волоховъ. Тунманнъ думалъ, что Волохи старожилый народъ Фракіи и Иллиріи; другіе спали полагають, что сей народъ произошелъ изъ какой-шо смѣси Гепидовъ, Гешовъ, Готовъ, Даковъ, даже Скивовъ или Сарматовъ и Римскихъ бѣглецовъ. Сихъ послѣднихъ прибавили, услышавъ, что въ Волошскомъ языкѣ есть много словъ Латинскихъ; прочія для нихъ непонятныя они производили изъ разныхъ языковъ, о коихъ они не имѣли ни малѣйшаго понятія. Были даже и такіе ученые, копорые Волоховъ принимали за одно и тоже съ Болгарами.

Разные кривые толки о семъ народѣ произошли отъ того, что ни одинъ изъ любопытныхъ ученыхъ, 1-ое, не обратилъ вниманія на Исторію пространныхъ Римскихъ колоній въ восточной Венгріи, Трансилваніи и отчасти Валахіи (*in Dacia Cisalpina, Alpestri, et Transalpina*), вытѣсненныхъ въ послѣдствіи Болгарами въ горы Трансилваніи; 2-ое, никто изъ нихъ не былъ знакомъ ни съ самымъ народомъ, ни съ его языкомъ.

Кажется впрочемъ, что въ настоящемъ столѣтій, при постепенномъ развитіи *языкознанія и народописа* (Филологіи и Этнографіи), можно было надѣясья ошущупленія отъ прежнихъ бредней; и дѣйствительно въ послѣднее десятилѣтіе до 1820 году уже во всей почти Европѣ спали

увѣряясь въ совершенномъ Лапшинизмѣ Волоховъ, въ чемъ Венгерцы, ихъ соотечественники, увѣрены были уже слишкомъ 200 лѣтъ тому назадъ; какъ вдругъ недавно въ Московск. Телеграфѣ (1827. No 16) при объявленіи о появленіи Волошской Грамматики Издашель громогласно спрашивала у своихъ читательей: Что это за народъ? что это за языкъ? откуда онъ?

Между тѣмъ самъ Изд. Т. общался читателямъ своимъ рѣшить заданные имъ вопросы; но рѣшенія до сихъ поръ еще не было. — Впрочемъ удивляюсь, какъ могъ почт. Изд., какъ Филологъ, предлагать подобные вопросы о Романскомъ (Волошскомъ) языкѣ, имѣя предъ собою Грамматику онаго? — И такъ, Сочинитель хорошо сдѣлалъ, придерживавшись настоящаго мнѣнія, или лучше сказать самой истины о происхожденіи Волошскаго языка, которую доказывать не нужно и излишне; ибо доказательство на лицо языкъ живой народа.

Сей народъ между тѣмъ, будучи безпрестанно подверженъ власти разныхъ иноплеменныхъ народовъ, принялъ въ свой языкъ много словъ иноплеменныхъ. Наиболѣе словъ принято Болгарскихъ, которыя до сихъ поръ называли общимъ именемъ Славянскими, иные Русскими. Впрочемъ все равно; однако замѣшимъ, что сіи слова болѣе признавать надо за Болгарскія; ибо Волохи болѣе и непо-

ерественнѣ обращались съ Болгарами, чѣмъ съ Россіянами.

Кромѣ сего, есть также оволошенные Венгерскія (Мадярскія), Греческія, Турецкія, но въ меньшемъ противъ первыхъ количествѣ. Всѣ сии слова однако склоняются по законамъ Грамматики Волошскаго языка. —

Письмо 6. Объ обычаяхъ Боярь Сочинитель говоритъ поверхностно и недоспапочно; о характерѣ просполюдиновъ и свойствахъ онъ сказалъ только, что между ими, какъ водится, есть и добрые люди и злые.

Письмо 7, 8, 9 и 10, посвящено Спасишпическимъ свѣдѣніямъ о Валахіи, довольно любопытнымъ, хотя однако не совсѣмъ полнымъ. 11-е представляешь подробное раздѣленіе Валахіи на уѣзды, пласы и раи. 12-ое о числѣ жишелей и о раздѣленіи ихъ на классы. 13-ое о Боярахъ и дворянствѣ и 14 о разныхъ департаменшахъ Волошскаго Правительсва.

Вообще сии послѣднія письма болѣе подробны и болѣе достойны вниманія, ибо собственно составляютъ Географію Валахіи, которой мы до сихъ поръ еще не имѣли.

Не сомнѣваюсь, что сочинитель извлекъ свои Географическія свѣдѣнія изъ подлинныхъ и вѣрныхъ источниковъ, ибо онъ могъ имѣть дѣйствительно вѣрный географическій списокъ отъ какого либо чиновника Волошскаго Правительсва. Я

здѣсь сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія касательно
именъ Географическихъ, приведенныхъ Г. Сочини-
телемъ Писемъ :

1-ое. Соч., какъ можно полагаешь, воспользо-
вался какимъ нибудь Географическимъ сочиненіемъ
на Волошскомъ языкѣ ; имена Плассъ и Плай, ш.
е. небольшихъ округовъ, на которые раздѣля-
ются уѣзды, совсѣмъ не переводилъ, а внесъ
въ Русское свое сочиненіе буквально, на Волош-
скомъ языкѣ. Это непроспешельно, ибо онъ пи-
салъ для Русскихъ, а не для Волоховъ ; сверхъ
сего сіи названія, находящіяся большею частію
въ единственномъ или родительномъ множ. Во-
лошскаго языка, неудобосклоняемы въ Русскомъ ;
или если даже и спали бы склоняшь оныя, то
выйдешь, что собственное имя округа, умно-
женное окончаніемъ родительнаго Волошскаго па-
дежа, еще сдѣлается длиннѣе новымъ прибавле-
ніемъ окончанія Русскаго падежа ; такъ на при-
мѣръ : настоящее названіе одного округа есть
Сланикъ ; Волохи, какъ я выше замѣшилъ, приба-
вляюшь къ именамъ опредѣлительную частицу
уль, выйдешь имен. падежъ на Волошск. языкѣ
Сланикуль.

Волохи шамъ, гдѣ Россіяне, или Болгаре,
или другіе Славяне дѣлаюшь изъ именъ при-
лагательное, кончащееся на *скій*, *скаля*, *ское*,
употребляюшь род. падежъ единственнаго или
множеств. (въ чемъ они подражаюшь своимъ еди-

ноплеменникамъ, Италіанцамъ, Французамъ, Испанцамъ); такъ *Сланикуль* въ родительномъ будешъ *Сланикулуй*, что именно соотвѣтствуетъ въ Волошскомъ Русскому: *Сланикскій, а, ое*. Такъ и въ множ. *Тоханилоръ*, по Русски: *Тоханскій*. Кто же станешъ склоняшъ: на пр. я приѣхалъ изъ *Сланикулуя*, или *Сланикулуя* буря причинила разореніе, или *Сланикулуйскій* или *Тоханилорскій*? Однако же необходимость заставляешъ склоняшъ Географическія имена. Какой вздоръ, какая чепуха вышла бы по росписи Географическихъ именъ Г. Яковенка! Какъ хохотали бы Волохи чижая: *Мижлокулуйскій* вмѣсто *средній*!

Я сіи строки прибавилъ для предостереженія будущихъ Географическихъ писателей отъ подобной галимашьи и наведенія на себя Волошскаго смѣху; для чего и прибавляю здѣсь настоящія названія округовъ Валахіи, параллельно съ Волошскими названіями сочинителя.

Названія Волошскія по. Русскія.

Г. Яковенку.

х. Уѣздъ Сламъ: Рымникскій.

П л а с с ы.

О к р у г и.

Балціи - - - - -	Балшскій.
Градисти - - - - -	Градищескій.
Максиненилоръ - - -	Максинянскій.
Мижлокулуй - - - - -	Средній.
Белегешци - - - - -	Бѣлогешскій.
Мулковулуй - - - - -	Милковскій.

Муншелорь - - - -	Горской.
Рымнии - - - -	Рымнянскій.
Рымникулуй де Сусь -	Рымникскій верхній.
Рымникулуй де Жось -	Рымникскій нижній.
Плая : Рымникулуй. -	Рымникская.

2. *Уѣздъ Бузевскій.*

Кимпулуй " " " "	Кампскій, или лучше По- левой.
Писте-Бузео - - -	Писте-Бузевскій.
Середии - - - -	Серешскій.
Плаи : Сланикулуй -	Сланикская.
Пирековулуй " " -	Пирековская.

3. *Закуянскій или Буковскій.*

Кимпулуй " - " "	Кимпскій.
Тоханилорь - - -	Тоханскій.
Криковулуй " - -	Криковскій.
Подгории - - - -	Подгорскій.
Скаенилорь - - -	Скаенскій
Плаи : Теляжна - -	Теляженская.
Дешре-Бузео - - -	Д.-Бузевская.

4. *Праховскій*

Кимпулуй - - - -	Кимпскій.
Рыфувулуй - - - -	Рыфовскій.
Тиршовулуй - - - -	Тиршовскій.
Филипешилорь - -	Филипештскій.
Телеци - - - -	Тълецкій.
Плая : Праова - - -	Прахова, Праховская.

5. *Дубовицкій, а не Димбовицкій.*

Яломица - - - -	Яломицкій.
Корнацелулуй - - -	Корнецъльскій.
Боленшину - - - -	Болошнянскій.
Мижлокулуй - " -	Средній.
Вахарешти - - - -	Вахарештскій
Кирчиновелуй - - -	Кирченовскій, или Кри- чановскій.

Димбовица - - - -	Дубовицкій.
Дялулуй де Сусь - - -	Дялскій или Горской верхній.
Плаи: Димбовица - - -	Дубовицкая.
Яломица - - - -	Яломицкая.

6. *Мушелевскій.*

Аржишулуй - - - -	Аржишскій.
Ріулуй Дошны - - - -	Порѣцкій.
Брадиань-Буга - - - -	Бугскій, или Брадиань- скій.
Аржишулуй де жось - - -	Аржишскій нижній.
Дялулуй - - - - -	Дялскій.
Кирчиновулуй - - - -	Кирченевскій.
Плаи: Димбовица - - - -	Дубовицкая.
Нукшора - - - - -	Никшорская.

7. *Аржишскій.*

Сепечин де жось - - -	Сепечинскій нижній.
Олшулуй де жось - - -	Олшовскій нижній.
Кременарилорь - - -	Кременарьскій.
Олшулуй де Сусь - - -	Олшовскій верхній.
Тополсгулуй - - - -	Топологскій.
Аржишулуй - - - - -	Аржишскій.
Питештилорь - - - -	Питештскій.
Валсанулуй - - - - -	Валсанскій (собств. Во- лосянскій).
Плаи: Арифулуй - - - -	Аривская.
Ловици (или Кійнени)-	Ловичская, Ловицкая или Кійнянская.

8. *Яломицкій.*

Ликирешшилорь - - -	Лъкарещевскій.
Спельники - - - - -	Спельницкій.
Орашулуй - - - - -	Орашскій.
Слободзея - - - - -	Слободскій, Слободійскій.
Гирбовилорь - - - - -	Гирбовскій? Горбовскій? Грибовскій?
Жилавы - - - - -	Жилавскій.
Аридулуй - - - - -	Аридовскій.

9. *Илфовскій.*

Чоконешшилорь	- -	Чеканищскій.
Обилещи	- - - -	Обилещескій.
Мостище	- - - -	Мостищескій.
Гергицы де жось	-	Гергицкій нижній.
Знаговулуй	- - - -	Знаговскій.
Гергизцы де Сусь	- -	Гергизкій верхній.
Сабарулуй де Сусь	-	Сабарскій верхній.
Сабарулуй де Жось	-	Сабарскій нижній.
Димбовицы де Сусь	-	Дубовицкій верхній.
_____ де Жось	-	_____ нижній.
Негоещи	- - - -	Негоевскій.
Олшеницы	* - * -	Олшеницкій.

10. *Влашескій.*

Кобии	- - - -	Кобійскій.
Галасещилорь (голо-	- - - -	Годосянскій.
сиче!)	- - - -	
Изворулуй	- - - -	Изворскій.
Гречелорь	- - - -	Греческій.
Огрizenилорь	- - - -	Огрызянскій.
Кильници	- - - -	Килницкій.
Фрасинетулуй	- -	Фрасинешекій.
Ходовой	- - - -	Ходовой.
Балци	- - - -	Балшескій или Балдскій.

11. *Телеорманскій.*

Вежи	- - - -	Вежскій.
Копмени	- - - -	Копменскій.
Телеорманя де Сусь	-	Телеорманскій верхній.
_____ де Мижлокъ-	-	_____ нижній.
_____ де Жось	-	_____ средній.
Мижлокулуй де Жось	-	Средній.
_____ де Сусь	-	верхній.
Сиргулуй	- - - -	Сирговскій.
Маржини де Жось	-	Маржинскій нижній.
_____ де Сусь	-	_____ верхній.

12. *О л т о в с к і й.*

Олшулуй де Сусь	-	Олшовскій верхній.
Вежи	- - - -	Вежскій.
Плипчи	- - - -	Плипецкій.
Мижлокулуй	- - -	Средній.
Сербанашилорь	- -	Сербанскій.
Калмачугулуй	- - -	Калмачугскій.
Маржини	- - - -	Маржинянскій.
Олшулуй де Жось	-	Олшовскій нижній.

*Увзды Малої Валахїи.*13. *Р о м а н а ц к і й.*

Балци де Сусь	• •	Балцкій верхній
_____ де Жось	-	_____ нижній
Олшулуй де Сусь	- -	Олшовскій верхній
_____ де Жось	•	_____ нижній
Олшецу де Сусь	- -	Олшецкій верхній
_____ де Жось	•	_____ нижній
Тежлугулуй	- - -	Тежлужскій
Кимпулуй	- - -	Кимпскій
Мижлокулуй	• • -	Средній.

14. *Д о л ж е в с к і й.*

Кимпулуй	• • -	Кимпскій
Балци де Сусь	• -	Балцкій верхній.
_____ де Жось		_____ нижній.
Думбравы де Жось	-	Думбравскій нижній.
Думбравы де Сусь	-	Думбравскій верхній.
Жіуль де Жось	• -	Жіулскій нижній.
_____ де Сусь	-	_____ верхній.
Хамрезуль де Жось	-	Хамрезскій нижній.
_____ де Сусь	-	_____ верхній.
Чилоршуль	- - -	Чилоршскій.

15. *В о л т е в с к і й.*

Олшулуй де Сусь	-	Олшовскій верхній.
Олшулуй де Жось	-	_____ нижній.
Черни де Сусь	- -	Чернянскій верхній.

Черниі де Жось - -	Чернянскій нижній.
Олшецулуй де Сусь -	Олшецкій верхній.
Олшецулуй де Жось -	Олшецкій нижній.
Опешеулуй де Сусь -	Опешевскій верхній
Опешеулуй де Жось -	Опешевскій нижній.
Рымникулуй - - -	Рымникскій.
Плаи: Хорезулуй - -	Хорезская.
Козиі - - - - -	Козенская.

16. *Гаржескій.*

Тисмана де Сусь - -	Тисманскій верхній.
Тисмана де Жось - -	Тисманскій нижній.
Жіуль де Сусь - -	Жіулскій верхній.
_____ де Жось -	_____ нижній.
Цилортулуй де Сусь -	Цилортскій верхній
Цилортулуй де Жось -	Цилортскій нижній.
Хашрежи де Сусь - -	Хашрежскій верхній.
Хашрежи де Жось -	_____ нижній.
Плаи: Новачилорь -	Новачская.
Вулканулуй - - -	Волканская.

17. *Межединскій:*

Жилцулуй де Сусь -	Жилецкій верхній.
Жилцулуй де Жось -	Жилецкій нижній.
Думбравы де Сусь -	Думбравскій верхній.
Думбравы де Жось -	Думбравскій нижній.
Киппулуй Сусь и Жось	Кимпскій верх. и нижній.
Блахница де Сусь - -	Блахницкій верхній.
Блахница де Жось -	Блахницкій нижній.
Околулуй де Сусь -	Окольскій верхній
Околулуй де Жось -	Окольскій нижній.
Бая - - - - -	Боянскій.
Плая: Клошаны - -	Клошанская.

8-ое. Подобнымъ же образомъ представилъ намъ Г. Соч. писемъ названія городовъ, мѣстечекъ, монастырей и проч. на которыя сдѣлаю еще нѣкоторыя замѣчанія.

(*Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ*).

Иностранная книга.

Das Concrete Allgemeine der Weltgeschichte von Dr. Chr. Karr. Erlangen 1826 Конкретное всеобщее Исторіи, соч. Карра.

(Сообщено).

Недавно Романшизмъ былъ у насъ причиною жестокой войны въ обласяхъ Литературы: сотни изломанныхъ перьевъ, попоки различныхъ чернилъ, изодранные листки журналовъ, наполненные кришиками и аншикришиками по сему поводу — служашъ до сихъ поръ жалкими оспащками ученой бипвы! Чемъ же все это кончилось? — Миромъ, обыкновеннымъ слѣдствіемъ подобныхъ явленій, миромъ, кошорымъ однакоже Романшизмъ не проигралъ ничего кажется, опказавшись опъ *сладкихъ* вздыханій, опъ *тудовицныхъ* привидѣній и всей свиты подобныхъ пособій неопытнаго воображенія, кошорыми оно хотѣло замѣнить сущность. Пестроша лоскушковъ романшической одежды поразила взоры постояннаго классицизма, кошорый по временамъ на пьедесталѣ своего древняго Аполлона видалъ Арлекина со всѣми ея фарсами: но это была одежда, въ кошорую только рука неискусныхъ облекала високаго предшавителя вѣка, искажая блестящій яркими цвѣтами царшвенный хитонъ его. Наконецъ внимательное наблюденіе умѣло оплечить подлинное опъ ложнаго, очищенный вкусъ рѣзко опдѣлялъ ничтожныхъ самозванцевъ опъ

законнаго властителя, и благодѣтельное спокойствіе подъ щитомъ генія времени провело его въ храмъ изящнаго. Все это еще слишкомъ для насъ ново, и не могло бытъ еще забыто — Но миръ, водворяющійся между поэтами, не остановилъ еще жестокой брани въ области Философіи. Рецензія на Исторію *Каппа* въ листкахъ одного изъ Германскихъ журналовъ невольно указываетъ на это! Долголи же, по крайней мѣрѣ, ждешь и здѣсь примиренія? Не могушь ли собрать Поэты подать собою примѣра собратамъ Философамъ? — Находя подобныя причины - можно бы ожидать, кажешься, и подобныхъ послѣдствій. —

Г. Каппъ въ сочиненіи своемъ *Das concrete Allgemeine der Weltgeschichte* представляешь собой относительно Философіи такое же лице, какими являюся собственно такъ называемые *подражатели* повѣйшихъ поэтовъ-романтиковъ, Гёте, Байрона и др. . . и потому можешь заслуживать особенное вниманіе наблюдающихъ ходъ современнаго просвѣщенія. Жаль Г. Каппа; жаль, что онъ съ брашюю, подобно размалеванному Романтикамъ, долженъ бытъ въ свою очередь жертвою для искупленія лишшерапурнаго спокойствія: но чтожь дѣлать, если того пребуешь общая польза, если это пожертвованіе можешь обѣщать продолжительный миръ между раздраженными учеными! Каждое явленіе въ обширной области ума имѣетъ свою слабую сторону: поддѣльному ша-

ланшу остается только приложить свое старание — и самый нѣжный природный цвѣтъ обратится въ грубые румяна. Вертеръ и Фаустъ породили такія уродливыя изчадія, что самъ Гёте ужаснулся и принужденъ былъ лечить испорченные желудки своихъ современниковъ: для здраваго смысла не излишни были бы такія средства и въ области современной Философіи. Черезъ чуръ гошическая одежда и огромные, почти схоластическіе парики, въ которыхъ нѣрѣдко едва, едва можно опыскашь какую нибудь мініашюрную фізіономію и маленькое тѣло *мысли-карлика* спюють добраго приѣма микстуры изъ *Ахалкинныхъ*, *Вдохинныхъ* и наряженныхъ Мефистофелей а ла *саміель* во Фрейшюцъ! Такіе фантомы всегда должны быть опличаемы отъ существеннаго и по возможности изгоняемы изъ области ума: жаль, что и Г. Каппа должно опнести сюда же! — Но обратимся къ Германскому Рецензеншу; посмотримъ, въ чемъ состоятъ его обвиненія противъ Философа-Историка, обвиненія, которыхъ могутъ доставить пользу если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ большей половинѣ новыхъ Философовъ, подвижающихся во славу всѣхъ возможныхъ наукъ. — Справедливыя упреки Рецензента обращены противъ совершенно непонятнаго изложенія мыслей, противъ набора словъ, ни какого, или по крайней мѣрѣ опредѣленнаго смысла неимѣющихъ. Такъ, ссылаясь на страницы выписываетъ онъ

примѣръ для умствуюющей публики слѣдующія мѣста изъ сочиненія Г. Каппа, гдѣ Философъ вознесся кажется выше самаго себя :

С. 44. „Персія является въ реально-положительномъ особенномъ отношеніи къ исторіи. Внутренность ея мало извѣстна; верхняя страна съ нижнею представляется въ сліяніи; многія свободныя племена — зависящими реально въ ихъ самобытности отъ одного общаго пункта. — Индіи ошвлеченная средина проспирается въ Тибешъ и шакже далеко на западъ распространяется ошвлеченное воззрѣніе идеальности воспочнаго духа.“

С. 84: „Греція ешь по необходимости Демокрація, ибо воля не проникла здѣсь до конкретной внутренней и объективно политическаго идеалишета, ни до верхности самобытнаго существованія,“ и проч. — „Здѣсь является оправданнымъ въ себѣ начало гражданственнй общественности въ бореніи съ Европейскою, уже швердое образованіе правъ объщающею опредѣлительностью субъективной естественности воспочныхъ, или Теоократическихъ формъ, ипр.“ — С. 113. Римляне, вполне превосходные въ національномъ понятіи особенныхъ правъ для себя въ ошвлеченной опредѣленности ихъ непосредственно систематической общности, въ семъ практическомъ основаніи имѣли источники и своей силы и добродѣтели, а не въ философскомъ понятіи безусловной (вышей) и конкретной

общности.“ С. 144: „Карла Великаго субстанці-
альное, Европейски реальное обнаруживающееся
единство въ общемъ могуществѣ самосущаго иде-
алишета и оплеченнаго самосознанія Христіан-
скихъ вѣковъ и проч.“ (*) —

Рецензентъ говоришь — „довольно! —
Очень довольно, Милосливый Государь! На такія
драгоценности не должно быть распочишель-
нымъ!“ — Рецензентъ выписываетъ сіи мѣста съ
шѣмъ, что бы показать Нѣмецкой публикѣ ихъ
нелѣпость; мы для нашей — съ шѣмъ, чтобы
она взяла на себя прудъ оплечить подложное отъ
существеннаго, пудренные парики à trois marteaux,
фижмы и всѣ крѣпостныя укрѣпленія древнихъ
костюмовъ отъ необходимаго, приличнаго одѣя-
нія по правиламъ очищеннаго вкуса, сообразнаго
съ потребностями времени и обстоятельствомъ.
Въ самомъ дѣлѣ, къ чему можешь служить шакой
наборъ высокошрансцендентальныхъ выраженій въ
различныхъ ихъ соединеніяхъ, напоминающихъ
шолько теорію комбинацій математическихъ ве-
личинъ? Ужели это философія? ужели въ томъ
шолько состоить сія, по выраженію Цицерона,
*путеводительница жизни и наставница въ до-
бродѣтели*, чтобы поклявшись, какъ говоришь
Рецензентъ, *in verba magistri*, часто не постиг-
нушыя, благоговѣшь предъ ними, какъ предъ
шайнспвенными символами, и вмѣсто того, что-

(*) Чуръ нашего мѣста! Чуръ нашего мѣста! М. П.

бы сообщать другимъ мысли, передавать только слова? Рецензентъ весьма кстати рассказываетъ анекдотъ, что во время французской революціи въ одной изъ маленькихъ республикъ, подражавшихъ большой, на общее требованіе конституціи, которой въ скоромъ времени составивъ было невозможно, сдѣлана была деревянная книга, на которой золотыми буквами начертано было магическое слово — и собравшійся народъ шорже-свенно присягалъ шаинственному кодексу! — Г. Каппъ дѣйствительно кажется клялся *in verba magistri* ученаго Гегеля и думалъ, или по крайней мѣрѣ хотѣлъ думать, что только въ образѣ выраженія его наславника заключается все его достоинство. Но, Милосивые Государы! это хула на Гегеля, жестокая хула на всю философію! А между тѣмъ сочиненія, наполненные подобными умствованиями въ родѣ исторіи Г. Каппа, вредящъ истинному таланту! Далеко ли отъ Каппа до Гегеля, отъ ученика до учителя? Кришика, *безпристрастная* кришика иногда и не замѣтишь разстоянія! Отъ Гегеля недалеко и до всей Философіи; и тогда — прости Философія!

Но упомянутый читатель, можетъ быть, начинаешь уже скучать восклицаніями: сей часъ кончу, Милосивый Государь! — *Das concrete...* Г. Каппа безъ всякаго сомнѣнія не стоило бы того, чтобы занять на нѣсколько минутъ чье-либо вниманіе, если бы съ нимъ не соединялось мно-

жество другихъ мыслей и даже надежды на примиреніе между Философами, народомъ, скажу мимоходомъ, самымъ раздражительнымъ, самымъ испишельнымъ судишежь, Милоспивый Государь! какъ важень въ эпомъ отношеніи Г. Каппъ, особливо для души миролюбивой. — Въ самомъ дѣдѣ, какъ не пожелаешь, чшобы Г. Каппъ былъ первымъ герольдомъ, съ самоопроверженіемъ, возвѣщающимъ условія будущаго спокойствія умовъ. Слышу его голосъ — условія шаковы: съ *одной стороны* — не увлекаешься словами *необъяснимаго* шрансценденшализма, которыя, подобно грѣшному языку прешолоудиновъ, подобно всему земному, могутъ быть искажаемы, съ мыслію шеряшь свое достоинство и обращаешься въ пусшой звонъ гласныхъ и согласныхъ; съ *другой* — шпашься опмичать изобилюющія мыслями слова, въ какихъ бы онѣ формахъ ни были, опъ философскаго пущоцвѣша, неизбежнаго вездѣ по основнымъ законамъ природы. —

Sapienti sat! говоришь Рецензентъ, окончивая спашью свою: *Sapienti sat!* скажемъ и мы въ свою очередь. —

Ego sum.

Mémoires de Van-Hallen, etc. Записки Дона Жуана Фанъ-Галенъ, съ портретомъ Ген. Ермолова, съ картинами и планами — Парижъ. 1828 года.

Записки сіи, недавно вышедшія во Франціи и состоящія изъ двухъ частей, занимательностію своею обратили на себя вниманіе публики и уже переведены на Англійскій и Нѣмецкій языки. — Для насъ любопысны онѣ шѣмъ, что въ нихъ находится нѣчто и о Россіи: Авторъ служилъ нѣкогда въ Россійской арміи и сражался противъ Персіанъ подъ начальствомъ Генерала Ермолова, котораго и портретъ при семъ приложенъ.

Первый томъ записокъ его относится до Испаніи. Въ 1811, 12 и 13-мъ годахъ Фанъ-Галенъ участвовалъ въ кровопролитной войнѣ, которую Испанцы вели противъ Французовъ за независимость своего опечества, и неимоверною храбростію своею снискалъ особенное вниманіе знаменитаго Генерала Мины. — По возстановленіи законной династіи, Фанъ-Галенъ осмался вѣрнымъ конспираторомъ партіи, и это было причиною всѣхъ его несчастій, ибо за сіе преданъ онъ былъ Инквизиціи и послѣ свергнутъ въ шемпиду, гдѣ претерпѣвалъ мученія неимоверныя. Освобожденіе его изъ заточенія достойно бытъ помѣщено въ романѣ: молодая дѣвушка, находившаяся въ услуженіи у одного изъ Инквизиторовъ, шронулась несчастіями Фанъ-Галена, рѣшилась

освободить его и совершила предпріятіе свое, не взирая на всѣ угрожавшія ей опасности. —

Во второй часпи описывается онъ пушешествіе въ Россію. Въ Пешербургѣ представлень онъ былъ въ Бозѣ почивающему Императору Александру. Вскорѣ послѣ сего вступилъ онъ въ нашу службу и отправился въ Грузію, гдѣ командовалъ баталіономъ подъ начальствомъ Генерала Ермолова, и имѣлъ случай нѣсколько разъ показать свою неустрашимость. — Онъ весьма много говоритъ о Г. Ермоловѣ, котораго почитаетъ однимъ изъ храбрѣйшихъ и искуснѣйшихъ Генераловъ нашихъ.

Анти-Симболика, соч. Фосса. 1826 въ 2 часпяхъ.

Anti-symbolik.

Это сочиненіе, коего вторая часть вышла уже по смерти Фосса было написано имъ прошивъ Крейцера сочиненія о древнихъ Религіяхъ. Главная мысль Фосса соспоишь въ томъ, что онъ не уважалъ Индѣйцевъ съ ихъ преданіями и почиталъ ихъ суевѣрами наравнѣ съ прочими. — Нѣмецкіе ученые, вслѣдствіе сего спора, раздѣлены были на двѣ парши. —

С М Ъ С Ъ.

Общество, учрежденное Г. Ферюссакомъ для содѣйствія успѣхамъ наукъ.

(Изъ Jour. des debats).

Мы уже извѣщали читателей о *всеобщемъ бюллетенѣ наукъ* (Bulletin universel des sciences), издаваемомъ Г. Ферюссакомъ. Нынѣ съ удовольствіемъ еще извѣщаемъ ихъ объ обществѣ, копорое основалъ сей ученый для споспѣшествованія просвѣщенію. Мысль весьма счастливая и полезная: представляя каждый мѣсяцъ описаніе свѣденій нашихъ по вѣсьмъ отраслямъ наукъ; отдавая, нѣкошорымъ образомъ, отчетъ въ успѣхахъ ума человѣческаго и показывая ихъ связь и совокупность. Не менѣе того полезно приспособляя духъ общества къ успѣхамъ просвѣщенія, и заставляя ученыхъ направлять труды свои къ одной и тойже цѣли въ области наукъ, какъ бываешь это въ торговлѣ. Нынѣ уже чувствуешь необходимость сообщенія, и ученые наши не работаютъ болѣе въ одиночествѣ; напрошивъ того они безпрестанно сообщаютъ другъ другу свои открытія и совокупляютъ свои силы. Уединенное размышленіе полезно только для первоначальнаго образованія наукъ; ибо въ уединеніи обыкновенно гений открываетъ зародышъ оныхъ, но онѣ могутъ развиться только при чрезвычайныхъ обстоятельствѣхъ и при общемъ усиліи людей; въ младенческомъ же возрастѣ своемъ науки не имѣ-

юшь нужды въ другомъ обихащцѣ, кромѣ кабинета ученыхъ; академіи, общества потребны въ возрастѣ мужества.

Всегда осмѣвали людей, хотѣвшихъ бытъ геніями всеобъемлющими и знать все то, что только умъ человѣческой постигнуть можеть. Правда, шаковое прищязаніе — особливо въ наше время — почитаешся спранныстію; однакожь нельзя смотрѣть на него, какъ на одно только суешное желаніе: въ эшомъ прищязаніи замѣтна потребностъ человѣчества. Древняя философія, объемля познаніе души человѣческой и природы, была наполнена системами энциклопедическими. Цицеронъ въ своихъ бесѣдахъ Тускуланскихъ являешся подобнымъ энциклопедистомъ: онъ безъ малѣйшаго затрудненія смѣшиваеш все: Физиологію, Психологію, Религію, Нравоученіе; и эшо происходило единственнo ошъ того, что въ сіе время область наукъ не была еще раздѣлена на столь различные удѣлы. Въ XVI столѣтіи, при возрожденіи наукъ, всѣ ученые спремались ко всеобщности; шакъ напр. Скалигеръ, Карданъ, Агриппа и самый Рабле. Въ то время Медицина не была одною врачебною наукою; но спаралась разрѣшить великую задачу міра, заключала въ себѣ познанія природы. Письма Гюи Патена (Guy Patin) еще болѣе удостовѣряють въ семъ. Переписка сего ошпрумнаго Медика ешъ, въ нѣкоторомъ ошношеніи, всеобщій бюллетень наукъ въ началѣ

XVII столѣтія. Въ Порш-Рояль Философія была смѣшиваема съ Физикою. Но въ позднѣйшія времена науки начали дѣлиться; каждая изъ нихъ возымѣла свою обласшь, свой предметъ, и люди, казалось, отказывались отъ всеобъемлемости; но вскорѣ появляешся снова это стремленіе, только въ другой формѣ: то, что прежде совершалъ одинъ, желаютъ совершать въ совокупности; не одинъ уже человекъ стремится ко всеобъемлемости, но цѣлыя общества. Нѣтъ уже тѣхъ удалцевъ, которые съ однѣми собственными силами покусились бы завоевать цѣлое Государство, но соединяюшся вмѣстѣ и совокупно шествуютъ. Въ XVI стол. поддерживали еще тезисъ *de omni re scibili*; въ XVIII издали Энциклопедію; а въ наше время являюшся всеобщіе бюллетени и энциклопедическія обозрѣнія. Умъ человѣческій всегда стремился ко всеобщности. Прежде, когда науки были недоспашочны и смѣснены, вся энциклопедія могла заключашся только въ одномъ человекѣ; — примѣромъ сему служатъ Албертъ великій и Пикъ де-ла-Мирандоль (*Pic de la Mirandole*); — нынѣ же, когда они увеличились и распространились, являюшся Академіи, Инспитуты, общества, журналы. Все это есть не что иное, какъ потребность и желаніе всеобщности.

Въ самомъ дѣлѣ, человекъ, въ какое бы время онъ ни жилъ, созерцая міръ, не можетъ не стремиться къ его познанію. Онъ хочетъ постиг-

нущь шайну этой великой задачи и вслчески спарашся изьяснить оную. Онъ не желашь постепенно изучать вселенную, чшобъ такимъ образомъ мало по малу узнашь всю совокупность ея; нѣшь, — желанія его простирающся далѣе; онъ смѣло изьясняетъ себѣ мѣръ и восхищается, думая, что открылъ шайну Всемогущаго. Всякой вѣкъ имѣешь подобныя изьясненія и каждое изъ нихъ не можешь бышь ни совершенно ложнымъ, ни совершенно истиннымъ. Съ нѣкоторой спороны они всѣ вѣрны, и ложны съ другихъ; но всѣ, однакожь, доказывающъ спремленіе ума человѣческаго ко всеобщности. Напрасно все убѣждаешь его, что анализъ есть единственное средство къ открытію чего-либо истиннаго; анализъ сей съ одной спороны слишкомъ замедляетъ его, съ другой шшолько сухъ, что не можешь удовлетворишь его. Нѣшь, онъ ищетъ чего-то другаго; едва собралъ нѣсколько опышовъ, какъ уже силишься соорудить изъ нихъ зданіе. Такимъ образомъ, безпрешанно переходить онъ отъ анализа, ошвергаемаго имъ по причинѣ его скудности, къ синтезу, который шакже скоро оставяешь пошому, что онъ приводить его въ заблужденіе. Таковъ необходимый ходъ его!

Въ наше время ученые сильно вооружились прошивъ шакого направленія ума человѣческаго. Они называли высокомѣрнымъ, дерзновеннымъ шото, кшо спѣшилъ создавашъ системы и воздвигаль

зданіе, не заготовивъ еще матеріаловъ. Приспѣ-
 женный споль сильными упреками, умъ человѣче-
 скій покорился, отказался опъ системою, удоволь-
 ствовался наблюденіями и оспался въ похвальной
 недоувѣрчивости къ своему спремленію ко всеоб-
 щности. Правда, онъ старался вознаградишь се-
 бя за умѣренность со споронны познаній шюю сво-
 бодою, кошорую обнаруживалъ въ полишикъ,
 нравоученіи и липшпературѣ; однакожь въ наше
 время менѣе находишь изъясненій общиыхъ, нежели
 прежде; или, по крайней мѣрѣ, онѣ имѣють мень-
 шій успѣхъ. Конечно, сія недоувѣрчивость разума
 къ системамъ похвальна, но не спанемо слиш-
 комъ увлекаешь оною. Необходимость синпеза
 споль же ешественна, какъ и необходимость
 анализа. Сверхъ шого посредствомъ синпеза
 шокмо науки могушь содѣлаться народными, и
 дѣйшвишельно людей непросвѣщенныхъ (кошорые
 находяшь въ большомъ количествѣ) не можешь
 беспокоишь сія подробность въ наукахъ; они не
 могушь изслѣдовашь Химию со всеми принадлеж-
 ностями, ни Физику со всеми частями ея; но
 для нихъ нужны идеи общія; они желаюшь пред-
 ставляшь себѣ успѣхи наукъ въ сокращенности;
 видѣшь шолько, въ какихъ новыхъ почкахъ онѣ
 соприкасающа и что общаго образують онѣ.

Однимъ словомъ, ешь наука всехъ наукъ, со-
 держащая въ себѣ знаніе взаимныхъ ихъ опноше-
 ній; наука, досель смѣшанная съ духомъ систе-

мы, опшвергнушая и осужденная духомъ анализа и почишаемая одною химерою. Ее-шо профаны пребують отъ ученыхъ. Въ самомъ дѣлѣ обрати-те вниманіе на всѣ науки: какое участіе внуша-ють первыя ихъ начинанія; какое живое любопышество возбуждають первыя уроки Физики и Химіи — отъ того, что они сообщаютъ только начала общія, пошому что умъ разсмашриваетъ міръ въ его всеобъемлемости, видитъ раскрыва-ющіеся передъ собою удивительныя пружины и механизмъ. Далѣе, представивъ себѣ вселенную во всей безпредѣльной ея общности, мы начина-емъ заниматся нѣкоторыми опдѣльными частями ея; тогда любопышество наше уменьшается по мѣрѣ того, какъ спановишся шѣснѣ перспекти-ва сія; пбо въ наукахъ ни одно явленіе не нра-вишся намъ само по себѣ, въ своей особности, оно занимаешъ насъ только по шѣмъ новымъ опношеніямъ, копорыя мы опкрываемъ въ немъ, и любопышество наше возбуждается съ увеличені-емъ различныхъ опношеній и съ расширеніемъ круга его дѣйшвованія. Электричество не такъ бы сильно занимало насъ, еслибъ не казалось намъ вручающимъ ключъ къ познанію всей природы: шакъ какъ всѣ явленія его, по мѣрѣ прилежнаго ихъ изслѣдованія, предспавляются простирающими на различные предметы; шо и безпрерывно надѣмся, что онѣ повѣдаютъ намъ шайну вселенной.

Всѣ науки, правда, сходящяся между собою; но онѣ сходящяся только своими вершинами, встрѣчающяся между собою только въ идеяхъ общихъ, и въ сей-то главной почкѣ любимъ мы находишь ихъ сосредоточенными. Мы слишкомъ развлекаемъя другими предметами для того, чшобъ имѣть время въ чемъ-либо другомъ ошыскивать ихъ. Ошъ ученыхъ обыкновенно мы пребуемъ однѣ сокращенія, синтезы науки; пребуемъ чшобъ сказали намъ, чшб онѣ заимствують одна ошъ другой, чшб доставляють одна другой, въ какихъ почкахъ онѣ соприкасающяся; какая общяя идея служишь для нихъ узломъ связующимъ; какимъ образомъ всѣ сіи общія идеи, часпями различныхъ наукъ порожденныя, сокращающяся въ синтезѣ возвышеннѣйшемъ; пребуемъ, наконецъ, науки опношеній всѣхъ наукъ.

Но возможна ли таковая наука? Обнимать всѣ подробности и приводить ихъ къ началу общему; открывать ту сторону, копорою одна наука съ другой соединяеться, разобщать науки, дабы сдѣлать ихъ всенародными — ужели можно почесать сіе искусствомъ или методомъ? Не скорѣли составишь эпо, какъ и доселѣ составляло, особенное преимущество и шайну одного генія? Одинъ только онъ можетъ бросать взгляды споль почные и обширныя. Въ семъ-то знаніи опношеній наукъ и заключаеться превосходство генія. Такимъ только онъ являеться народу, и я желалъ бы, чшобъ посредствомъ

сего полько науки дѣлались народными. Конечно предпріятіе сіе трудно, но для чего же опчаяваться? Было шакже время, когда одинъ полько геній имѣлъ право дѣлать опкрышія; когда искусство наблю-дать было принадлежносію полько мужей великихъ. Нынѣ же искусство сіе содѣлалось почши общимъ, и достапочно имѣшь полько здравый умъ и нѣкоторое вниманіе, для шого, чшобъ дѣлать опкрышія — сшаспливое дѣйствіе привычки къ анализу и опыту, которые являюпся нынѣ всеобщемою метододою наукъ. Нѣкогда опкрышія происходили опъ сшасшія или вдохновенія, а пошому были рѣдки, и науки шли медленно; шеперь онѣ сущь слѣдствіе прилежанія и перпѣнія, и человекъ, въ нѣкоторомъ опношеніи, есть повелитель успѣховъ наукъ. Опъ его воли зависпшь подвигать ихъ впередъ или опсавляшь неподвижными; шрудолюбіе производпшь што, чшо прежде шворилъ одинъ геній; — однимъ словомъ, чшобъ прежде дѣлали нѣкоторые, нынѣ дѣлаюшь всѣ. Опшелъ и бышпые успѣхи наукъ.

Другая причина надежды сосшопшь въ шомъ, чшо нынѣ въ Философіи совершается переворотъ подобный шому, котораго желаемъ мы въ наукахъ. Начинаюшь вводпшь, подъ именемъ Философіи Испоріи, науку, которая, при помощи формуль Философическихъ, представляешъ въ сокращенности развитіе промышленности, искусствъ, лпшшерашуры, полишики, религіи и са-

мыхъ наукъ; кошорая показываешь почку, гдѣ всѣ сіи многоразличныя приложенія ума человѣческаго встрѣчаются и соприкасающся; показываешь ихъ порядокъ, сцѣпленіе, зависимость, превосходство; начинающъ, наконецъ, вводилъ науку многоразличныхъ отношеній между всѣми сими предметами и ихъ общностью. Философія не почиается болѣе изученіемъ способностей нашего ума и свойствъ души нашей; она уже не заключаешь въ себѣ только Психологію и Метамфизику. Болѣе смѣлая, она, принимая Исторію, какъ изображеніе природы умственной и нравственной, какъ образъ человѣчества, изясняешь ходъ его и предопредѣленіе. Такимъ образомъ Философія не занимается уже изученіемъ подробностей, но содѣлывается великою методомъ общаго единства и является уже не частною наукою, но наукою всѣхъ наукъ.

Сію-то науку мы и пребуемъ ошь ученыхъ, науку, возвышающуюся надъ всѣмъ шѣмъ, что обнимаешь она, сокращающую все безъ ущерба — шу методомъ общаго единства, кошорую нынѣ предусматриваешь Философія и къ кошорой должны стремиться всѣ наши знанія. Въ прошедшемъ столѣтіи Философія зависѣла ошь прочихъ наукъ и являлась эмпирическою въ школахъ наукъ опытныхъ; нынѣ же наступило для нея время воздашь за все то, что она заимствовала у сихъ послѣднихъ. Онѣ научили ее наблюденіямъ; шеперь она

должна учить ихъ приводить сія наблюденія къ единству. Ни науки, ни Философія не должны забывать, что онѣ только посредствомъ сего стремленія къ общности могутъ содѣлаться доступными для всѣхъ.

Въ нашъ вѣкъ, вѣкъ дѣятельности и соревнованія, общество Г. Ферюссака весьма полезно; оно заслуживаетъ какъ всеобщее уваженіе, такъ и благосклонность Правительсва.

Кр.

Приключенія Хаджи Бабы.

(Продолженіе).

Прежде нежели мы перемѣстились изъ малаго корабля въ большой, Намѣстникъ острова посѣтилъ нашего Посланника. Подѣхавши близко къ кораблю, онъ вмѣсто извиненія въ томъ, почему не взошелъ на корабль, указалъ на желтый флагъ, прикрѣпленный къ мачтѣ корабля и служившій знакомъ нечистоты. Онъ также извинился черезъ Мемандара въ томъ, что не въ его власни состояло принять посланника на берегу прилично его сану, и увѣрялъ насъ, что всѣ правила карантинновъ такъ строги, что еслибъ Ангелъ пріѣхалъ изъ Турціи, то и его бы сочли нечистымъ. Въ заключеніе своей рѣчи онъ осведомился о здоровьи Шаха и политическомъ состояніи Персіи. Мирза Фирузъ, который вмѣнилъ себѣ въ

долгъ отвѣчать на такой льстивый вопросъ и въ тоже время высказать состояніе нашего опеченства въ самомъ лучшемъ видѣ, увѣрялъ намѣстника, что по послѣднимъ извѣстіямъ мозгъ Шаха обрѣщается въ совершенномъ здоровьи и что онъ въ своихъ чертогахъ Султанійскихъ весьма радостное получилъ извѣстіе о томъ, что ему изъ его мясешныхъ провинцій Хорасана и Мазандерана, совершенно опустошенныхъ побѣдоносными его войсками, посылается двадцать вьюковъ съ головами буншовщиковъ; что симъ торжествомъ обязаны мы двадцать пятому сыну его Величества. Онъ надеется, что сія новость преисполнитъ радостію сердце Намѣстника и что вся Англія будетъ ею довольна. Намѣстникъ отвѣчалъ, что это неслыханное счастье, — и сколько мы поняли изъ словъ нашего шолмача, сказали многія приличные поздравленія. Онъ съ своей стороны счелъ также необходимымъ сообщить намъ что нибудь; но его извѣстія не совсѣмъ были для насъ пріятны. Изъ словъ его намъ показалось, что въ Англіи свирѣпствовала война междоусобная, ибо онъ намъ съ большимъ удовольствіемъ рассказывалъ, какъ Визири Англійскаго Шаха, по видимому также какъ и въ Турціи повелѣвающіе войсками, одержали рѣшительную побѣду надъ мясешнымъ народомъ, именуемымъ оппозиціею. Мемандаръ объяснилъ намъ нѣсколько сей предметъ, совершенно для насъ непостижимый,

Однако видно было, что мяшежники еще довольно были сильны, ибо, по собственным словам Намѣстника, хотя ежедневно ихъ били, но не могли разстѣять. „А!“ воскликнулъ Могаммедъ Бегъ, „что ни говори Франки объ образѣ своего правленія, но здѣсь очевиденъ большой недоспашокъ въ воспочной мудрости; немного *Тутіай-Довлетта* или Государственнаго *Коллиріума* (*) имъ принесло бы большую пользу, и клянусь Аллою, ваше дѣло,“ сказалъ онъ обращаясь къ Мирзѣ Фирузу, „показашъ имъ сіе средство.“ Разпросившись съ Намѣстникомъ, мы спали перебираясь на другой корабль. Неохотно разспались мы съ друзьями малаго корабля, копорымъ весьма хошѣлось проводить насъ до Англій; но лишь только мы очутились на палубѣ большаго, то восторгъ и изумленіе вышѣснили изъ сердца нашего всѣ прочія чувства.

Посланника принялъ Капшанъ корабля съ большими церемоніями. Онъ былъ уже старый человекъ и для большей почести, какъ мы думали, посыпалъ голову свою бѣлой мукою съ такимъ искусствомъ, что она не падала. Какая же могла быть другая причина такому обряду? Онъ споялъ безъ шляпы, вѣроятно съ намѣреніемъ показашъ

(*) Коллиріумъ, или антимоній, — порошокъ, который на воспокъ употребляется для укрѣпленія глазъ. Его въ насмѣшку предлагающъ вмѣсто лекарства Государственнымъ чиновникамъ, дурно исправляющимъ свои должности,

муку свою, говорилъ привѣшпвія и дабы показати, что онъ не однѣми словами чеспипъ насъ, онъ велѣлъ сдѣлать спрашный залпъ изъ пушекъ. Попомъ онъ повелъ насъ кругомъ по кораблю, и мы нашли все, чего душѣ угодно, кромѣ лошадей и зеленого поля, гдѣ можно бы было прогуливаться. На эпомъ корабль пушекъ было впрое болѣе прошивъ перваго, а людей досташочно бы было для населенія одного изъ городовъ нашихъ. Число женщинъ было шакъ мало въ сравненіи съ мущинами, что здѣсь можно бы было перемѣнить на оборотъ обычай нашихъ гаремовъ и вмѣсто пятидесяти женъ на брапа, по пятидесяти невольниковъ назначить на каждую женщину. Но впрочемъ шакое было во всемъ изобиліе, какъ будто рынокъ Испаганскій былъ недалеко отъ насъ и снабжалъ насъ запасами. Мы имѣли плоды всякаго рода, масла и молока шолько, какъ будто шашры Шіюшовъ раскинуты были по сосѣдству; вина и мяса также большое количество.

Все, что мы видѣли передъ собою, привидило насъ въ шакое изумленіе, какого мы еще не чувствовали по выѣздѣ изъ шраны своей. „Ахъ, сказали мы, будь у Шаха хошя одинъ шакой корабль на Каспійскомъ морѣ, онъ сжегъ бы Русскихъ.“ — Иншамма! Да будешъ сіе угодно Богу! — воскликнули всѣ предшоящіе, и мы надѣялись въ Англій выучиться кораблешпроенію; Турки, единогласно признанные за оловъ въ родѣ человѣче-

скомъ , думали мы , — и шѣ постигли сіе искусство , — шо какъ же намъ , Персіанамъ , смѣшливостию и дарованіями превосходящимъ всѣхъ прочихъ народовъ , не поспичь его ?

(*Продолженіе впрѣдъ*).

Письмо къ Г. И. Божанову.

Ты хочешь знашь , любезный другъ ,
 За чѣмъ , оставя мирный кругъ
 И сельское уединенье ,
 Съ женой уѣхаль я въ Москву ,
 И какъ въ сполциѣ я живу ?
 Послушай же — имѣй шерпѣнье ,
 И , прежде чѣмъ я дамъ опчѣшь
 Тебѣ какъ должно по порядку ,
 Ты разгадай мою загадку :

Лишь шолько пяшь часовъ пробъѣшь ,
 Жена моя уже одѣша
 И подъ крыльцомъ спюишь карета ;
 И мы съ пяти часовъ утра
 Ужь ѣдемъ съ нею со двора .
 За нами вслѣдъ и передъ нами ,
 И парами и чешвернями ,
 Карешъ и дрожекъ цѣлый рядъ ;
 И всѣ наперерывъ спѣшатъ .
 Тупъ шляпки , чепчики , вуали ,
 И шюль и газъ и пикинешъ ,

Капшны модныя и шали
 Въ глаза мелькаюшъ изъ карешъ.
 Но вопш къ крыльцу мы подъѣзжаемъ
 И входимъ въ неизвѣстный домъ:
 (Хозяинъ съ нами незнакомъ
 И даже *здѣсь ли онъ* — не знаемъ.)
 Проходимъ дальше — и вспрѣчаемъ
 Блещящій, лучший кругъ Москвы,
 Людей и спашскихъ и военныхъ;
 Прѣзжихъ съ береговъ Невы
 И изъ Губернй опдаленныхъ;
 Московскихъ миловидныхъ дамъ
 Въ небрежныхъ упренныхъ уборахъ,
 И съ ними въ рядъ и по слѣдамъ
 Мужчинъ въ весѣлыхъ разговорахъ.
 Всѣ горницы опкрышы намъ.

Мы время вмѣстѣ всѣ проводимъ
 Одной семьей, въ одномъ дому,
 И въ шляпахъ (вѣришь ли шому?)
 При дамахъ въ горницахъ мы ходимъ.
 Здѣсь равная свобода всѣмъ
 И одинакѣ приемы;
 Другъ съ другомъ всѣ почши знакомы
 И незнакомы между шѣмъ.

Ну, любезной другъ! разгадаешь ли шы мою загадку? Я увѣренъ, что она запруднишь шебя. Какъ! Въ Москвѣ, въ столицѣ роскоши и свободы, дамы выѣзжаюшъ *въ пять часовъ утра*, со-

бираются все въ одинъ домъ, мужчины въ горницахъ ходяшь въ шляпахъ въ присушествіи прекраснаго пола. Не стану долѣ поминать себя и разрѣшу задачу.

Этотъ непонятный для тебя домъ, или мѣсто, куда такъ рано спекается публика, есть *Московское заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ*. Оно учреждено по примѣру давно уже существующихъ подобныхъ заведеній во Франціи и Германіи, и открыто каждый день съ пяти часовъ утра до десяти. Пользующіеся водами наслаждаются полною свободою во время употребленія оныхъ: они гуляють по устройенной нарочно для того галлерей и въ саду, находящемся при семъ заведеніи; въ случаѣ же ненастной погоды прогулка ихъ ограничивается въ покояхъ дома. Мужчины присвоили себѣ право *не снимать шляпъ* для избѣжанія простуды, легко приключающейся отъ малѣйшаго сквознаго вѣтра при употребленіи теплыхъ водъ. Посѣщители обою пола, составляющіе какъ бы одно семейство, проводятъ постоянно каждый день по нѣскольку часовъ вмѣстѣ въ печеніе продолжительнаго времени, дѣлаются совершенно извѣстными другъ другу, не будучи знакомы между собою, и ихъ можно называть *знакомыми незнакомцами*. Общество пользующихся водами многочисленно.

Узнавъ, что заведеніе сіе открыто въ Москвѣ, я съ женою моею поспѣшилъ сюда пріѣхать, что-

бы въ нынѣшнемъ же году успѣшь выдержашь полный курсъ леченія. Это единственная цѣль поѣздки нашей въ смолицу. Прииснуця къ пользованію, при самомъ началѣ онаго мы уже стали чувствовать благопріятную въ себѣ перемѣну. Курсъ нашъ продолжается и по нынѣ, слѣдовательно я не могу еще сдѣлать рѣшительнаго заключенія о пользѣ, какую получишь мы можемъ ошъ употребленія сихъ водъ; повшоряю шолько, что мы по сіе время чувствуемъ себя *весьма хорошо*, и многіе опыты, коихъ мы были уже очевидными свидѣтелями, убѣдили насъ совершенно въ несомнѣнномъ успѣхѣ сего леченія. Прошу собратовъ моихъ, провинціаловъ, не вѣришь разсѣваемымъ слухамъ въ осужденіе благошворительнаго заведенія сего. Не спорю о томъ, что, можешь быть, нѣкоторые молодые люди посѣщаютъ оное для шого шолько, чтобы находилъся въ пріятномъ обществѣ; но эшо ни сколько не уменьшаетъ достоинства и существенной пользы сего учрежденія. Молодымъ людямъ, живущимъ въ столицѣ, весьма свойственно искать разсѣянія въ шомъ мѣстѣ, куда собираешся многочисленная публика; мы же пріѣхали *за восемь сотъ верстъ* не для шого, чтобы пошолкаться въ шолнѣ незнакомыхъ намъ людей, а для пользованія себя ошъ болѣзненныхъ припадковъ и — не расшаваемся. Жаль шолько, что погода не благопріятствуетъ и употребляемыя воды оказываютъ менѣе дѣйствія при

сырости воздуха. Нѣсколько времени сряду безпрестанно проходящъ дожди, мрачныя тучи носящя надъ нами, и я могу себѣ сказать (такъ, какъ одинъ Англичанинъ писалъ изъ Лондона къ пріятелю своему въ Испалію) *кланяйся отъ меня солнцу, котораго я давно уже не видѣлъ.*

Искренно преданный себѣ и прочее.
Москва 8 го Августа.

Русская воздухоплавательница.

(С о о б щ е н о).

Иностранцамъ прежде насъ суждено завоевыватьъ всѣ спихіи; но ужь какими наградами и нравственными и физическими, мы плашимъ за это первенство! Нападки на пристрастіе къ иностранцамъ давно уже у насъ сдѣлались общимъ мѣстомъ; но право не лзя не прибѣгать къ нему во многихъ и многихъ случаяхъ. Какими рукоплесканіями и деньгами награждали у насъ иностранныхъ воздухоплавателей, и съ какимъ равнодушіемъ приняли Г-жу Ильинскую, которая великодушно и смѣло совершила воздушное путешествіе въ Воскресенье 19 го Августа. (*)

(*) Точно также иностранному бѣгуну нынѣшней весной Москвитяне заплатили тысячи за его прогулки, между тѣмъ какъ Русскіе готовы были взять за нихъ по полшинѣ серебромъ; одинъ изъ такихъ нашихъ скороходовъ хотѣлъ просить Генераль-Губернатора Князя Д. В. Голицына слѣдующимъ письмомъ:

Читателямъ нашимъ любопытно будешь знать, что оно совершенно было проспою, необразованною, Русскою мѣщанкой, живущей въ Прѣсенской части, въ самомъ бѣдномъ положеніи. Молва разсѣяла слухи, что она не исполнишь своего обѣщанія. Но наша героиня обличила илевспу на дѣлѣ и въ шарѣ начиненномъ не газомъ, а проспымъ дымомъ опъ арженой соломы, поднялась болѣе чѣмъ на 300 сажень и съ высоты привѣспшвовала зрителей ракетами. Рѣшась на такое опасное предпріятіе, она просила самую умѣренную цѣну — 4 р. съ персоны за входъ — и собрала всего 200 р. такъ, что ей не доспало бы денегъ на покрышіе издержекъ, еслибы доброхошныя дашели, не наградили ея за успѣшное окончаніе подвига, геройскаго для проспой женщины, — не говоря уже о томъ, что ей самой опъ сего пушешествія не оспалось ничего, кромѣ удовольствія побывашъ выше всего земнаго.

Сіятельнѣйшій Князь! Провѣдавъ, что Московская Публика любитъ смопрѣшь на бѣганье и плашінъ за то дорогія деньги какому то иноземцу, который въ 37 минутъ перебѣгаетъ 9 съ половиною верстъ, между шѣмъ какъ это опнюдь не диво, я прошу Ваше Сіятельство о позволеніи помѣряться мнѣ моими русскими ногами съ симъ заморскимъ скороходомъ. — Мнѣ хочется показашъ, что такихъ бѣгуновъ у насъ и неперечтешъ, но мы считаемъ за грѣхъ брать съ православныхъ деньги за такія легкія забавы. — Если я не сдержу своего обѣщанія, то подвергаю себя любому наказанію.

1828 года. Маія дня. Москва.

Литературныя новости.

Спѣшимъ сообщить публикѣ пріятныя новости: Мессинская неѣста, Трагедія Шиллера, переведена. Мы читали нѣкоторыя ошривки, и намъ показалось, что они достойны подлинника. —

Еще переведенъ вновь Севильскій Цырюльникъ. —

Благородный Театръ, комедія въ 4 дѣйствіяхъ, соч. М. Н. Загоскина, оппечатана. —

Начать печашаться большой Катологъ сшаропечашныхъ Словенскихъ книгъ, Графа Ө. А. Толшова, сочиненный П. М. Спроевымъ.

Издашель Московскаго Вѣс. получилъ изъ Пешербурга отъ неизвѣстнаго замѣчанія на одну сшашью почшеннаго В. И. Берха. Сіи замѣчанія наполнены язвительными насмѣшками, и какъ доставленные неизвѣстнымъ, не могушь напечатаны бышь въ М. Вѣсшникѣ, по правилу принятому Издашелемъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ шѣмъ, чтообы по оппечатаніи представлены были въ Цензурный Комишеть при экземпляра. Москва, Августа 30 го дня 1828 года.

Въ должности Предсѣдателя Сергѣй Аксаковъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Стихотворенія.

Стран.

<i>М. Загоскина</i> : Отрывокъ изъ Комедіи Благо- родной Театръ	107
<i>Н. П.</i> Къ друзьямъ	9
<i>Петрова</i> : Вечернее волнованье	8
<i>А. Пушкина</i> : Недокончанная картина	212
<i>В. Флимонова</i> : А. С. Грибоедову	321
<i>А. Хомякова</i> : Три импровизированныя піесы при прощаньяхъ	3
Лотось	6
Эпиграммы : Ранняя смерть	8
Перемѣна	214
Равновсіе	—
Элегія	211
Цыганская пляска	318
Цыганка	319
Цыганская пѣсня	320
Ночь	213
Изъ Геше	214

П р о з а.

Отрывокъ изъ Шакспировой трагедіи Отелло	10
Два дни въ жизни земнаго шара	120
Аксель, Шведскій романсъ	215
Отрывокъ изъ Исторіи Швейцаріи, соч. Цшокке	322
Шотландіи, соч. В. Скотта	334

Н А У К И.

Объ Исторіи, Кине	39, 129
О Сѣверномъ сіяніи	243
О вѣроисповѣданіи и языкѣ Монголовъ	349

II

К Р И Т И К А

Русскія книги.

	Страж.
Описаніе Молдавіи и Валахіи, соч. Яковенка	70, 256, 313
Манфредъ, Поэма Лорда Байрона	36
Двойникъ, А. Погорьльскаго	160
Спихотворенія Гг. Межакова и Бороздни	164
Водевилл: Какъ дороги ушки	} 279
Средство выдавать дочерей за мужъ	
Киргизскій Пльвникъ	170
Пьсни золотого рожка, Лирическія поэмы Н. Невдомскаго, Признаніе на 30 году жизни, Цьвница, Разбойникъ, Сельская жизнь	368
Спихотворенія А. Шишкова	—
Письмо къ Издашелю М. Вьстника	77

Иностранныя книги.

Философія Сшатшестки	83
Ру и Герцоги Нормандскіе	172
О Димитріи Самозванцѣ	185
Похожденія Іоанны д'Аркъ	287
Жизнь Наполеона	295
Конкретское всеобщее Исторіи [.	393
Приключенія Ван-Галена	400
Наполеонъ въ Египтъ, соч. Бартелеми и Мери	85
Лордъ Байронъ и его современники	87

С М Ъ С Ъ .

Общество учрежденное Ферюсакомъ для содѣйствія наукамъ	391
Разрѣшеніе вопроса кто были Татары	197
О Кометѣ 1832 г.	96
Объ Актѣ И. М. Университета	101
Извѣстія изъ Симферополя	106
Замѣчаніе любителю музыки въ Телеграфѣ	202
Мысли, замѣчанія и анекдоты	207
Литературныя новости	304, 421
Приключенія Хаджи Бабы	88, 204, 296, 296
Московскія минеральныя воды	187
Еще объ водахъ	399
Русская воздухоплавательница	404

